

0-38

ОГНИ КУЗБАССА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ

1956

КЕМЕРОВСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

9

Берегите книги!

Не загибайте углов, пользуйтесь этой закладкой.

Не перегибайте книгу во время чтения.

Не задерживайте книгу дольше положенного срока, пока не ждут другие читатели.

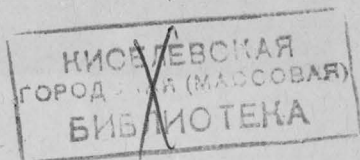
Завертывайте книгу в бумагу.

При утере или порче книги читатель обязан купить или уплатить ее стоимость.

1901
151
109

ОГНИ КУЗБАССА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ

№ 9

1956

КЕМЕРОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Кемеровская областная
научная библиотека
Основной фонд
460016

A

КАК ПАРТИЕЙ НАМЕЧЕНО, ТАК И БУДЕТ!

*„Я
планов наших
люблю громадьё.
Размаха
шаги саженьи“.*

В. МАЯКОВСКИЙ.

Есть в календаре советского народа даты, знаменующие события огромной исторической важности, вошедшие в нашу жизнь светом и теплом, радостью и вдохновением, поднимающие на творческий созидательный труд миллионные массы. Время не сотрет в памяти советских людей 5 октября 1952 года. В этот день, раскрашенный ярким багрянцем скверов и садов, синевой осеннего неба, в столице нашей Родины — Москве открылся XIX съезд КПСС. Начал работать съезд, который наметил грандиозную программу пятой пятилетки, указал нам до предела ясный путь дальнейшего подъема экономики социалистического государства, роста материального благосостояния и культуры.

С тех пор прошло не многим более трех лет. Но как много успели сделать за это время мы, советские люди! Оглянешься назад, прикинешь глазом расстояние — здорово мы ушли вперед к своей заветной цели — коммунизму! План пятой пятилетки завершен досрочно — за 4 года и 4 месяца. За это время продукция промышленности СССР увеличилась на 85 процентов, национальный доход государства возрос на 68 процентов.

Гигантский скачок сделала наша тяжелая индустрия — этот становой хребет всего народного хозяйства. План пятой пятилетки по производству стали, проката, нефти, угля, электроэнергии, цемента, алюминия, автомобилей, тракторов и многих других видов продукции перевыполнен.

Подобных темпов не знает ни одно капиталистическое государство в мире. Они еще и еще раз свидетельствуют о великой жизнотворной силе нашего советского строя, о мудрости родной Коммунистической партии, о ее умении поднимать в народе могучий творческий энтузиазм.

За время, прошедшее после XIX с'езда, внешнеполитические позиции Советского Союза еще более упрочились, а его авторитет и международные связи неизмеримо выросли. Следуя ленинским принципам миролюбивой внешней политики, СССР активно проводил курс на ослабление международной напряженности и упрочение мира и добился на этом пути больших успехов. В отчетном докладе ЦК КПСС XX с'езду партии ясно сформулированы наиболее важные направления, по которым развивалась мирная инициатива советского государства:

«Во-первых, улучшение отношений между великими державами.

Во-вторых, ликвидация имевшихся очагов войны на Востоке и недопущение возникновения новых очагов войны и конфликтов в Европе и Азии.

В-третьих, урегулирование отношений с рядом государств в целях смягчения напряженности в Европе (нормализация отношений с братской Югославией, заключение Государственного договора с Австрией, установление дипломатических отношений между СССР и Германской Федеральной Республикой и другие).

В-четвертых, поиски новых путей для решения таких вопросов, как создание системы коллективной безопасности в Европе, разоружение, запрещение атомного оружия, германская проблема и т. п.

В-пятых, решительное сближение со всеми государствами, которые стоят на позиции сохранения мира.

В-шестых, всемерное расширение международных контактов и связей по всем линиям: личный контакт советских государственных деятелей с государственными деятелями других стран, контакты и общение между представителями нашей партии и рабочих партий других стран, между профессиональными союзами, расширение обмена парламентскими, общественными и другими делегациями, развитие торговли и других экономических связей, туризма, расширение обмена студентами.

Мирная инициатива СССР стала одним из самых крупных факторов, оказывающих огромное воздействие на ход международных событий».

Чудесен сегодняшний день нашей Родины! Но еще прекрасней, светлее и радостней будет он завтра. Мы явственно видим его в непрерывном под'еме народного хозяйства, в дальнейшем повышении благосостояния советских людей. Это завтра — в планах шестой пятилетки, намеченных Директивами XX с'езда КПСС. У каждого из нас легко на сердце. Мы уве-

ренно смотрим в будущее, мы глубоко верим Коммунистической партии и своему Правительству. Дорога, по которой они сквозь бури и грозы ведут нас, — прямая, верная дорога к человеческому счастью!

«Главные задачи шестого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР, — говорится в Директивах XX съезда КПСС, — состоят в том, чтобы на базе преимущественного развития тяжелой промышленности, непрерывного технического прогресса и повышения производительности труда обеспечить дальнейший мощный рост всех отраслей народного хозяйства, осуществить крутой подъем сельскохозяйственного производства и на этой основе добиться значительного повышения материального благосостояния и культурного уровня советского народа».

Ясная, великая и благородная цель!

Вдумаемся в цифры шестой пятилетки, постараемся представить себе то, что будет иметь страна в 1960 году, и мы еще явственней разглядим взметнувшиеся ввысь строительные леса того прекрасного здания, имя которому — коммунизм, о котором веками мечтали лучшие умы человечества. Для нас коммунизм — уже не отдаленные перспективы, а дело близкого будущего. Мы идем к нему быстрыми темпами. Год от года эти темпы нарастают, наше движение вперед к заветной цели ускоряется, и этим мы обязаны, прежде всего, своей Коммунистической партии, самой смелой и мудрой партии, какую когда-либо знало человечество, партии, основным законом которой является забота о человеке, об удовлетворении его постоянно растущих материальных и духовных потребностей.

Именно для простого советского человека, его счастья, Директивами XX съезда КПСС в шестой пятилетке предусмотрен рост промышленной продукции на 65, а производства предметов потребления на 60 процентов. Ради советского человека будет расширено применение атомной энергии в мирных целях, до 11 млрд. пудов в год увеличен сбор зерна, на 30 проц. повышена реальная заработная плата рабочих и служащих и на 40 — доходы колхозников; ради него в городах, поселках, сельской местности в течение шестой пятилетки будет построено 205 млн. квадратных метров жилья, осуществлено всеобщее среднее образование, сокращен рабочий день.

Требуется огромное напряжение ума, чтобы полностью охватить и осмыслить этот гигантский план борьбы за счастье трудового народа. Каждая цифра, каждый процент в нем — зеркало политики нашей партии и правительства, их заботы об укреплении могущества и умножении богатств социалистической державы, их любви к человеку-труженику.

«Теперь, когда мы имеем мощную, всесторонне развитую тяжелую индустрию, — сказал в докладе на XX съезде КПСС Н. С. Хрущев, — создалась практическая возможность дви-

гать вперед быстрыми темпами не только производство средств производства, но и производство предметов народного потребления. Достаточно указать, что в 1960 году будет производиться предметов народного потребления почти в три раза больше, чем в 1950 году. Партия делает и впредь будет делать все для того, чтобы потребности советских людей удовлетворялись полнее и лучше — в этом она видит свою важнейшую обязанность перед народом».

Величественные перспективы дальнейшего расцвета Родины, начертанные в Директивах XX съезда КПСС по шестой пятилетке, воодушевляют нас, радуют наших друзей — трудящихся стран народной демократии. В Директивах XX съезда Коммунистической партии Советского Союза они видят блестящий образец для планового решения собственных задач социалистического строительства, видят резервы, могучий источник сил для осуществления этой великой и благородной стройки, для укрепления могущества всего лагеря социализма.

В передовой статье «Великая программа» польская газета «Трибуна люду» писала о проекте Директив XX съезда партии: «Этот важнейший документ имеет особое значение для стран народной демократии, для нашего народа. Во-первых, потому, что мы выбрали тот же путь, что и Советский Союз, — путь социализма, и каждая победа Советского Союза на этом пути является нашей собственной победой. Во-вторых, проект Директив дает нам блестящий пример разрешения конкретных проблем экономики».

И только у враждебно относящихся к Советскому Союзу буржуазных экономистов Директивы XX съезда КПСС вызывают уныние. Однако и они, наученные печальным опытом провала своих прогнозов, на этот раз особенно подчеркивают необходимость считаться с реальностью советского планирования. «Знатоки советской экономики, — заявил в своей статье обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» Гарри Шварц, — не проявляют значительной склонности к недооценке плана». Еще более определенно высказывается по этому поводу еженедельный американский журнал «Ньюсуик», который указывал, что «Советский Союз обнародовал программу (речь идет о проекте Директив XX съезда КПСС по шестой пятилетке.—Ред.) гигантского промышленного развития», которая «является чрезвычайно целеустремленной». И далее: СССР «явно решил осуществить свою давнишнюю цель — догнать Соединенные Штаты» по производству продукции на душу населения.

Да, это наша цель! И у нас есть сейчас все возможности, чтобы достичь ее.

«XX съезд Коммунистической партии Советского Союза, — говорится в Директивах, — считает, что Советская страна располагает теперь всеми необходимыми условиями для того, чтобы на путях мирного экономического соревнования решить

в исторически кратчайшие сроки основную экономическую задачу СССР — догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны по производству продукции на душу населения».

Ни одна буржуазная партия в мире не может похвалиться тем, что ее идеи поддерживаются и активно претворяются в жизнь сотнями миллионов людей. Коммунистическая партия Советского Союза смело заявляет, что она сильна поддержкой народа. «...Мы опираемся на самую чудесную в мире силу — на силу рабочих и крестьян», — говорил Владимир Ильич Ленин.

Во всех уголках нашей необъятной Родины в эти дни ключом бьет творческий созидательный труд. Metallурги, шахтеры, колхозники, строители, сельские механизаторы, люди всех профессий направляют свои силы, знания и энергию на успешное осуществление программы шестой пятилетки, заявляют о своем стремлении утроить трудовое напряжение в решении поставленных партией задач.

— В декабре минувшего года мы добыли комбайном «Донбасс» 25.188 тонн угля. Установлен новый рекорд Кузбасса. Но и он — не предел. В ближайшее время дадим 26 тысяч тонн угля, а потом будем добывать за месяц по 27, 28, 30 тысяч тонн! Этого требует от нас партия. Будет так, как она наметила! — вдохновенно говорит делегат XX съезда КПСС машинист комбайна «Донбасс» шахты «Полысаевская-1» Николай Михайлович Демидович.

Сколько смысла в этих простых словах, как ярко они раскрывают душу советского человека, его стремления, чаяния! Кузнецкого шахтера поддерживают металлурги Урала, рыбаки Каспия, нефтяники Туймазы, смелые покорители сурового Севера, строители поселка «Мирного» в Антарктике и Братской электростанции на Ангаре, колхозники Алтая, комсомольцы новых совхозов Казахстана. Все советские люди единодушно заявляют:

— Как партией намечено, так и будет!

Борьба за то, чтобы разработанные Коммунистической партией планы шестой пятилетки стали явью, чтобы жизнь наша была еще краше, светлее и радостнее, — что может быть для советского человека сейчас выше, почетнее, благороднее этой цели!

После июльского Пленума в стране началось, а затем приняло грандиозный размах социалистическое соревнование за достойную встречу XX съезда КПСС. Оно охватило работников всех отраслей промышленности и сельского хозяйства. Коллективы заводов, шахт, фабрик,строек, колхозов и МТС взяли на себя высокие обязательства по успешному выполнению и перевыполнению государственных заданий. Накануне

с'езда труженики города и деревни подвели итоги своей напряженной творческой работы. Много славных, радующих наши сердца побед одержано на всех участках хозяйственного и культурного строительства.

— Первый тепловоз «ТЭ-3» мощностью четыре тысячи лошадиных сил изготовлен досрочно! — рапортовали паровозостроители Ворошиловграда.

— На-гора выдано 10 тысяч тонн сверхпланового угля! — сообщали горняки ордена Ленина шахты «Коксовая».

— Коксовая батарея введена в действие! — извещали строители Череповецкого металлургического завода. Даже сильные морозы не помешали бригадам монтажников, возглавляемым тт. Колыхаловым, Львовым и другими, с честью выполнить принятые обязательства.

— Первые 22 эшелона топлива сверх плана отгружены нынче потребителям. Обязательства, взятые в честь XX с'езда родной партии, перекрыты в два с лишним раза, — рапортовали механизаторы Бачатского угольного разреза.

Достоинно встретили XX с'езд КПСС металлисты Ленинградского машиностроительного завода имени В. И. Ленина, горняки донецкой шахты «Западная-Капитальная», строители Каракумского канала, механизаторы Краснинской и Промышленновской МТС.

Не перечить наших достижений! За каждой цифрой производственных показателей — конденсированная воля советских людей, сплоченных вокруг КПСС. За каждым процентом выполнения и перевыполнения плана — труд каждого из нас, слившийся в могучий труд народа-богатыря — строителя коммунистического общества.

Вдумываешься в наши достижения, в секреты трудовых побед, и на память невольно приходят слова великого пролетарского писателя Алексея Максимовича Горького: «...Никто никогда не умел так великолепно повышать температуру трудовой энергии, как это умеет делать партия, организованная гением Владимира Ленина...»

Под солнцем, зажженным Коммунистической партией, расцвела Кузнецкая земля. Из края нищеты, тюрем и каторги она превратилась в мощный индустриальный центр страны с высоко развитыми угольной, металлургической, химической, машиностроительной промышленностью и сельским хозяйством.

Язык цифр — сухой, но ясный язык. В 1913 году в Кузнецком бассейне было добыто 773 тысячи тонн угля — столько, сколько дает сейчас за год наша средняя шахта. Горняки шахт «Полысаевская-1», № 3 и имени Кирова в прошедшей пятилетке дали намного больше угля сверх плана. В 1960 году шахтеры Кузбасса дадут Родине уже 88 миллионов тонн высококачественного топлива.

Накануне первой мировой войны в Кузбассе засеивалось 161.600 гектаров земли. А колхозники и механизаторы нашей области в течение последних двух лет только новых земель освоили 235 тысяч гектаров!

Неузнаваемым стал внешний облик земли Кузнецкой. На месте топей, пустырей, непроходимых лесных завалов за годы пятилеток выросли десятки рабочих поселков, деревень, новые города — Сталинск, Осинники, Прокопьевск, Киселевск, Междуреченск. День ото дня они хорошеют, благоустраиваются. Только в минувшую пятилетку в Кузбассе было построено 1.300 тысяч квадратных метров жилья.

Взгляните на любой наш поселок, город — каждый в лесах новостроек, над которыми, словно руки сказочных великанов, взметнулись высоко вверх стрелы мощных подъемных кранов.

Раздается вширь, становится краше областной центр Кемерово. Здесь строятся заводы, фабрики, целые кварталы многоэтажных жилых домов, закладываются фундаменты новых клубов, школ, больниц, магазинов, детских садов. Когда глядишь на широкие улицы города, на залитые солнцем окна огромных зданий, на скверы и сады, когда рисуешь себе будущее Кемерово, невольно вспоминаются строки из «Описей населенных мест Томской губернии за 1904 год»:

«Деревня Кемерово — 41 двор, 210 жителей. Имеется православная церковь, сельский хлебозапасный магазин». Типичная картинка из времен царской Сибири!..

Расцветает Кузнецкая земля. Семимильными шагами идет вперед ее промышленность, неуклонно развивается сельское хозяйство, богатеет духовно и материально творец ее прогресса, ее хозяин — простой советский человек. В дореволюционном Кузбассе насчитывалось всего лишь одно городское училище в г. Кузнецке и четыре школы-пятилетки в крупных селах. Сейчас в области имеются институты, техникумы, училища, сотни школ. Теперь трудно найти человека, который бы нигде не учился. Одни садятся за школьные парты, другие идут в институты и техникумы, третьи занимаются в аспирантуре, на курсах, в кружках, четвертые учатся в заочных учебных заведениях. Учатся с отрывом и без отрыва от производства. Учатся шахтеры, металлурги, химики, колхозники, строители, железнодорожники.

Люди растут. Разве не показатель культурно-технического роста людей труда книга, написанная рабочим? Яркий показатель. Почитайте брошюры бригадира проходчиков беловской шахты «Чертинская-2-3» С. Е. Пушкарева, машиниста комбайна шахты «Томусинская-1-2» Карпа Тихонова, доярки колхоза «Ударник полей» Зинаиды Сорокалетовой, свиноводки совхоза «Яшкинский» Елены Ласкиной и многих других, и вы

убедитесь, как богат духовный мир советского труженика, как разнообразны его запросы, интересы.

В царской России считалось, что право творить дано лишь избранным людям, великим ученым, артистам, художникам, писателям. А у нас, в наше советское время, творят все. Рядовой механик шахты «Байдаевская» Яков Яковлевич Гуменик сконструировал и собственными руками собрал проходческий комбайн невиданной еще в истории горной промышленности производительности. Накануне открытия XX съезда КПСС новатор прошел своим комбайном за сутки 121 метр бремсберга.

Токарь-скоростник кемеровского завода «Кузбассэлектро-мотор» Н. Г. Савоськин вместо резцов из твердого сплава применил для обработки деталей резец собственной конструкции с механическим креплением керамической пластинки. Скорость резания металла возросла вдвое.

Механик цеха ордена Ленина азотно-тукового завода С. Е. Черненко только в минувшем году подал 20 рационализаторских предложений, которые нашли применение в производстве.

В цехе № 13 завода «Карболит» каждый третий рабочий — рационализатор.

Председатель колхоза имени Мичурина, Промышленновского района, Герой Социалистического Труда Василий Данилович Баклыков избрал самоходную зерноочистительную машину большой производительности.

Аналогичных примеров можно привести тысячи. Они везде, где трудится советский человек. Кое-кому за рубежом непонятен энтузиазм наших рабочих, колхозников, непонятно, почему у нас передовики производства делятся своими методами и приемами работы с товарищами, для чего они рационализируют, совершенствуют. Конечно, там, где человек человеку — волк, где господствует конкуренция за рабочее место, такого не увидишь. В основе творческого энтузиазма и трудового героизма советских людей лежит ясное понимание того, что общее благо и благо каждого в отдельности человека в нашей стране неотделимы друг от друга. Мы не мыслим личного счастья вне счастья всего народа, вне процветания своей великой Родины.

Эти благородные чувства коллективизма, любви и преданности народу, Отчизне, родной Коммунистической партии являются движущей и руководящей силой всех наших помыслов. Они рождают тысячи и сотни тысяч героев, делают советских людей непримиримыми к недостаткам, чуждыми самодовольству и самоуспокоенности. Прокопьевскую шахту ордена Ленина «Коксовую» по праву называют лабораторией передового технического опыта. За двадцать лет здесь многое сделано для развития отечественной угольной промышленности. Здесь впервые в мире освоена щитовая система отработки, по-

лучившая широкое распространение в Кузбассе и за границей. Здесь же впервые стала применяться пневматическая и гидравлическая закладка выработанного пространства.

Сейчас на шахте ведется кропотливая работа по организации комплексной выемки крутопадающих пластов, совершенствуются водоотливные установки, строится гидрокомплекс. И все это для того, чтобы неуклонно росла добыча угля, повышалась производительность труда, чтобы богатела Родина, улучшалась жизнь народная.

Евдокия Павловна Гаденова, доярка колхоза имени Димитрова, Кузнецкого района, в январе надоила от коровы «Беляна» 500 литров молока. Сейчас она борется за то, чтобы надаивать по 600—700 литров в месяц.

И так поступает каждый шахтер, металлург, колхозник, любой советский человек, где бы он ни работал, какой бы пост ни занимал. И сколько бы он ни сделал сегодня для общего блага, завтра — добывается большего, смотрит на достигнутое лишь как на ступеньку к новым успехам.

В минувшем году, благодаря внедрению новшеств, предложенных рабочими и инженерно-техническими работниками, коллектив азотно-тукового завода сберег более 1.700 тысяч рублей. А сейчас на предприятии по призыву профсоюзного комитета еще активнее развернулась борьба за ликвидацию «узких» мест, дальнейшее улучшение технологии. Только в феврале и марте здесь поступило более 1400 рационализаторских предложений.

Эти и десятки других подобных примеров ярко иллюстрируют стремление трудящихся Кузбасса, вдохновляемых Коммунистической партией, сделать все от них зависящее, чтобы планы шестой пятилетки успешно претворялись в жизнь, чтобы еще могущественнее и богаче стала любимая Отчизна, чтобы прочнее, долговечнее был мир во всем мире.

Трудовые будни кузбассовцев заполнены созидательной творческой работой. Присмотритесь внимательно к тому, что происходит вокруг на заводах, шахтах, стройках, в колхозах, МТС, вдумайтесь в цифры производственных показателей людей разных профессий, и вы увидите, какие перемены каждодневно совершаются, как непохож становится сегодняшний день на вчерашний, а завтрашний — на сегодняшний. И все к лучшему! Забойщик четвертого участка кемеровской шахты «Центральная» коммунист Александр Смирнов совсем еще недавно выполнял свои нормы на 120—130 процентов, а сейчас он уже дает 150—170 процентов задания ежемесячно, найдя в работе что-то новое, разгадав какой-то очередной секрет угольного пласта. Коллектив первой доменной печи Кузнецкого металлургического комбината брал обязательство выплавить в феврале 550 тонн чугуна сверх плана. Но уже в пер-

вой половине месяца обязательство было перекрыто на 100 тонн! Работали слаженнее, лучше, чем сами рассчитывали, нашли резервы там, где они казались уже исчерпанными.

Творческий подход к делу, стремление работать сегодня лучше, чем вчера, и завтра лучше, чем сегодня, рождает среди шахтеров, металлургов, сельских механизаторов сотни и тысячи новаторов, рационализаторов, изобретателей. В развернувшемся на Кузнецкой земле социалистическом соревновании за досрочное выполнение плана 1956 года, первого года шестой пятилетки, каждый день появляются новые имена передовиков производства.

Готовясь к успешному проведению весеннего сева, ремонтники узла моторов Пачинской МТС, руководимые коммунистом тов. Бушуевым, постоянно выполняли в феврале свои нормы выработки на 250—350 процентов. Благодаря их высокопроизводительному труду коллектив машинно-тракторной станции досрочно завершил ремонт тракторов. Старшего машиниста паровозного депо станции Топки коммуниста А. Марьясова, пожалуй, редко кто знал на Кузбасской магистрали, а сейчас слава о его трудовых делах идет по всей дорожке. Лишь в первые дни февраля, став на вахту в честь XX съезда Коммунистической партии, он перевез более 2 тысяч тонн грузов сверх плана, причем сэкономил более полутора тысяч килограммов топлива.

Меняются, растут люди земли Кузнецкой! Да и сама она сегодня уже не та, что была вчера. А какие перспективы для ее дальнейшего расцвета открывает шестая пятилетка!

Центральный Комитет Коммунистической партии и Советское правительство придают особо важное значение дальнейшему развитию экономики Сибири. «В ближайшие 10 лет, — говорил в докладе ЦК КПСС XX съезду Никита Сергеевич Хрущев, — мы должны превратить Сибирь в крупнейшую базу Советского Союза по добыче угля и производству электроэнергии, в основную базу тепломеханических и энергоемких производств, особенно производства алюминия, магния и титана, а также металлургии, углехимии и электрохимии».

В шестой пятилетке в развитие Кузбасса будет вложено 34 миллиарда рублей — в два с половиной раза больше, чем в пятой!

К 1960 году в нашей области будет построено около 30 крупных промышленных предприятий, в том числе и такой гигант тяжелой индустрии, как Западно-Сибирский металлургический комбинат. Особое внимание уделяется развитию угольной промышленности Кузбасса. Войдут в строй десятки новых мощных разрезов, шахт. Ключом забьет жизнь в тех уголках области, где сегодня еще шумит вековая тайга. Будет начато освоение Итатского месторождения бурых углей. К концу пя-

тилетки добыча угля здесь будет доведена до 10 тысяч тонн в сутки, а к 1970 году — до 55 тысяч тонн!

Будет сдан в эксплуатацию важный участок Южно-Сибирской магистрали, «назначение которого, — сказал в своем докладе на XX съезде партии Николай Александрович Булганин, — обеспечить перевозку руды на Кузнецкий металлургический комбинат и вывоз каменного угля с Томь-Усинского месторождения».

Новым пятилетним планом предусматривается значительное увеличение в Кузбассе производства металла. На Кузнецком комбинате войдут в строй еще одна доменная печь, две коксовые батареи. Большое расширение получит производство специальных и легированных сталей, для чего в эксплуатацию будут сданы два новых электросталеплавильных цеха с современными большегрузными электропечами и станами для проката этой стали. Ввод в строй действующих Абагурской агломерационной фабрики позволит улучшить подготовку руды для доменного производства. Намного увеличат выпуск продукции Гурьевский металлургический, Кузнецкий ферросплавный и Беловский цинковый заводы, а Сталинский алюминиевый завод, например, поднимет производство более чем в три раза по сравнению с последним годом пятой пятилетки.

Исключительно быстрыми темпами будут развиваться в области производство продовольственных товаров и товаров широкого потребления. Это будет достигнуто как за счет расширения и реконструкции существующих предприятий, модернизации и замены устаревшего оборудования и приспособлений новейшей первоклассной отечественной техникой, так и за счет строительства ряда новых крупных и средних предприятий. Назовем лишь некоторые из них: Топкинский, Яшкинский, Беловский и Мариинский овощеконсервные заводы, Осинниковский, Мариинский, Кемеровский, Сталинский и Анжеро-Судженский пивоваренные заводы, 10 хлебокомбинатов. Уже нынче будет начато строительство крупного мясокомбината в г. Сталинске, который сможет к концу пятилетки обеспечить мясом и мясoproдуктами трудящихся Сталинска, Осинников, Междуреченска, частично Прокопьевска, Мысковского и Таштагольского районов. В первые годы шестой пятилетки войдут в строй Ново-Кемеровский мясокомбинат мощностью 52 тонны мяса и 28 тонн колбасы в сутки и Ленинск-Кузнецкий мясокомбинат. Намечается строительство 7 заводов по переработке молока, двух крупнейших комбинатов, швейной, ткацкой, обувной, мебельной, трикотажной, пимокатной фабрик.

...Кузнецкая земля одевается в леса новых гигантских строек, и это радует творцов ее будущего — советских людей, вдохновляет их на новые трудовые подвиги, героические дела.

Глубоко и правдиво показывать пафос созидательного труда, героическую романтику преобразования родного края, создавать живые, яркие образы людей-борцов, — что может быть сейчас благороднее и почетнее для наших поэтов, драматургов, писателей, призванных помогать Коммунистической партии в воспитании трудящихся?

Благодатных тем, живого материала для создания действительно талантливых произведений в настоящее время хоть отбавляй. «Успевай только осмысливать то, что происходит на твоих глазах, — говорил на XX съезда КПСС М. А. Шолохов. — Жить жизнью народа, страдать страданиями людей, радоваться их радостям, целиком войти в их заботы и нужды — вот тогда у писателя и будет настоящая, волнующая сердца читателей книга».

Между тем практика показывает, что писатели нашей области очень неохотно прибегают в своей работе к материалам сегодняшнего дня, пишут произведения о далеком прошлом. Одна из главных причин этого — слабая связь их с жизнью, с созидательным трудом шахтеров, металлургов, тружеников полей. Разве не об этом говорит тот факт, что за последние годы у нас не появилось ни одной яркой, сколько-нибудь запоминающейся книги о горняках, сталеварах, железнодорожниках, колхозниках, что на сценах театров и клубов области отсутствуют полноценные спектакли о жизни и труде людей земли Кузнецкой? Правда, в этом отношении нынче сделан шаг вперед — Прокопьевский театр имени Ленинского комсомола недавно поставил пьесу Александра Волошина «Цвести черемухе!». Но этого мало, очень мало. Зрители ждут от наших драматургов веселых комедий, одноактных пьес, волнующих драм.

Нельзя умолчать и о том, что в Кузбассе медленно растут молодые писательские силы. В этом в большой мере повинно областное литобъединение. Оно не сумело создать вокруг себя крепкого ядра из числа талантливой молодежи, слабо направляло работу городских литгрупп. Наши ведущие писатели и поэты редко бывают на местах, не оказывают молодежи нужной помощи, а она ей очень нужна — и советом, и делом. Плохо также и то, что наши писатели редко встречаются с читателями.

Чувство законной гордости, большой радости наполняет сердце, когда представляешь себе титанические созидательные задачи, которые предстоит решить в ближайшие годы советскому народу. И мы верим, что они будут решены успешно, так же, как успешно претворены в жизнь планы пяти пятилеток.

Будет так, как намечено партией!

И. КИРЬЯНОВ.

НА ЗАРЕ

(Повесть)

Что мне шумит, что мне звенит
Там, далече, пред зорями рано...

Покидая копи, красновардейский отряд уходил глубокой долиной Ини на юг, в сторону Кузнецка. С обрыва реки, с бурых отвалов породы красновардейцев провожали сотни тоскливых взглядов. Женщины, старики, угрюмо молчавшая молодежь, закутанные в лохмотья и полураздетые ребятишки стояли до тех пор, пока видна была пыль на дороге, пока посверкивали среди рыжеватых кустов черемушника короткие молнии штыков да слышалась песня:

Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас тяжко гнетут;
В бой роковой мы вступили
с врагами
Нас еще судьбы безвестные ждут...

— Ушли...

Чей-то всхлип, чей-то стон раздался, ребятишки теснее прижались к матерям, пряча лица в широкие складки юбок. Из долины набежал робкий, будто бы приветный ветерок, осушил скупые слезы на глазах женщин, потревожил пряди волос на непокрытых головах.

— Ушли...

Очнувшись от долгого, тяжкого оцепенения, люди медленно расходились по темному от угольной копоти поселку, мелкими ручейками растекались меж плоских бараков. И не один настороженный взгляд был обращен в эти минуты на север, к блеклому голому краю земли, за который тяжело сваливались рыхлые облака, — оттуда с часу на час должен был появиться враг.

Афоня Вошин не был на проводах. Стараясь подавить тревогу и недоумение, он то шагал из угла в угол по маленькой низкой комнатенке, то, отогнув коленкоровую занавеску, силился что-то высмотреть на улице, то вдруг тяжело опускался на койку и стискивал скуластое лицо в ладонях.

Выходило так: перед дерзким прыжком в будущее, когда душа уже поет, когда она взвихрена жаждой подвига, мускулы собраны в железный узел, а щеки холодит встречный ветер, в самый этот момент чья-то волевая рука берет тебя за шиворот, а голос над тобой произносит коротко:

— Осади. Не в ту сторону!

До этого момента все было правильно: правильно сделали кольчугинские шахтеры, что, утверждая родную советскую власть, организовали отряд в пятьсот человек, наладили военное обучение, установили крепкую революционную связь с шахтерами Анжерки и Щегловска, с крестьянами окружающих сел, с металлургами Гурьевска и с революционным центром губернии Томском. Все правильно, потому что шахтерский пролетариат готовился к неизбежным битвам за свою обновляемую родину.

Испытанный подпольщик-большевик Франц Суховерхов не раз повторял на митингах и собраниях:

— Драться? А как вы думали! Впереди, товарищи, предстоят жестокие, длительные и победоносные бои за наше пролетарское дело, за рабоче-крестьянскую трудовую Россию, за советскую власть!

Но события последних суток все перевернули — все планы на ближайшее будущее. Красногвардейский отряд с нетерпением ожидал оружия из Томска — дело было за оружием. Контрреволюция все выше поднимала голову, змеиное шипение все чаще слышалось из-под кулацких кованых подворотен, — дело было за оружием! Руки шахтеров сами тянулись навстречу к винтовкам, к пулеметным лентам, к убедительно увесистым бутылочным бомбам. Но накануне в

ночь поступило горькое известие о задержке транспорта с оружием чехословаками. Тут же ночью, на экстренном заседании ревком принял вынужденное решение о расформировании основной безоружной части отряда и эвакуации копей. За ночь даже не успели предупредить всех отрядников об этом событии, и к утру многие не знали о случившемся.

Забегав на рассвете в штаб, Афоня Вошин с Гаврюшкой Некрасовым долго толкались в коридорах, с тревогой наблюдая за повсеместной спешкой. Бойцы, неумело придерживая винтовки, выносили на улицу патронные ящики, грохотал железными колесами по деревянному полу тупорылый «максим». Тут же, неизвестно из какого источника, распространился слух, что белогвардейцы будут на копах через два—три часа, что по

фонопору из Плотникова передали: «Приготовьтесь. Раз'езды беляков на станции!»

И вот незнакомое слово «эвакуация» вдруг наполнилось тяжким содержанием: торопливые, отрывочные разговоры, ветер в открытые настежь окна, клочки бумаги на полу, выдвинутые ящики столов, остывшая гречневая каша в забытом солдатском котелке...

Увидев в одной из комнат командира отряда Коваленкова, Афоня, в порыве последней надежды, бросился к нему:

— Степаныч! Товарищ командир!..

Коваленков оглянулся, как-то незнакомо, будто сдерживаясь, поджал полные губы и тут же, не присаживаясь, стал перелистывать какие-то бумаги.

— А ну, хлопцы, двигайте сюда! — позвал молодых шахтеров из-за углового стола начштаба Шмаков.

Афоня, а за ним несмелым шагом Гаврила приблизились. Шмаков поднял на них красные от бессонницы, с пергаментными веками, глаза.

— Отчего не дома? — строго глуховатым баском спросил он. — Или не видите, что и без вас дел по горло?

— Да, вы что, шутки шутите?! — не выдержал даже робкий Гаврила. — Что вы с нами, как с пятилетними сопляками! Кто нам говорил о пролетарской сознательности, о революционном долге? Ты! Кто призывал...

— Погодь, не горячись, Гаврюшка... — тихо остановил парня Шмаков. — Призывала партия, говорил от партии — я. И я вот еще что скажу... — Он огляделся, молча покусал обветренные губы и кивнул: — Выйдем на секунду...

А на черном крыльце, оглядев пустынный неприбранный двор, он поплевал на окурочек, вытер коричневые пальцы о полу кожаной куртки и досказал:

— По решению ревкома машинист Чудинов остается на копях. Вы с ним для связи. Понятно? Крепитесь. Вам, может, труднее будет, чем на таежных тропах, — тут что ни шаг, то обрыв. Сидите, делайте вид, что работаете на «единую, неделимую», и ждите сигнала от старика.

Но крушение надежд на немедленный уход с отрядом было слишком неожиданным, чтобы с этим можно было примириться так вот, сразу.

Хотя копи, в основном, бездействовали со вчерашнего дня, но Гаврила в положенное время отправился на шахту.

— Я наворочаю сегодня уголька для «единой-неделимой!» — зло покривил он губы и хлопнул дверью.

Афанасий же до полудня проходил, прометался по комнате. Дождавшись мать Гаврилы, Елену Ивановну, и потом, слушая ее сбивчивый рассказ о проводах отряда, он то сжимал кулаки, то глухо кашлял и все порывался к двери, на волю.

— Правду говорится: чем богаты... — закончила Елена Ивановна. — Кто куском калача и фунтом мяса, кто сухариком или горшком картошки, да все, почитай, слезой горючей — тем и проводили, как от сердца отняли... Доведется ли свидеться-повстречаться?... Кто знает, сколько еще сирот шахтерских по родной земле стоном застонут...

Чудинова ни в отряде, ни на проводах она не видела — значит, старик в поселке.

После этого Афоня попробовал уснуть. Но какой там сон, когда надсада теснит сердце, а голову молнией прорезают самые неожиданные мысли, догадки!...

В сумерки пришла соседка — разбитная, острая на язык бабенка. Она как-то боком скользнула в комнату Елены Ивановны, но Афоня успел заметить на ее курносом лице неприкрытый испуг, словно она только-что за углом с самым нечистым встретилась. Потом из-за перегородки присочился ее громкий, с присвистом шепот:

— И-их, милая! Что будет, что будет!... Господи, да провалиться мне на месте, своими глазами видела: пришли! Тьма-тьмушая, все в ружьях, все как есть на конях, молчком, глядят зверюгами! Да, мати пресвятая...

Угадав, о чем речь, Афоня насторожился. Весь день он ждал этой вести, и все же она пришла неожиданно, окончательно развеяв смутные надежды на то, что все еще может перемениться, что не все потеряно.

Наконец соседка ушла, все так же робко, чуть ли не у самой стенки скользнув в проходной комнатке Афони. За перегородкой негромко всхлипнула Елена Ивановна, Афоня, не зная, как и чем выразить свое состояние, сказал негромко: Уфф!... — и с силой растер щеки сухими кулаками. А за маленьким окном темень, сколько ни всматривайся — ни зги. Тишина... Сколько ни вслушивайся — ни шороха, ни голоса... Будто вымер шахтерский поселок.

На минутку заглянула, тоже неслышно, почти ощупью, Аннушка Рогова, — маленькая, в накинутой на узкие плечи старенькой плюшевой душегрейке, в темном платочке, туго повязанном у подбородка. Грустно, в полуулыбку присмотрелась к Афоне, тронула его за плечо:

— Не вешай голову, Афанасий! Все это ненадолго, как лихорадка... Гордей велел тебе с Гаврилой кланяться...

Будто утренним летним теплом дохнуло на Афоню. Он весь так и вскинулся:

— Гордей? Аннушка!

— Ждите... — почти беззвучно ответила молодая маленькая женщина, и снова на самое короткое время ее чистое лицо осветили полуулыбка, полураздумье.

Рогова побыла немного за перегородкой у Елены Ивановны, а потом ушла в ночь, в темень, в тишину... Но с той самой минуты Елена Ивановна перестала всхлипывать, будто уснула.

Вернувшись поздно с шахты, Гаврила неопределенно пожал плечами, встретив нетерпеливый вопрошающий взгляд Афони.

— Ну?

— Холера его знает... Солдаты, офицерики... «Стой, кто идет?!»

— Народ на шахте?

— Какой там народ! Полторы калеки...

— И ты в том числе?

— И я...

— С кем-нибудь разговаривал?

— Отстань, Афонька!... — тихо огрызнулся Гаврила. — И без тебя тошно...

Широко расставив острые локти на скобленной столешнице, Гаврила круто солил вареную картошку и медленно, с сосредоточенным видом жевал. И, видимо наскучившись молчанием, он коротко сообщил наконец:

— Завьялов появился из какой-то эсеровской преисподни... Как бес мелкий крутится у машинного. Придется нам, Афоня, однако, опять за масленки браться, а то и на породу... Как пить дать, погонят от машины: скажут, не доросли, или еще чего похуже скажут. Встретил он меня на выходе, и сразу морду ему будто кто постным маслом смазал: мы-с-то да вы-с-то, как здоровье и какое ваше молодое отношение к текущему моменту?

— А ты?

— Я, говорю, к текущему моменту у меня хорошее отношение, дай дорогу, милый человек, бегу до ветру...

— Ну?

— По глазам я разгадал его: если их эсеровская власть хоть на время зацепится — лютовать будет. Глаза у этого машиниста и хозяйского прихлебателя, как у голодного хоряка...

Медленно потекли дни, серенькие, однообразные, как осенняя мелкая капель. Осажденной крепостью затих, притаился во впадине, меж холмами, рабочий поселок. Смолкли недавно еще неугомонные песни, не оглушала улицу звонкими криками шахтерская ребятня. Ночами в бараках плотно занавешивались окна, прикручивались лампы. Ночами с улицы доносился мерный топот военных патрулей. На шахте шептались:

— Слышал?.. приказ о военном положении...

— Мирному положению не бывать — этим кровососы испокон веку держались... То ли еще будет.

— Поживем — увидим... Японское да мериканское солнышко не долго адмиралу светить будет.

— А за Уралом говорят, защитники «неделимой» тягу дали,
— Россия велика, топать далекомько придется!

Доходили верные слухи, что в верховьях Оби белогвардейцы встретили ожесточенное сопротивление партизан. В приалтайских степях Советы нерушимо держались в нескольких смежных уездах — последнего не смогла скрыть даже серенькая губернская газетка. А изустная народная молва непрерывно разносила по земле Сибирской славу о подвигах мамонтовцев, суховцев, о большевистском подполье в Томске, Новониколаевске, Омске, Тюмени, которое колчаковцам так и не удалось сломить. И весенним громом докатывались вести о растущей мощи матери-родины — Советской России.

Завьялов, машинист главного под'ема на шахте «Никольская», после революции исчез тихонько, без шума. И возвратиться после чехословацкого переворота он постарался так же незаметно. Неслышно прикрыв двери в машинном, он подошел к железному сидению машиниста и, легонько ударив Афоню по спине, пропел вкрадчиво:

— Па-апрашу вас...

Ничего не сказав, Егор уступил ему свое место и так же молча взялся за масленку. Протирал концами машину, чистил медяшки и при случае незаметно поглядывал на возвратившегося машиниста, на то, с каким деловым видом тот сидит, взявшись за железные рычаги, как напряженно ждет сигнала к под'ему. Но сигнала все не поступало. Маленькие черточки на остром сером личике Завьялова подрагивали все чаще, все напряженнее, все нетерпеливее, а сигнала не было. Да и откуда ему было взяться, если угля в шахте кот наплакал?

И Завьялов все же разговорился, когда они с Афанасием вышли со смены.

— Вот видишь, до чего довели товарищи-большевики? — начал он с плаксивой желчной нотки. — Все! Все хозяйство катится к черту под откос!

— Может катиться и еще дальше... — угрюмо отозвался Афоня.

— То есть?

— Я говорю о чертовом откесе.

— Ага!... — Завьялов прищурился. — Великолепно! Но ты мне, молодой человек, можешь не показывать большевистские зубки — я не из пугливых! Я знаю, чей ты выкормыш и каким товаром начинен... Мирровая рреволюция! Узурпато-

ры!... Мозги набекрень! Вот... вот когда сбылись предсказания и чаяния социалистов-революционеров.

Его прервал близкий винтовочный залп, где-то за породным отвалом. И еще один... А потом в ночи, казалось, к самым звездам, метнулся чей-то тоскливый крик. Хлопнул выстрел, и крик погас.

— Об этом предсказания? Об этом?! — сдавленно прошептал Афоня и шагнул к серой фигуре машиниста. — Это твои предсказания сбываются, кикимора?!

Прежде чем привыкнуть к своему имени, Афоня часто отзывался на зов: «Эй, сиротинушка!» До десяти лет он жил в семье дяди Мины под надзором тетки Александры — нянчился с двоюродными сестренками, мыл глиняную посуду, подметал полынным веником прогнивший в сырых углах пол, таскал воду из колодца и уголь с породных отвалов. Гаврила вошел в его жизнь незаметно, прочно и навсегда, как входят в нашу жизнь друзья детства, побратимы первых бесхитростных утех.

После большой и упорной забастовки, окончившейся полной победой предпринимателей и поражением шахтеров, дядя Мина решил вдруг уехать с копей. Афоне сказали об этом поздно вечером, накануне отъезда, — он не успел даже увидеться и проститься с Гаврюшкой.

Бесконечно длинной показалась та ночь. Громко охала во сне тетка Александра, вздыхал дядя Мина, ворочаясь с боку на бок, а Афоня как лег с вечера на спину, так и лежал, не двигаясь, не смыкая глаз. В углу, под потолочной балкой, трещал сверчок. Лежал, лежал Афоня, думал, мучался, тосковал о Гаврюшке, которого теперь не увидит, со страхом представлял себе неведомые края, в которые они утром тронутся. Чужие края... Афоня зажал ладонью рот и всхлипнул от горькой обиды.

— Не спишь? — услышал он шепот дяди Мины. — Не хочется уезжать с копей?

Привстав на ватной подстилке и уже не сдерживая слез, Афоня умоляюще заговорил:

— Дядя Мина, давай не поедем... Ну, что мы там будем делать? Пропадем мы в чужих краях...

— Нельзя, парень... — вздохнул дядя Мина. — Трудно мне кормить вас на копиях, все жилы проклятушая шахта повытянула. Двинемся к хлебопашеству...

Хлебопашество... Слово это великой тяжестью легло на плечи Афони.

На рассвете они уже шли за возком, груженным разнокалиберным домашним скарбом. Позвякивали жестянные ведра

в плетеном коробе. Хныкала на холодке младшая сестренка. Дядя шагал сбоку телеги, встряхивал вожжами, погоняя мо-
сластую серую кобылу.

Назад, в безвозвратное, уплывал родной неказистый посе-
лок, с глинистым обрывом над рекой, с туманами по утрам,
ясной березовой рощицей на пригорке, угольной копотью и
рядами плоских деревянных крыш.

Солнце их застало в совершенно незнакомой местности. Поселок и ряды шахтных подъемников скрылись за несколь-
кими увалами — в той стороне плавало темное облачко. Во-
круг простиралась необозримая степь с призрачными лесами
на горизонте. Так далеко Афоня никогда еще не заходил, да
и зачем было так далеко забираться, что в этом хорошего? Просто удивительно, отчего так весел дядя Мина — как ма-
ленький. Завязав вожжи на возу, идет сторонкой по траве,
рвет синенькие блеклые цветочки и бросает их на телегу де-
вчатам. Потом подолгу заглядывается на застывшего в небе
жаворонка и пробует даже подсвистывать ему. А девчата на
возу подняли шум, визг! Тетка же и не думает на них при-
крикнуть, унять.

Афоня совершенно одинок со своим горем. Чем дальше он
уходит от родных мест, тем сильнее хочется ему повернуться
и бежать, бежать, не оглядываясь на скрипучую телегу.

Ночевать остановились на склоне пологого холма, непода-
леку от прохладного ручья. Но и это Афоню не обрадовало. Завернувшись в зипун, он лег под телегой, а на предложение
тетки поужинать промолчал.

Над землей стояла великая, словно тысячи лет неколебле-
мая тишина. В ее пучине никли слабые голоса птиц, стрекот
кузнечиков, хруст жующей неподалеку лошади. А над всем этим
— над землей, ночью и тишиной—повисли тысячи мерцающих
синих искорок, и не то чудилось Афоне, не то в самом
деле слышалась далекая песня. Казалось, пел ее кто-то осиро-
тевший, — пел, тоскуя о потерянном друге, об утраченной ро-
дине. Жгучее горе комком подступило к самому горлу. Такого
нельзя было стерпеть!..

А что, если... Афоня привстал и, по-зверушечьи затаившись,
стал слушать... Тихо... Дорога одна — широкая, торная дорога.
Страшно только ночью одному, но ведь оставался он один на
ночной рыбалке! И уже ничем не сдерживаемое желание точ-
но толкнуло в спину. Рука нащупала в корзинке лезвие ку-
хонного ножа, потом цепко легла на его деревянную рукоят-
ку. Снова прислушался: на возу безмятежно храпит дядя
Мина, что-то беспокойное бормочет во сне тетка Александра.

И вот — Афоня на дороге. Стал лицом к телеге и на нос-
ках отступает, чуть согнувшись. Один шаг, другой... Еще,

еще... Только не надо торопиться. Он ничего не боится. Кроме жалости тетки Александры и угрюмого, укоряющего молчания дяди, — он больше ничего не боится! Но его попрежнему никто не окликает. Воз тает, расплывается в темноте. Перестав жевать, серая кобыла подняла голову и повернулась к Афоне.

— Тпрсе... тпрсе... — шепчет он просительно. Наконец темень смыкается вокруг. Теперь, как будто, можно... Афоня стремительно повертывается и бежит со всех ног от стана. Ступни ног на мгновение погружаются в теплую дорожную пыль.

Бежал, сильно взмахивая широким кухонным ножом, шумно дышал, а навстречу то холодом, то влажным теплом накатывались степные воздушные волны. Тревожно стучало в ушах, будто тысяча голосов кричала вокруг: «Остановись! Куда же ты?»

Афоня останавливается, прижимает к груди руки, снова прислушивается, вглядывается в полумрак... Что это? У самой дороги взмахнул, как живой, ветвями небольшой кустик боярки. А там... Это что за синеватый неподвижный огонек? Вот еще один... Глаза? Чьи глаза? Затаив дыхание, Афоня идет на огоньки. Тайнственно шелестит трава под ногами. Огоньки совсем близко — протяни руку, и коснешься их. Он так и делает: быстро нагибается, взмахивает ножом, — и вдруг садится. Какая, оказывается, чепуха! Обыкновенные жучки. И в степи стало почему-то совсем не страшно, даже немного уютно и сонно.

Потное лицо Афони коснулось прохладных стебельков травы. От запаха близкой парной земли закружилась голова и очень захотелось спать. С минуту он еще боролся с дремотой, потом незаметно для себя привалился потным плечом к рыхлому бугорку и ничего больше не слышал, не чувствовал... А вокруг цвела летними приглушенными красками, а вокруг пела таинственными голосами степная присалаирская ночь.

— Сними-ка рубаху, почию, — скупно сказала Елена Ивановна. — И не тужи, пустое это дело в твои годы! Что подедаешь, если так вышло... Места хватит, а кусок хлеба добудешь — не маленький. Сходили бы оба-два на рыбалку — уху сварим. Потом ведро угля наберете — глядишь, и полетчает.

Так Афоня остался жить в семье своего первого настоящего друга.

В минуты тихой грусти Елена Ивановна часто вполголоса рассказывала, как у маленького Гаврюшки отняли отца, штейгера Семена Некрасова.

В бедовый год это случилось. Завалило тогда под землей целую смену рабочих. Хозяева, проживающие в далеком ска-зочном Петрограде, берегли каждую копейку, не очень-то раскошелялись на технику безопасности. Не потратились они и на хлеб осиротевшим семьям. В это время и появилась на шахте маленькая листовка с краткой надписью поверху: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и еще более краткой подписью: «Губернский комитет РСДРП».

Листовки читали и перечитывали, заучивая наизусть. Передавали их друг другу в забоях, на раскомандировках, находили в карманах заношенной одежки. Власти предрежащие встревожились, по шахте, по поселку забегали малые и большие начальники. Несколько человек арестовали и под усиленным конвоем препроводили в губернский центр. Пришли как-то утром и к Некрасовым. Штейгер в это время был на смене. Елена Ивановна, прижимая заснувшего Гаврика к груди, со страхом смотрела, как на пол летели подушки, белье из единственного сундука. Сбежались соседки, уличная черномазая мелюзга, заглядывали через покосившийся плетень. Коротконогий одутловатый жандарм, размахивая ножами пашки, хрипло покрикивал:

— Осади!...

— Здесь, вашество!... — грохнул вдруг бас из сеней.

Молодой в рюмочку затянутый ротмистр быстро вышел из горницы и тотчас вернулся, возбужденно покручивая ус.

— Что это, молодайка? — вкрадчиво спросил он.

Бессильно опустив плечи, смотрела Елена Ивановна остановившимися глазами на стол и как через увеличительное стекло видела пачку сереньких листовок, маленькие холщевые мешочки со свинцовым шрифтом. Она что-то хотела сказать, хотела крикнуть, что Семен, ее большой Семен, не виноват, что это все горькое недоразумение, что нельзя, грешно отнимать у маленького Гаврика отца, кормильца, надежду... Но она так ничего и не сказала и почти не заметила, как ушли жандармы.

В последний раз видела она мужа почти через месяц. Его повели в город осенью, по грязному московскому тракту. В кольцо конвоя мелькнуло бородатое исхудавшее лицо, приветственно поднялась рука с узелком...

— Вырастем, Афоня, большие, — часто говорил Гаврик, — обойдем всю землю, всю Сибирь, а отца все равно сыщем. Потом заберем мать и уйдем жить далеко-далеко, вон за те синие горы, чтобы ни жандармов, ни царя!

Двенадцати лет они принесли в дом первый заработок — рубль с полтиной. В тринадцатую весну устроились на штатную работу — отбирать породу от угля на сортировочном отвале. Тогда и кончилось их детство.

Трудней всего приходилось в ночную смену, да еще зимней порой. Под утро начинала ныть спина и мучительно хотелось спать. Худая одежонка слабо защищала от пронизывающих морозных ветров, что дули и дули с запада, с широкой речной поймы. Только спрячешься от ветра в укромный уголок, а из темного зева штольни уже выползает с лязгом очередная вереница черных вагончиков. Двое парней на ходу опрокидывают их, и угольная лава, шурша, сползает вниз по откосу.

— Эй, сопливая команда! Не спать! Давай, давай! — разносился требовательный окрик артельщика по эстакаде.

Вначале забастовали саночники. Делать в этот вечер на отвале было нечего, но домой артельщик уходить не разрешил. Спасаясь от холода, Гаврик и Афоня тайком пробрались на пыльный чердак кочегарки. Отогревшись у теплого дымохода, Гаврик задремал, сморенный усталостью. Вслушиваясь в шум шахты, притих и Афоня, закрыв лицо полой телогрейки.

Ураганный ветер сотрясал железную крышу здания. В минуты затишья — лязг вагонеточных составов на маневренной эстакаде, крики коногонов, а снизу, из кочегарки, слышался пронзительный свист пара в клапанах. На отвалах кто-то беззлобно, по привычке, ругался скверными словами.

Потом Афоне показалось, что скрипнула чердачная лестница. Он сторожко прислушался. Кто-то, несомненно тайком, поднимался на чердак. Кто же?

— Слышишь? — толкнул Афоня Гаврика. — Слышишь?

С лестницы осторожно поскребли в ставню слухового окна. Сейчас было еще не поздно убежать потайным ходом в сторону отвала, но жадное любопытство удержало ребят на месте.

Гаврик невольно прижался к Афоне, когда в мутноватом квадрате окна появилась голова в картузе, потом плечи человека. Он с трудом протиснулся между косяками, протиснулся неумело, по-стариковски. Долго искал ногами опоры, наконец встал, не сдержавшись, глухо кашлянул и сейчас же испуганно повернулся к окну.

Тут на его лицо упал свет газового фонаря, и друзья, прижавшиеся к теплому пыльному дымоходу, чуть не вскрикнули от удивления. Афоня даже зажал ладошкой рот Гаврику. В человеке, таинственно появившемся на чердаке, они одновременно узнали машиниста главного подъема Елизара Чудинова. Зачем Елизар Чудинов, такой обстоятельный, пожилой, появился здесь в глухую ночь?

И вместо того, чтобы окликнуть старика, ребята еще плотней прижались друг к другу.

Прислушиваясь, очевидно, к наружным шумам, Чудинов долго стоял, наклонив голову, а когда шагнул в сторону окна, словно растворился в темноте. Прошло, может быть, пять, десять минут, и старый машинист так же неожиданно вынырнул на свет и бесшумно вылез в окно.

Афоня и Гаврик долго ощупывали два небольших свертка, втиснутые между балками потолочного перекрытия.

— Что здесь, а? Что это, Афоня? — нетерпеливым шепотом спрашивал Гаврик.

Удивительное дело! Если Афоня не ошибался, то Елена Ивановна точно о таких же свертках рассказывала. За такие вот металлические четырехугольные палочки, которыми печатают листовки против царя, угнали на каторгу штейгера Семена Некрасова — отца Гаврика. Значит, старый машинист тоже против царя и всех царских прихлебателей!

Афоне показалось, что он начинает думать вслух. Он потянул Гаврика за руку:

— Бежим!..

Целую неделю они ходили необычайно молчаливые, избегая даже друг с другом разговаривать о своем нечаянном открытии. Замерзая на эстакаде, украдкой поглядывали на чердак котельной, но вход туда для них словно замуровали.

В понедельник забастовала вся шахта. Рабочие группами толпились у подъема, у машинного, сидели на штабелях крепежника. И тут как раз, по чьему-то недосмотру или по ветохости, лопнула труба паровой магистрали. Пар с пронзительным свистом рвался из трещины. Неожидающее происшествие привлекло много народа. Шутками подзадоривали слесарей:

— Леньша, ты онучей дырку затыкай! — кричали старшему слесарю.

— Пальцем, пальцем заткни!

— Хозяйским носом!

Пар перекрыли и ремонт скоро закончили, но люди медлили расходиться.

— Которые на фаетонах раскатывают — их не припекает! — ораторствовал слесарь Леньша. — Им лямка плечи не дерет до крови, им до шахтерского гнилья и дела нет!

— А кто же будет копеечку беречь, если не хозяева? Сегодня ты новую трубку попросишь, а на завтра, чего доброго, плюшевые штаны да шкалик белоголовый!

— Да идей вдоволь!

— Пряник печатный!

Невеселый смешок слышался в толпе.

И вдруг все это покрыл петушиный окрик от ворот:

— Га-аспада рабочие!..Па-апрашу очистить территорию!..
Толпа нехотя раздалась в стороны, без всякого, впрочем, желания очистить территорию.

— Гаврик, фараоны!!.. — шепнул Афоня и стал торопливо протискиваться в самые задние ряды.

Жандармы прошли к стенам котельной. Старший наряда, маленький кареглазый человечек, нервно притопывая носком

начищенного сапога, внимательно оглядел крышу машинного помещения, слуховое окно и приказал подать лестницу.

Пока лестницу сыскали и перетаскивали к окну, прошло минут десять. Все это время рабочие стояли поодаль и, не проронив ни слова, пристально наблюдали за действиями жандармов. Наконец человек шесть из наряда, придерживая шашки, поднялись на чердак. Пробыли они там недолго и слезли оттуда, густо покрытые угольной копотью, кашляя и глухо ругаясь. Рабочие встретили их притворными вздохами:

— Хватили горького, страстотерпцы!

— Пыльная работенка! Это тебе не в забое с обушком да зубилом...

— Обмундирования специального тоже не выдают...

— И наградных к рождеству не предвидится. Видать, на чердак вздымались без всякого полезного результата...

☆☆☆

Глотая по-рыбьи воздух открытыми ртами, они вбежали в комнату Чудинова и одновременно вытащили из-за пазух холщевые свертки. Отложив газету, старый машинист глянул поверх очков на ребят, на свертки в их руках и хмуро спросил:

— Кто ж это вас надоумил, голуби ясные?

— Фараоны!.. — Афоня запнулся на слове. — Жандармы там, Максим Кириллович!

— Где — там?

— На чердаке...

— А вы, значит...

— А мы, значит...

— Угу... — Чудинов взвесил на ладонях свертки со шрифтом, подумал. — Сами-то чьи будете? А-а, знакомые фамилии! Кто еще знает об этой находке? Федька, Митька, Петька?

— Максим Кириллович... Да разве же мы не понимаем, что вы против царя! — в один голос взмолились друзья.

— Цыть! — строго оборвал их старый машинист. — Много знаете. Садитесь и рассказывайте все по порядку, без утайки!

Бывали у него Афоня с Гавриком после того случая часто, по воскресеньям — обязательно. Полюбился им этот большеголовый, с мальчишеской пепельной шевелюрой человек, полюбились его рассказы о дальних странах, о незнакомых народах. Из его уст они впервые услышали призывные слова: свобода, революция, смерть угнетателям! Большевики! И еще он умел удивительно проникновенно петь знакомые с раннего детства песни, о ямщиках, о родимой сибирской стороншке... Посреди длинного рассказа его скуластое, запрытанное в густую короткую бородку лицо вдруг озарялось молодой мечта-

тельной улыбкой. Он умолкал на самое короткое время, потом говорил-приказывал: — Подтяните-ка, голуби ясные... — и начинал про синее море Байкал, про отважного молодца, которому плыть недалеко, про неумную русскую отвагу. От песен этих и рассказов мир вдруг становился шире, прекраснее, зацветали светлыми, ясными красками неоглядные дали, и молодые, юные души друзей раскрывались навстречу мечте, дерзаниям, подвигу.

Елена Ивановна выговаривала несколько раз полушутя-полусерьезно Чудинову:

— Ни стыда у тебя, ни совести, Максим! Совсем сынов у меня отбил.

— Э-э, мать моя, поздно ты спохватилась! — усмехнулся Чудинов. — Народи ты девок — были бы тебе домовницы-кружевницы. А из парня какой домосед? Парню должно быть тесно в избе — ему на простор, на волюшку, чтобы со злой судьбиной силушкой померяться! Я вот выхлопотал им работу в машинном, это к делу поближе. А там, дай срок, и до самого дела доберемся!

Натаскав из ледяной лунки десятков окуней и окончательно замерзнув, Афоня уже в сумерки вернулся домой. В комнате застал Гаврика с Антошкой Бабаком — саночником с той же Никольской шахты. При свете керосиновой семилинейки лица их показались изжелта-зелеными. Сбрасывая промерзший кожушок, Афоня спросил:

— Чего это вы нахохлились, как воробы под застрехой? Давайте-ка лучше щербу из окуньков сварим...

— Афоня... — незнакомым, сдавленным полупшепотом позвал Гаврик. — Посмотри-ка, чего принес Антон...

— Чего принес? — Бросив окуней на лавку, Афоня принял из рук саночника полоску серой бумаги. — Что такое? Приказ начальника гарнизона?

— Читай...

Наклонившись к свету, Афоня с трудом разбирает кривые строчки типографской печати:

...«уличные в преступных связях с бандами красных, а также в агитации за ниспровержение единственно законного существующего строя: Сергей Бабак, Гордей Белый, Анна Рогова, Константин Селивестров, Максим Чудинов, Григорий Прохорчук — на основании законов военного времени приговорены к смертной казни через расстрел. Приговор будет приведен в исполнение в течение двадцати четырех часов. Население предупреждается, что в случае...»

Противный, тошнотный озноб сковал все существо Афони. Не заметил, как опустил на лавку, как смял в кулаке и бро-

сил на стол клочок серой бумаги, как глаза налились горячими, горькими слезами. «Приговор будет приведен в исполнение»... Тихо спросил:

— Ребята, когда это будет? Когда их смертный час?..

Еле совладев с дрожащими губами, Антон сказал:

— Сегодня утром было... В старой штольне...

А Гаврик печально подумал вслух:

— У Аннушки Роговой и Гордея ребеночек остался... Полтора годочка. А жили они у старого хутора, недалеко от Журинки... Может, помирает ребеночек—ни отца у него, ни мамы...

Если даже строго-настрого запрещено военными властями ходить по шахтерскому поселку после девяти часов вечера, если чуть не на каждом углу торчит солдатский патруль, разве это может удержать трех парней, знавших с детства каждый двор, каждый лаз в заборах, канавы, мосточки, глубокие шахтные провалы? Через час, сторожко оглядываясь, выбрались они к самому Журинскому хутору и легли за снежным заносом. На далекой станции лениво покрикивал маневровый паровоз, мигали редкие огоньки в оставшемся позади поселке.

— Во-он она, изба-то... — прошептал Гаврила. — Пошли, ребята!

Двери оказались притворенными, но не запоре. Изба тоже не успела остыть после того, как ее, наверное, еще на рассвете, протопили живые хозяева. Афоня чиркнул спичкой и отступил на шаг: все здесь было перевернуто вверх дном — табуретки, стол, два раскрытых и продавленных сундучка. В кути кучей громоздилась кухонная перебитая посуда. Накрытая небольшим стеганным одеялом плетеная корзиночка стояла на печном шестке, почти у самого чела. Приподняв одеяло, со страхом заглянули в корзинку. Никогда потом, всю свою жизнь, Афоня с Гаврилой не могли забыть этой минуты и того щемящего, надсадного горя, какое они испытали при виде крохотного лица, закрытых глаз, маленького посиневшего носика. Из корзинки пахло сырым, но живым теплом. Значит, жив сирота, жив!

А ну, пусть бы попробовал кто-нибудь в ту минуту приблизиться к ребенку с недобрым намерением, пусть бы только попытался один враждебный звук произнести!

Сжав кулаки так, что заныло в суставах, Афоня коротко и грозно распорядился:

— Антон, возьми чего-нибудь потяжелее и встань у дверей. В случае чего — на смерть! Гаврик, набери сухих тряпок... Быстро!

А сам уже снимал с себя хотя и рваный, но все же теплый бараний тулуп. А ребеночек, накричавшись, наверное, наголо-

давшись, мокреный до плеч, спал — спал, еле слышно посапывая. Куда было деться трем парням с этой крохотной жизнью? Как ее уберечь от злой судьбины? Если домой, так Елена Ивановна явится из деревни только через неделю, а неделя для ребенка — большой срок.

— В любой шахтерский дом, если мать в дому... — сказал после долгого раздумья Гаврила. — У кого рука поднимется оттолкнуть детеныша...

И с ребенком на руках, все еще спавшим в теплом тулупе, друзья толкнулись в первый же домик на окраине поселка.

— Кто?.. — спросил за дверями женский голос.

— Свои... — отозвался Афоня. — Откройте...

— Да кто такие?

Но тут ребеночек Аннушки Роговой вдруг проснулся и сам подал голос, — а голос у него слабенький, хрипловатый...

— Господи, да что же это такое! — сказала женщина в сенях и, звякнув щеколдой, открыла двери. — Входите, коли с добром!

Не прошло и нескольких минут, как судьба маленького сироты, по крайней мере на первое время, устроилась.

— Давай-ка сюда, нянюшка... — женщина протянула к Афоне сильные костлявые руки. — Давай, тебе говорят, а то он криком изойдется! Ай, звери лютые! Когда же они кровушкой нашей насытятся, когда на них погибель придет!

Афоня даже не поднялся с лавки, только отложил в сторону деревянную ложку и выпрямился, когда совсем близко, по коридору застучали кованые сапоги. Зато Гаврила стремительно рванулся к двери, хотел, видимо, задвинуть слабенькую щеколду, но не успел этого сделать и отступил в угол, к увесистому железному лому. Вошли двое в длинных кавалерийских шинелях.

— Кто Вошин? — спросил узкогрудый усатый унтер. На лице у него было такое выражение, точно он собирался крикнуть предостерегающе: «Ну, ну, балуй»!

Афоня молча поднялся и шагнул на середину комнаты.

— Одевайся. Велено на шахту, — деловито распорядился конвоир.

— Надолго? — через силу спросил Афоня

— То нас не касается. Велено представить.

— Почему одного?.. Ведь мы вместе работаем! — выступил из угла Гаврила.

— А тебя кто спрашивает?! — задохнулся от злости Афоня. — Ты чего суешься не в свое дело? Велено меня одного! Пошли! — повернулся он к солдатам.

Привели, действительно, прямо в машинное.

— Это ты, братец, работал на машине при большевиках? — спросил седоусый, в погонах, с черной повязкой на глазу. — Вот и отлично. А теперь немного поработаешь для законной власти... Произведешь спуск людей для осмотра шахты. После под'ема освободим.

Афоня прошел к рычагам управления и услышал, как тот самый, с черной повязкой на глазу, говорил кому-то за дверьми:

— Стой здесь, посматривай, да помни, что наказано!

Вначале, когда подошел к машине и взялся за рычаг, вздохнул было с облегчением — как будто великая тяжесть свалилась с плеч. Значит, ничего серьезного, просто предстояло полчаса принудительной работы. Но почему такая таинственность, почему не пригласили для столь деликатного дела того же Завьялова? И эти последние слова белогвардейца с черной повязкой: «Посматривай, да помни, что наказано!»?. Что же могло быть наказано, кроме обычной охраны? Афоня насторожился и уже с новым чувством какого-то внутреннего прозрения огляделся вокруг. Пустынно, тихо... В потолочные отверстия убегали стальные извивы канатов, за барабаном под'емника, сажени две от цементного пола, — маленькое слуховое оконце. Если тихонько и быстро, как они всегда делали с Гаврюшкой, подняться по железной лесенке и заглянуть в клетьевую... Часовой у дверей ничего не заметит, он снаружи.

Через несколько секунд сквозь частую железную решетку Афоня осторожно глянул в соседнее помещение и затаил дыхание. Над черным провалом ствола грузно повисла узкая клеть, вот-вот готовая ринуться вниз. У входа в клеть стояли двое штатских, одетых в новенькие брезентовые куртки, против них — офицер с повязкой.

— Повторяю: не увлекайтесь, — властно говорил он и вспарывал перед собой воздух коричневым гибким стэком. — Нужны самые незначительные повреждения. Важен сам факт злого умысла. Сразу же возвращайтесь на квартиру, к от'езду все готово. А вы... — он круто повернулся, и Афоня только тут увидел стоявшего на вытяжку Завьялова. — Вы встретите людей после операции и наведете здесь полный порядок. А того... — Он ткнул стэком в сторону машинного. — Ему пока не показывайтесь... Захватим на месте злодейского умысла... — Стэк со свистом опустился на лакированное голенище.

Вон, оказывается, как непросто открывается этот ларчик!.. Бежать? Но часовой у дверей. Отказаться? Но что толку в отказе, что толку в словах, если у этой белогвардейской сволочи все заранее рассчитано, взвешено!

И вот уже прозвонил сигнальный колокол, а руки как-будто сами потянулись к пусковым рычагам, и нога легла на

педаль тормоза. Барабан дрогнул и пошел — пошел, все стремительнее разматывая трос.

А завтра утром контрразведка захватит ни в чем не повинных людей, обвинив их в разрушении шахты, в сообщничестве с машинистом Воциным — «большевистским выкорышом, врагом существующего, единственно законного порядка». Остальным бастующим пригрозят если не тюрьмой, то увольнением, высылкой, а самого «злоумышленника» еще сегодня, сразу после операции, «уберут».

Поймав стрелку на черте указателя, Афоня машинально застопорил машину. А вместе с машиной как будто и время остановилось. Молчалива безлюдная, беззащитная шахта, на которой столько пережито, столько испытано первых радостей и больших обид... Если придержать дыхание, можно услышать, как в клетевой звонко ударяются о железную плиту капли воды да еще тоненько-тоненько попискивает во флянцах пар.

Три дня, сразу после кровавой расправы белогвардейцев над оставшимися в подполье большевиками, никто, ни одна живая душа не появлялась на шахте. Давление в котлах поддерживали законвоированные кочегары.

(Ни администрация, ни бастующие ничего не предпринимали для начала переговоров. Да и о чем было разговаривать? Убиты товарищи, вожаки, беззаветно преданные великому делу революции. Кто вернет их живыми в родную семью, под солнце? Кто?! Гордей Белый, Аннушка Рогова, Максим Кириллович Чудинов, Сергей Бабак, замерзающий в ивовой корзиночке на шестке полуторогодовалый осиротевший мальчонка... Хватит ли сил начать нескончаемое мщение — до победы, до последнего дыхания? Хватит сил, Афоня Воцин!

Сигнал к под'ему встряхнул его, как великое пробуждение, как призыв к действию. И страшен был молодой кареглазый машинист в тот момент, когда его могучие руки вновь опустились на железные рычаги. Пустив машину на под'ем, он стал автоматически считать витки на барабане: «Три... четыре... пять...» А провокаторы, должно быть с устатку, привалились к стенкам несущейся вверх клетки и ждут-не дождутся, когда перед ними засияет тусклый электрический свет на поверхности... «Девять... одиннадцать... двенадцать... Стоп!» Выключив пар и изо всей силы двинув от себя оба тормоза, Афоня на одну только секунду бессильно откинулся на спинку узкого железного кресла. Где-то в черном провале ствола, нерешительно, словно раздумывая, качнулась узкая клеть и сразу же стремительно полетела в бездну, мимо отработанных горизонтов, в небытие...

В следующее мгновение, подбежав к двери и приоткрыв ее, Афоня озлобленно крикнул конвойному:

— Что ж ты стоишь, уши ослиные развесил?! Немедля скажи в котельную, чтоб увеличили давление пара! Слышишь?!

Нерешительно переступив, солдат поправил за плечом винтовку и нехотя шагнул за угол. И в тот самый момент, как Афоня скользнул по стенке в противоположную сторону, земля под его ногами загудела от далекого подземного удара. Он невольно замедлил шаг, но тут же, собравшись в комок, прыгнул через треснувшие доски забора.

На развилине дорог впервые остановился. Правый сверток к обрыву, левый — в поселок... Успеет ли забежать домой, к Гаврюшке? Надо непременно забежать, предупредить, чего бы это ни стоило. Никого другого, а его, Гаврика, теперь потянут к ответу. Вон уже у шахты ударил первый выстрел и вслед за ним тревожной трелью раскатился свисток. «Теперь, гады, мы померяемся с вами в открытую!» Афоня яростно погрозил обоими кулаками в непроглядную темноту.

Но в барак забежать и не потребовалось. Из-за угла, навстречу метнулась знакомая коротенькая фигура. Гаврила! Он схватил за плечи, тряхнул изо всех сил:

— Стреляли?! В тебя?!

— Ухожу, Гавря, не медля...

— Только вместе!

— А мать?

— Предупредим. Деревня-то по пути...

Снова в ночи, но уже близко, хлопнули один за другим два выстрела.

— Ну, Афоня!..

— Божим, Гавря!

Когда, мокрые от пота, задыхаясь от быстрой ходьбы, поднялись на заречное плоскогорье, на востоке забрезжил робкий синеватый рассвет. Навстречу этому синеватому свету и тронулись друзья, выбирая поглуше и попрямее тропки.

На широкой таежной поляне трещит, извивается огромное жаркое пламя костра. Тысячи золотых искр стремительными змейками взлетают вверх, в густо-синий вечерний воздух, и тают меж золотисто-зеленых лохматых кедровых крон. Десятки утомленных людей сидят на бревнах валежника, на кучах сухого хвороста и просто на жухлой осенней траве. Замызганные зипуны, рваные полушубки, безрукавые телогрейки, рубахи без ворота с растерянными пуговицами... Зато почти у каждого из сидевших у костра в руках оружие — русские верные трехлинейки, немецкие карабины, японские винтовки с закрытым затвором, охотничьи берданки. В све-

те костра медью отливают бородатые лица, вспыхивают огоньки самокруток, слышится редкий, сдержанный говорок — будто обо всем уже эти люди переговорили, все для себя наперед решили, и только желание услышать живой голос заставляет их время от времени ронять слова.

Сразу за костром, осев на низком лафете, вздернула облупленный ствол трехдюймовка: с телеги нацелился в темноту тупорылый «максим». Немного в стороне, вокруг наскоро сколоченного столика стоят несколько человек в шапках, баранных папах, в военных крест-на-крест ремнях. Выделяется среди них сухощавый узколицый старик с белой прямо спадающей бородой. Старик? А присмотритесь-ка к его глазам под насупленными бровями... Видите, как они зорко, пронзительно посверкивают, какие резкие, сильные жесты у этого белобородого!

На столике ветхая, подклеенная карта. С одного ее угла колеблется неверный огонек обыкновенного домашнего ночника. В другом верхнем углу карты надпись без начала и конца, славянской вязью: «...географ Кабинета Его Императорского Величества...», дальше — вырванный клоч, а за ним салное расплывчатое пятно.

Белобородый осторожно, чуть касаясь пальцами, разглаживает выдавшую виды карту. Вокруг склонилось с десяток внимательных мужских лиц. Глаза с вежливым недоверием скользят по сетке рек, безымянных речушек, по горизонтальям водоразделов, взгорий, по лабиринту неисчислимых таежных ходов и выходов. Слышатся редкие замечания:

— Что ж надо было в этой глухомани его императорскому, царствие ему небесное?

— Интересовался... Вот, дескать, чем управляю...

— Дда... — гудит насмешливый басок начальника штаба Шмакова. — Он интересовался от сытой жизни, а тут на голодное брюхо разбирайся в этой хиромантии.

Подмигнув, он обращается к белобородому:

— Может, начнем, Сергей Дмитрич?

Тот, додумывая что-то про себя, посмотрел на длинный огонек ночника, колеблемый воздушными токами, и молодо, гибко выпрямился.

— Будём, значит, отстаивать станковую базу, голубую разведку! — хриловато, решительно проговорил он.

Шмаков кивнул, стукнул несколько раз рукояткой нагана по шаткой столешнице, водворяя тишину, и наконец объявил:

— Товарищи красные партизаны, доблестные бойцы за победу нашего правого пролетарского дела! Командир отряда товарищ Коваленков сейчас сделает доклад согласно обстановки и текущего момента!

Партизаны у костра медленно обратили лица в сторону командиров, кто-то поднялся и подбросил в костер охапку сухого смолья.

Коваленков зорко оглядел полукруглую поляну, поймал на себе десятки внимательных взглядов и, будто забыв о докладе, склонил голову. О чем думают бойцы в этот вечерний час, вдалеке от родимых мест? Многие ли из них потеряли надежду на торжество своего правого дела? Бессилен революционный солдат без надежды, без крепкой веры в светлое завтра! Многих уже нет среди тех, кто почти год тому назад вышел в ратный путь с Кольчугинских копей. Погиб командир конной разведки, бывший забойщик Дудин, пал в неравном бою лихой боец, брат Шмакова, семнадцатилетний Мишка; сложили свои горячие головы Петр Левако, Николай Максун. Славная шахтерская гвардия!

Рука командира невольно потянулась к лохматой бараньей папaxe, и, хотя он еще ни одного слова не сказал, все, сколько ни было на поляне партизан, — все, как один, обнажили головы. Люди в эту минуту жили одной мыслью, одной скорбью. Все сердца будто слились в одно огромное, исполненное скорби и гнева сердце. Это была минута молчаливой клятвы в вечной ненависти к врагам, запятнавшим кровью самое святое в человеческой жизни — свободу.

Семь дней уходил партизанский отряд от преследования двух карательных батальонов. Семь дней продирались бойцы сквозь бурелом тайги, теряя остатки сил, одежды, оставив далеко позади родные села и за плечами почти пять месяцев непрерывных изнурительных боев.

Ценою нечеловеческих усилий удалось вырваться из огненного кольца, и вот они у самого порога Алтайских гор, в долине светлоокой Кондомы. С востока и запада реку стерегут серые отвесные скалы, а с юга и севера — тайга.

Тайга!.. Лучшего места для временной базы, для отдыха, для накапливания сил и не придумаешь.

Подчеркивая фразы коротким взмахом руки, Коваленков говорит убежденно, страстно:

— Война всегда есть война, товарищи! Но война, которую мы ведем, — особая. В эту войну, рано или поздно, победа останется за нами. В нашей воле эту победу приблизить, в нашей воле во-время ударить по врагу и во-время уйти из-под его удара. Да разве можно сомневаться в победе, если таких вот советских, народных кусочков земли, как наша таежная долина, многое множество разбросано по всей необъятной Сибири! Разве можно сомневаться в победе, зная, что

живет и победоносно дерется с врагами Советская Россия! И наши враги, и наши друзья знают — близок час, когда мы выйдем из тайги и скажем всей колчаковской сволочи голосом нашего нержавеющей оружия: «Поддай сюда наше! Наше — все! Всю великую сибирскую землю, от Урала до Тихого океана, — наши пашни, наши леса, наше право на мирный труд, на жизнь, на счастье!» Но нельзя забывать, товарищи-побратимы, что как бы гнило нутро врага ни было, без драки на жизнь и на смерть места на земле он не уступит. Значит, впереди жестокие, кровавые бои. Будем готовиться денно и ночью к ним! А пока останемся здесь, в тайге, у реки, и прежде чем уйти на сближение с врагом, с корнем, как худую траву, вырвем из наших рядов анархистскую расхлябанность!

Командир помолчал и потом уже несколько другим тоном продолжал:

— Помните бой под хутором Тыргытуй? Враг со всех сторон... Оружия маловато, чтоб заложить все прорехи... Бойцов нехватка... Приходилось не только обороняться, но и наступать, чтоб вырвать инициативу у беляков. Я поехал за рошу, где билась рота Ильенкова. По дороге встречаю бойца. Спрашиваю: — Откуда? «В обоз, отвечает, ходил». — За какой надобностью? «По делам, говорит, хозяйство свое посмотреть.» — Да какое же, — кричу, — хозяйство, к чертовой матери, — беляки на горло наступают! «Это, говорит, хрен с ними, нравится им — пусть наступают. Но зачем из артиллерии крыть? У меня же в обозе коровенка! Не ровен час, заденет, а того хуже, с испугу молока лишится...».

Сдержанный смешок прокатился по рядам сидевших партизан, послышались шуточные вопросы, предложения:

— Кто же это так сердечно печется о рогатой животине?

— Обстоятельный хозяин, видать...

— Не иначе, Митька Колонок. У него даже петух в клетке партизанит!

— Зубы скалите, языком вертите! Поймали вас на смешинку! — Это уже возглас самого Колонка. Легко подняв с земли свое короткое угловатое тело, он встал боком к костру и широко расставил по-кавалерийски косолапые ноги. — Эх, мужики, мужики! — сокрушенным тоном продолжал он. — Вы, как ребята малые. Вам покажи палец, вы — хи-хи да ха-ха, поднеси кулак под нос — в слезы. Развесили уши.. Эка невидаль! Да что, впервой что ли вас командир побасенками потчует? Слава богу, сыты по горло! Куда ни кинь, все хорошо получается, ни дать, ни взять — пролетарская республика на Кондоме! А я хочу спросить думных мужиков из штаба: что будет жрать эта республика? Скоро зима — где будет жить республика? Эта как получается: дохнуть с голо-

ду, околёвать по чужой глупости на лютом холоде? Покорнейше вас благодарим! Да за тем ли мы в лихую годину побросали свои деревнюшки, деток малых, животину, чтоб прятаться тут? Затем ли, чтоб заживо похоронить себя в этаким гнилом углу? — повернулся он к командиру отряда.

Коваленков смолчал, будто не расслышал вопроса. Постепенно догорал костер, испепеливший кучу хвороста. Тени на лесной поляне становились гуще, расплывчатее, а деревья будто ближе подвинулись из тайги.

Наступил тот опасный момент, когда настроение большинства могло поколебаться в ту или другую сторону, казалось бы, от самой незначительной причины. Шмаков уже беспокойно оглядывался на группу командиров, взглядом приглашая кого-нибудь из них выступить, но тут раздалось негромкое, знакомое в отряде покашливание ветерана манчжурских походов, кондового таежника Митрия Рожкова. Вздернув вверх острую седеющую бородку, Митрий начал с насмешливого замечания:

— Пролетарская республика на Кондоме, сказываешь? Хе, ешь ты корень! Как по святам вычитал! Ума—палата! А насчет того, чтобы с голоду подышать, — повысил он голос, — у меня такое слово, мужики: испокон веков наш брат кормил себя только тем, что у него оставалось, а великое множество харчей, как в прорву, уходило на господский стол. Так неужели, когда дело дошло вплоть до драки с дармоедами-превосходительствами, мы так-таки не прокормим себя? Колонок тут насчет походов командывал, чтоб, значит, немедленно и так далее, а это он видит? — Рожков, не торопясь, поднял для всеобщего обозрения попеременно свои ноги, в ступнях обмотанные тряпьем, перевязанные сыромятными ремешками. — У меня же на подошвах живое мясо, а я хаживал на своем веку. Да у меня ли одного! Мало ли таких костылей по отряду набирается!

Последние слова Митрий Рожков произнес уже спокойно инисходительным тоном закончил:

— Горяч ты, как погляжу: плюнь на тебя — зашипит. И опять же насчет пропитания... Партизанское мое предложение такое будет: если командиры дадут под мое начало пяток молодцов, так я всю партизанскую армию накормлю хариузом да тайменем! Ведь рыба здесь дура, она здесь дикая, сама на берег валом валит!

Митрию Рожкову ответили раскатистым хохотом и дружными веселыми возгласами:

— Поддавай, Митрий, жару!

— Прими, Рожков, под свою команду!

— Готовь, ребята, ложки — ухой запахло!

— Вот этот отчитал, за милую душу...

— Ры-ыболо-ов, язви его...

Метнув глазами в сторону улыбающегося командира, Рожков крикнул было сердито: хаханьки! — но и сам не одолел довольной улыбки и заковылял на облюбованное местечко, поближе к костру.

С того памятного вечера, подгоняемые близкими холодами, всеми наличными силами, свободными от разведки и охраны, строили лагерь-становище. По утрам, с первыми проблесками рассвета, в хвойных зарослях начинали свой звонкий переклик остро точеные топоры, запевали стальные, гибкие пилы, слышались задорные голоса, озорной посвист, над вершинами леса плыли мирные пахучие струи дыма. Долина день ото дня все больше меняла свой извечный облик — пролегли частые тропки к берегам реки, в ложбинках между холмами, у подножья скал желтыми пятнами обозначались срубы приземистых барачков. Птицы и звери, исконные жители этих таежных мест, с оглядкой перебирались в дальние, глухие пади.

По вечерам в долине золотыми трепетными пятнами загорались костры и подпирали звездное небо столбами пепельного дыма. И часто в вечерней тишине над тайгой поднималась дружная многоголосая песня — о далеком и бесконечно родном пели душевные партизанские голоса. Пели о доме, о белой лебеди-женушке, о малых детушках и светлой заре всенародного счастья. Истомились суровые сердца партизан о доме, о счастье, о работе вволюшку на зеленых пашнях, в забоях шахт, у ткацких станков. Заждалась земля своих работников...

☆☆☆

— О чем ты все время думу думаешь, над чем голову ломаешь? — спросил как-то Афоня друга.

— Кто его знает... — Гаврила вприщурочку оглядел со скалы окрестные дали и вздохнул: — Не то петь, не то плакать хочется...

— Лучше пой.

— Что ж петь... Все перепето.

— А ты начистоту выкладывай, что у тебя за душой?

— Тоска, Афоня, мочи нет!

— Тоска?

— Все о том же, все об одном... И вот диковина, Афоня! Кажется, о матери так не тоскую. Грешно говорить, а кажется... Но ведь отца-то я только по рассказам да по карточкам знаю, и тоскую, во сне вижу... Будто я маленький, и он берет меня на руки — большущий сильный, самый сильный из всех

кто жил на земле! То будто мы идем с ним, а вокруг люди, а вокруг песни... И смешно и горько, как подумаешь...

Выслушав, Афоня отвертывается, прижимает упрямый подбородок к плечу, синеватые белки глаз светлеют, черные зрачки в коричневых ободках сужаются, словно видит он перед со-

бой, как наяву, свое недалекое детство, ночевку под телегой — последнюю ночевку с семьей дяди Мины, заново переживает тоску о потерянном друге, и сердце его колотится так, будто он опять бежит обратной дорогой на копи, ноги его погружаются в теплую пыль, широкий кухонный нож рассекает ночной воздух... А если бы он уезжал тогда с копей с отцом и матерью, если бы они сохранились хотя бы в его памяти?..

— Ты думаешь, я по своей матери, по своему отцу не

тосковал? — говорит он с обидой. — Ты думаешь, я не звал их ночами? Зва-ал... А шахта, — она сгубила в одночасье и мать, и отца, и ни одного раза мне не ответила, в каком месте их косточки... Когда, бывало, соседские матери выколачивали пыль из своих ребятишек, мне больше всего на свете хотелось, чтобы меня тоже побила мать — моя мать! Побила, а потом приголубила, поплакала бы надо мной... Ты думаешь, Гавря, мальчонка Аннушки Роговой, — он, что, не будет тосковать по своей мамке?

Сказал все это Афоня быстро, за одно дыхание, немного запрокинув голову, опершись ладонями о теплую, нагретую юсенним солнцем землю. А закончив, погладил жесткую травку вокруг, и карие глаза его стали еще глубже и ласковее.

Над головами их, в багровой листве осины прошумел ветер.... Неподалеку с тонким посвистом пролетела стайка куро-паток...

— Пойдем, Гаврик, — вздохнув, выпрямился Афоня. — Выступать скоро... А разговор этот мы когда-нибудь кончим... когда лучше жить на земле станет, когда сирот не будет.

☆☆☆

Через неделю командир сводной роты Георгий Шмаков сообщил в штаб отряда с нарочным: «На базу следует обо-з продовольствием. Препятствий не встречается, но дело дви-жется медленно. Поразмыслив, роту разделили на два взво-да — одним командую сам, в другой назначил Кононова. Со своим взводом следую в Свистуновку. Уничтожено три наряда милиции. Колчаковские прихлебатели разбегаются. Крестья-не встречают с революционным энтузиазмом. О крупных со-единениях белокарателей сведений не имею.»

Трахнув кулаком по столу, Коваленков вскочил, закаш-лялся, забегал по землянке.

— Он что, белены об'елся? Он что, мальчишка сопливый! — закричал командир на оторопевшего нарочного. — Ему до-верили сорок лучших бойцов, а он рассовал их по всему уез-ду да еще и похваляется: «Милиция уничтожена! О белокара-телях сведений не имею!» Он получит эти сведения, когда бе-локаратели сядут ему на шею! Мальчишка, холера бы ему в бок!

Несколько успокоившись, он обратился к нарочному:

— Поворачивай оглобли в обратную дорогу. Доставишь пакет с приказанием в Шаманиху, а потом на словах пере-дашь Шмакову, что с ним у меня особый разговор будет!

☆☆☆

Гаврила с Афоней только что успели перекусить всухомят-ку, как за ними зашел опухший со сна Колонок, назначенный

командовать в сегодняшней разведке. От командира густо разило самогонным перегаром. «И где он эту дрянь выскивает?» — с отвращением подумал Афоня.

Провожаемые сонным взлаем собак и зоровыми криками петухов, они втроем вышли за поскотину, поднялись заброшенным проселком на Березовую Гриву и скорым шагом двинулись на север, к Свистуновке. Солнце застало их уже в девяти верстах от места ночлега. Шмаков со своим взводом должен был догнать их только вечером.

Разведку сегодня командир организовал больше для порядка, для очистки совести. Враг был где-то так далеко, что о нем не хотелось даже думать.

— Чистая беда, что деется! — лукавили мужики по таежным деревенькам и заимкам. — Который месяц подати платить некому — пропадает добро ни за что, ни про что.

Афоня полностью разделял отношение Шмакова к обстановке, потому сегодняшняя экспедиция казалась ему делом не очень-то обязательным. Поэтому же его немного смешил надутый, важный вид Колонка. Раскачивая свое короткое тело на кривых ногах — такая у него походка, — Колонок идет впереди, воинственно, как палкой, размахивая японским карабином. За всю дорогу он пока не проронил ни слова. Впрочем, это даже к лучшему, — у друзей со старшим по разведке особые счеты.

Потерпев поражение на памятном митинге, Колонок явился на следующий вечер в шахтерскую роту. И так и эдак он доказывал, что «из тайги нужно немедленно уходить», что сидеть здесь и варить уху из рожковских тайменей могут только предатели, труссы. Ну, таймени, пока тепло, пока морозы не сковали ледяными обручами реку, а потом? Потом голодуха, цынга, сырые землянки... И за что, за какую такую провинность перед мировой революцией?

— Погоди о провинности... — не стерпел тогда Афоня. — И мировую революцию прозеваем, и предатели... Слушаю тебя, и мороз по коже подирает. Ты мне вот что растолкуй: я, Гаврила Некрасов, Степан Долгополов — одним словом, вся шахтерская рота осталась в тайге сознательно, чтоб поднакопить силенок для победы. Понимаешь, сознательно! Выходит, по-твоему, — мы предатели? Так выходит?

— Выходит — недоумки!.. — разозлился Колонок и на этом оборвал разговор.

И, видать, он не забыл об этом разговоре, видать, сегодняшняя экспедиция в обществе двух молодых шахтеров была ему не особенно по вкусу.

К полудню стало не по-осеннему жарко, и всех троих основательно разморило в теплой одежде. Перевалив через крутую безлесную горку, Афоня расстегнул меховую куртку и оглянулся на Гаврилу.

А тот, казалось, ничего вокруг не замечал — ни осенних ласковых далей, ни зноя, ни времени. Шел, по-шахтерски втянув голову, в плечи, и по привычке негромко напевал любимую:

Ах, здравствуй, ах, здравствуй, мамаша!
Здоров ли отец мой и брат?

Прошли уже большую часть пути, заныли ноги, поламывало между лопатками и сильно хотелось пить.

А брат твой давно уж в Сибири,
Да-вно кандалами гремит...

— попрежнему пел Гаврила.

Колонок же все шел впереди, не оглядываясь, словно забыв о подчиненных. А пора бы ему остановиться, пора передохнуть да поразмыслить, как дальше действовать. Но попробуй предложи остановиться — непременно заартачится!

Заметив в овраге светлый ручеек, Афоня слотнул слюну и нарочито безразличным тоном заметил:

— Теперь, пожалуй, недалечко и до Свистуновки... Там отдохнем всласть, если, конечно, на милицию не напоремся... Как думаешь, старшой?

Колонок вначале будто не услышал этого замечания, но шаг вдруг замедлил. «Остановится», — усмехнулся про себя Афоня. И Колонок, действительно, остановился. Бросив вдруг котомку под ноги, он сухо распорядился:

— Тут и полдничать будем. Садитесь, шахтеры.

Отдыхали на солнечном скате распадка, под кустом боярки. Примерно в полуторах верстах видна была Свистуновская падь.

Закусывали порознь, даже к суденому ручейку за водой сходили порознь. Афоня с Гаврилой с превеликим удовольствием уплетали пресные, основательно обугленные лепешки, а Колонок, нарезаая тоненькими пластиками желтое круто соленое сало, посапывая, быстро, по-заячьи, пережевывал его и все время обеспокоенно вертел головой, будто ждал кого-то или потерял что и теперь старался вспомнить — где? в какой стороне?

— Чего он как на шиле? — шепотом спросил Афоня.

Но Колонок сам на это ответил. Решительно крикнув, он стянул с колен хлебные крошки и повернулся к Гавриле:

— Кончай закуску, парень, да шагай до деревни. Поглядишь там, что и как... Коротко сказать — разведашь.

— Это почему такое? Почему он один пойдет? А если в деревне беляки? — несказанно удивился Афоня.

Старшой улыбнулся:

— На беляка запрет не положишь — куда ему взбредет на ум, туда и тычется. Но бережного бог бережет, говорили старые люди.

— Я спрашиваю, почему одного Гаврю посылаешь? — стоял на своем Афоня. — А мы-то на кой ляд здесь?

— А мы... — Колонок раздраженно пожевал тонкими сухими губами. — Мы здесь погодим... Такое мое приказание.

— Ясно. Я пойду, Афоня... — Гаврила неторопливо собрал свою котомку, двинув затвором, дослал в казенник патрон и поднялся.

Вощин смаху лег на спину. Глаза бы его сейчас не смотрели на старшого! От недавнего спокойствия, от безмятежного состояния и следа не осталось. Послали одного, кругом одного парня чорт знает зачем! Ведь разведкой они должны заниматься втроем, а не в одиночку, — в этом задача их сегодняшнего похода. А если с Гаврилой что случится?

Где уж тут улежишь! Афоня перевернулся со спины на грудь, приподнялся на локтях и отыскал взглядом фигурку друга. Тот был уже в низкорослых кустарниках самого левого распада, что своим устьем выходил прямо в широкую Свистуновскую падь. И через правый распадок видна та же Свистуновская, а посредине ее извилистое русло речушки по названию Кудрявая. По названию Кудрявая...

Афоня, словно через него ток пропустили, приподымается на локтях еще выше, потом вскакивает, как на пружинах, щелкает затвором винтовки и выпаливает короткое ругательство.

— Что такое? Что?! — обеспокоенно завертел головой Колонок.

— Смотри, если у тебя не повылазили! — Афоня ткнул обрезанным стволом винтовки в сторону Свистуновской. — Смотри, на какую гибель послал партизана!

А между тем по берегу Кудрявой неторопливо шли пятеро. И за плечами у них... Что могло быть за плечами у пятерых взрослых мужиков в такое беспокойное время в этой глуши!

— Видишь?! — вновь и еще злее спросил Афоня старшого и тут же рванулся с места.

— Ку-уда? — остановил его окрик. — Стой, говорю!

И Афоня остановился, глубоко передохнул и оглянулся через плечо.

— Помогать, старшой, надо! Они же в один момент заполнят парня...

— Ду-урило! — отрезал Колонок. — Чем помогать? Их же пятеро, а нас трое... теперь, можно сказать, двое! Двое против пятерых, соображаешь? Нагнись, тебе говорят, заметят... Подчиняйся, когда старший приказывает!

Афоню так и передернуло от нестерпимого приступа злости.

— Старшему? — переспросил он скороговоркой. — Старшему? С этой минуты — я здесь старший! Понял, заячья твоя душа? И не цепляйся за меня, а то в один момент дырку в голове сделаю!

Отмахивая саженками вниз по склону, он не замечал под ногами ни кочек, ни кустов, ни глубоких промоин, ни того, как свистит в ушах встречный ветер. Только бы успеть, только бы стать между бедой и Гаврей!

Выскочив из кустов, он удивленно выдохнул и остановился. Не дальше как в ста шагах, опершись на винтовку, Гаврила спокойно беседовал с теми самыми пятерыми, что незадолго перед этим шагали по берегу Кудрявой. А винтовки, а оружие их? Не было оружия, — мужики устало сбросили с плеч увесистые березовые колья. Что ж, значит, это новое партизанское пополнение, значит, в какой-то дальней глухой деревеньке колчаковцы снова горько изобидели крестьян.

А Колонок? Ого, во-он где Колонок! Афоня с трудом различил на крутом перевале убежавшего человека. Но если пути их снова скрестятся — берегись тогда, нечистая сила!

☆☆☆

Соединившись к вечеру со своей разведкой, взвод Шмакова на ночь расположился в новеньком рубленом телятнике на окраине Свистуновки, — так посоветовал староста, человек в общем неплохой, хотя и зажиточный. Да оно и самим было лучше в куче, на всякий случай. Население Свистуновки встретило партизан приветливо, разговоры затевались все больше хозяйственные, обстоятельные: скоро ли с колчаками будет покончено, да какая жизнь наладится, да как быть с семенами на весенний сев — прятать от беляков или на партизан, на Советскую власть понадеяться?

За всем этим наступили сумерки. Печь в помещении оказалась жарко натопленной, от свежеевымазанных стен пахло сырой распаренной глиной. Было душновато, но охалки свежей ржаной соломы, сытый ужин и нелегкая дорога позади — все это позволяло на быстрый и крепкий сон.

Пока партизаны устраивались на облюбованных местах, Шмаков отдыхал, сидя на пороге и раскуривая коротенькую трубочку. Потом, еще раз наказав Гавриле смотреть в оба и

пояснив, что тишина—тишиной, а колчаки могут при любых обстоятельствах напаковать, он прикрыл за собою дверь.

Гаврила обошел несколько раз телятник, прислушиваясь к тому, как тихонько потрескивала сухая щепка под ногами, а когда наскучило хождение по кругу, поплотней запахнул шубу и, прислонившись к двери, затих. В помещении постепенно смолкали голоса товарищей. Начиная подувать холодный, порывистый ветер. Полночная осенняя тишина опускалась в Свистуновскую падь, на уснувшую деревеньку и незаметно, мелкими потайными шажками подкрадывался непреодолимый сон. Хорошо бы сейчас разуться, скинуть тяжелую опостылевшую одежду и вытянуться на пахучей хрустящей соломе! Прошлая ночь для него с Афоней тоже была мало удачной.

В крохотном шорском улусе им отвели самую крайнюю землянку.

— Не тужите, хлопцы, как-нибудь перемаетесь! —

напутствовал Шмаков. — Сами понимаете: на двадцать пять мужиков только шесть землянок с коренным населением...

Перешагнув порог своей временной квартиры, друзья нерешительно остановились. Нестерпимо воняло квашенными шкурами, застарелой трубочной копотью и немытым человеческим телом.

Помявшись у двери и сказав еще раз: «Здорово ночевали!», друзья несмело шагнули мимо дымного каганца на деревянной подставке и разом, стараясь особенно не шуметь, сели на лавку. Крохотное, в две ладони, оконце, затянутое бычьим пузырем, совсем не пропускало и без того слабого вечернего света. Пока глаза привыкли к красноватому полумраку, казалось, что в землянке нет ни одной живой души. Но вот в самом темном углу что-то зашевелилось, кто-то живой вздохнул, потом послышался застарелый старческий кашел, и к слабо помаргивающему каганцу, медленно ковыляя, вышла сгорбленная старушка с седыми реденькими волосами на непокрытой голове. Раскурив, показалось — на-ощупь, трубку на длинном чубуке, она раз и другой пыхнула табачным дымом и, как-то странно подняв лицо, спросила:

— Однако, русский?

— Русские... — тихо ответил Афоня.

— Однако, красный?

И опять подал голос Афоня:

— Партизаны мы, бабка...

— Молодой шибко... Изба далеко?

— Изба далеко, бабушка.

— Стосковался, однако?

— И это маленько есть...

— Баба, детишки, поди, в избе-то...

Афоня переглянулся с другом, и оба почему-то вдруг вспомнили одинокий домик неподалеку от Журинского хутора, корзинку у печного цела и в корзинке — голодного, посиневшего, обессилевшего от крика мальчонку.

— И детишки есть... — вздохнул Гаврила.

Разговор на этом, очевидно, и закончился бы, и не так, может, тяжело было бы друзьям на ночевке, не поднимись дряхлая шорка и не двинься ощупью к выходу из землянки.

— Бабушка, да ты, однако, не видишь!.. — кинулся к ней Афоня. — Бабушка, дай руку!

Старуха остановилась, медленно оперлась ладонями о березовую палку и опустила подбородок на темные скрещенные руки. Скупее, чем она сама, рассказ о своей жизни — не расскажешь и жизнь такую — не придумаешь...

— Давно было... — как осенний, затихающий ветер прошелестил ее голос. — Так давно, однако, что голова кружится... Тоже бегала по тайге, тоже кусчак была... Оспа пришла в

улус. Охотник мой потерялся—куда потерялся, не могла смотреть, — темная ночь глаза отобрала... Вот много лун, как день—темно, ночь—темно... Шибко плохо... Глаза были бы, ходила бы, смотрела — какая земля, какое солнышко!

Досказала скупые свои слова и повернула к молодым партизанам темное невидящее лицо.

Сидели потом на покато́й лавке, привалившись друг к другу, и втихомолку по-молодому мучались, как будто виновны были во всемирном человеческом несчастье. Встать бы среди ночи, взять бы оружие и пойти по земле, и заглядывать бы в ее самые темные, самые несчастные уголки, и светить бы, и нести с собой добро, слово хорошее, человеческое, и чтобы после тебя не оставалось позади ни слепых, ни грязных, ни сирот, ни матерей, потерявших дите роженое... Ох, как хотелось вырваться с оружием, с пятью патронами на винтовку в поле, в бой за самое чистое, за самое светлое, что подсказывало юное неискушенное сердце!

Ветер незаметно утих, отогнав в далекие южные края равные тучи. Ночь все ясна да ясна, делалась холодней, прозрачней. Над недалекой лесной опушкой, как раз по гребеночке деревьев, прорезалась бледным янтарным краем луна. И сразу на землю от ближних безмолвных изб, от ворот поскутины легли резкие черные тени.

Гаврила встряхивается, как петух на нашесте, и через силу, через всю силу расширяет глаза. Только бы не уснуть, не задремать, только бы товарищи отдохнули как следует... А надоедливый шорох за углом! Ну его к чорту, этот шорох, — он все не прекращается. Мыши, наверное, на зиму устраиваются. Ну и пусть устраиваются — не высовываться же из-за них на ветер... А что это такое?.. Вот опять...

— Гавря!

— Кто это?

— Гавря...

И голос такой знакомый. Колонок? Шмаков на сегодняшнем взводном собрании после рассказа Афони о разведке на Свиштуновку жестко сказал:

— Стрелять надо было, а не хлопать ушами!

Легко сказать: стреляй! Легко сказать — предатель! А как определить для себя: предатель это или нет?

— Гавря, ты оглох, что ли?

Вот это теперь уже не слышится, не чудится — это живой, встревоженный голос.

— Колонок? — спрашивает Гавря, одновременно опуская винтовку и нащупывая в кармане чешский коротенький пистолет без единого патрона.

— А то кто же... — Колонок, прямо как тень от луны, появляется из-за угла. — Лежал-лежал, понимаешь, у поскотины, заколел до печенок...

— До печенок?—Гаврила попробовал на своих плечах стеснительную одежду, пошевелив крутыми плечами, и, будто бы обретя необходимое равновесие, сказал:

— Ну тебя к черту, Колонок, ты убери руки из карманов... Слова словами, но я могу тебя стрелить!..

— Стрелить?!

— Обыкновенно...

— Вот, черти! А я хотел переночевать рядышком, чтобы безопасно, чтобы с товарищами... А? А—а—а..ах!

Но удара-то у него не получилось! Ждал этого Гаврила! Ждал! А когда тряпку, которой пользовался как носовым платком, воткнул в непривычно широкий рот Колонка, когда руки и ноги его были скручены подручными средствами натуго, вспотел вдруг — так вспотел, что глаза больше ничего не видели. И как в детской игре, спросил у лежавшего навзничь Колонка:

— Хватит или еще немного?

Тот замычал, закрутил головой,—дескать, и так премного недоволен.

— Ага! — сказал Гаврила и для верности придавил коленками Колонка. — Ты, гаденыш, значит, не очень доволен...

Сколько все это времени заняло—не больше полуторах—двух минут, но минуты-то были самыми решающими! По правилам он поступил или не по правилам, что не разбудил товарищей ради такого происшествия? А при чем здесь правила? Пусть партизаны всласть отдыхают, а Колонок, если он враг, никуда не денется. Он немного полежит, немного охолонет и в свое время поговорит с командованием — поговорит и ответит по всей строгости партизанского революционного закона. Пусть, гад, полежит, а товарищи пусть себе отдыхают—у них впереди ой-ой сколько тяжких трудов! Гаврила со злостью сплюнул и, сморщившись, потер ноющее плечо: Колонок все же основательно его задел коротеньким шкворнем. Сволочь! На что он надеялся? Что он мог сделать, если бы убрал с дороги часового? Избу мог поджечь? Едва ли... А еще за мировую революцию ратовал!

Гавря, ни слова не говоря, попробовал тугие узлы на руках и ногах Колонка, еще раз сплюнул — очень уж хотелось курить! — и зорко огляделся.

Легкий, прозрачный ручеек дыма над самой крайней к поскотине избой тянулся все выше и выше. Вот он коснулся нижнего краешка луны и позолотил ущербленный диск. Недалеке растянулись приземистые заброшенные конюшни в

кольце обгоревших столбов... В кольцо обгоревших столбов... Сердце отстукало несколько самых коротеньких секунд. Если бы это произошло до Колонка, Гаврила, может быть, просто изо всей силы протер бы глаза и досадливо поморщился: мерещится! Но сейчас, когда у ног лежал отъявленный враг, сейчас, когда сердце еще колотилось и не могло успокоиться, он не мог раздумывать. Обыкновенные обгорелые столбы, к виду которых он уже успел привыкнуть, вдруг ожили, начали двоиться, трояться, тени их породили человеческие силуэты — с руками, ногами, и все это двигалось бесшумно, выстраивалось в частую цепочку. И Колонок вдруг забеспокоился — он согнул в коленях ноги, двинул несколько раз связанными руками и что-то такое замычал. Гаврила больше не раздумывал. Он нащупал у ног железный шкворень и не очень сильно ударил им по короткому затылку Колонка, — чтобы он не мешал в нагрянувших вдруг нивест откуда событиях. А возникшая из теней от обгорелых столбов вражеская цепь все так же бесшумно, призрачно перестраивалась, подвигалась все ближе... Стрелять?! А какой толк... В следующее мгновение Гаврила рванул дверь на себя и что было мочи крикнул:

— К оружию! К оружию, товарищи!..

Но призыв этот будто в глухую пропасть канул.

— Товарищ командир! К оружию!.. Афоня!..

И в ответ то же самое — тишина, тишина... Удушливый, угарный запах и тишина. Да что же это?!

Гаврила задвинул дверную шеколду (не догадался кулак-хозяин убрать этот нехитрый прибор!), и снова, как за все эти последние тревожные минуты, собравшись в узел, прислушался...

— Да что же вы делаете, товарищи!..

В углу кто-то застонал сквозь стиснутые зубы, кто-то сказал жалобно: ма-ама... товарищи... Гаврила будто оступился в темноте, будто его за самое сердце ухватила жесткая, не знающая пощады рука. Где Шмаков? Где Афоня? Вот он — Афоня! Тряхнул его за плечи, кинулся к самой печке, изо всей силы потряс Шмакова:

— В ружье!..

Ни один человек не откликнулся, не поднялся, не принял в руки оружие. А за стенами рубленного угарного телятника слышались крадущиеся вражьи шаги. Совсем близко — вражьи шаги...

Подхватив у глинобитного камелька тонконогий «ШОШ», Гаврила сунул его стволом в маленькое квадратное оконце, вжался плечом в железный приклад, увидел совсем близко перебегающие черные тени и дакнул на гашетку. Гулкий, длинный жгут желтого пламени ударил в ночь, в тишину!

Раздался больший человеческий вскрик, потом густое ругательство. Деловой, рабочий разговор пулемета, его живая встряска вернули Гавриле ясную прямолинейность мысли. Прострочив узкий сектор перед окном, он перебежал через простенок к следующей квадратной отдушине. И снова в ночь, в тишину полоснуло желтое неистовое пламя, и Гаврила не удержался, злорадно крикнул в секундный перерыв:

— Н-на! Получай, гад! Н-на!

В одно плечо ударило, как палкой, потом в другое — видеть, тонкие бревнышки стен не держали вражеских пуль, а вот, как рукой, сдернуло вбок баранью шапку... Все это — чепуха! Лишь бы руки не выпустили оружия, лишь бы глаза видели, лишь бы кто-нибудь из товарищей оклемался!... Насадив последний патронный магазин, Гаврила устало припал плечом в угол — не хватало воздуха, нечем было осушить потное, в кровавых ссадинах лицо...

Несколько человек на полу зашевелилось, кого-то тошнило. У ног Гаврилы судорожно корчился Афоня. На мгновение приступ терпкого страха овладел Гаврилой: когда же хотя бы два—три человека смогут подняться и принять чосильное участие в смертной борьбе? Когда?!

А враги, видать, окончательно обнаглели: стучат в двери, шатаются мимо окон, буднично переговариваются:

— Мертвый, поди...

— Посторожись — они живучие...

— Красенькие! Буде шалить, выноси повинную головушку!

Все, о чем за последнее время думалось,—и отец, сгинувший на каторге, и мальчонка, замерзавший в плетеной корзинке, и старая слепая шорка — все это вдруг хлынуло весенним половодьем в душу, в сердце, наполнило его неистовым гневом, а мускулы—железной силой, все это вывело из относительного равновесия, все это, как взрыв, кинуло к дверям! Пулемет в руках казался невесомым, а опасности впереди — пустяковыми. Успел даже снять предохранительное кольцо с бутылочной бомбы и, двинув плечом по двери, освещая путь себе желтым пулеметным огнем, вырвался на волю, в лунную ночь, в прохладу.

Никого вокруг... За поскотиной мельтешат неясные тени, в неглубокой канаве за дорогой кто-то поднялся, но сейчас же, подкошенный короткой пулеметной очередью, успокоился. А вот уже летит бутылочная в сторону старых конюшен, и через секунду багровый столб пламени встает выше крыш и тяжкий удар потрясает маленькую деревеньку.

Занятый своими неотложными делами, Гаврила и не заметил, как с тыла бесшумно подползала реденькая безмолвная цепь...

Приказ о немедленном объединении продотряда в Шаманихе получили к вечеру, когда уже загадано было по-настоящему спокойно переночевать.

Игнат Роганов, назначенный Шмаковым командовать отдельным взводом, медленно перечитал приказ, повертел недоуменно в руках четвертушку бумаги и глубокомысленно подвигал широкими кустистыми бровями:

— Холера его разберет, кому верить... — сказал он простуженным баском. — Шмаков наказал изо всех сил держать здесь, а Коваленков командует — сливаться!

Нарочный Серега Краснов, парень из анжерских коногон, пыхнул злым самосадом и важно заметил:

— Мы в штабе все эти дела еще утром, как следует быть, обсудили... В написанном приказе сказано сливаться—значит, сливайся, и вся недолга!

— Да куда я буду сливаться, на ночь глядя, — ни карты, ни дорог... — попробовал возразить Роганов, но поразмыслив, отдал распоряжение о выступлении.

Поздно ночью вышли на последний перевал перед Свистуновкой. Сойдя с дороги, Роганов остановился, чтобы прикурить. Приладив трут к кремню, он высек кресалом струйку оранжевых искорок, да так и остался с тлеющим угольком в руке.

Со стороны Свистуновки отчетливо прострочил пулемет, свой, шошевский пулемет. Потом короткие очереди последовали одна за другой почти через равные промежутки времени, будто пулеметчик действовал по часам.

Без всякой команды маленькая колонна партизан подтянулась, ускорила шаг, а потом, придерживая на себе снаряжение, бойцы перешли на бег. Но впереди всех, как всегда, легкой, охотничьей походкой поспешал местный таежный житель, старый солдат — Митрий Рожков. А когда до Свистуновки оставалось не больше версты, Рожков по первому слову Роганова ушел в разведку. Ушел, как только он один умел делать — был рядом и вдруг исчез, растворился в ночи.

Остановились, немного не доходя до поскотины. Залегли и тревожно ждали. Временами умолкала пулеметная трескотня, и тогда слышны были отдельные винтовочные выстрелы. Что же такое происходит в деревне? Прошло минут, может быть, двадцать, а то и все полчаса. Партизан охватило понятное нетерпение: долго ли еще лежать, ничего не делая?! Но вот между жердочек поскотины что-то прошелестело, и перед Рогановым возник Митрий Рожков.

— Докладывай! — скупо потребовал командир.

Партизаны, лежавшие по самой бровке канавы, всего смысла рожковского доклада не уловили, но по отрывочным словам, фразам, примерно поняли, что происходит в деревне. Беляков человек тридцать—сорок. Воюет с ними пока один пулеметчик, а почему один — неизвестно. Среди беляков человек, если судить по голосу, — вылитый Колонок. Враги, наткнувшись, очевидно, на нечаянное сопротивление, что-то замышляют, близко к пулеметчику не подходят, а ведут пока дальнюю осаду. Но где партизанский взвод, — вот загадка!..

— Партизанский взвод там, где ему положено обстановкой... — не очень уверенным тоном подытожил доклад Рожкова командир. — А сейчас, в текущий момент, будем делать так... — он чуть приглушил свой басовитый голос и, вытянув руки по швам, скомандовал:

— Цепочками!.. У плетней!.. Чтобы ни одного чиху не слышал!.. За мно-ой!..

До пулеметного разговора оставалось рукой подать. Зубы так сами собой и сжимались, указательные пальцы, казалось, сами собой находили привычный холодок спусковых крючков... Первыми к бревенчатому телятнику подобрался Роганов и Рожков. Заглянув в открытую настежь дверь, Рожков не то прошептал, не то всхлипнул:

— Побитые, командир, партизаны! Пластом лежат...

— Побитые!? — Роганов по-волчьи скрипнул зубами и дернул предохранительное кольцо на лимонке. — Передай ребятам: ни одной словочки живьем за поскотину не выпускать! Живьем не брать!

Перед решающим броском трудно уберечься от непроизвольного порывистого движения, но Роганов, распластавшись по дороге, своим примером сумел сдержать до поры до времени страсти.

Вот совсем недалеко, сажени три—четыре не больше, неистовствует пулемет. Свой пулемет. Рожков приподнялся на локтях, вытянулся в струнку и сейчас же толкнул плечом командира:

— Слышь... Это ж Гаврюшка Некрасов! Гаврюшка воюет!..

— Гаврюшка!.. — Роганов быстро посунулся вперед, но не очень осторожно — под ним хрустнула сухая щепка. И в тот же час Гаврилу Некрасова будто кто подбросил с земли: он выпустил из рук рукоятку пулемета, сунул пятерню за пазуху, за последней бутылочной, которую берег на смертную минуту, и размахнулся, изо всей силы...

Роганов перехватил его руку, дохнул близко в потное лицо молодого партизана:

— С ума спятил! Свои!..

— Игнат... — Гаврила как-то сразу ослаб, немного завалился на бок и смахнул слепящий пот с лица. — Я думал, беляки с тылу. Ребят, понимаешь, кулаки поморили угаром, а я, значит, до последнего патрона решил... Игнат, давнем на них!

Игнат вздохнул свободнее, расправил широкие плечи и почти беззвучно дослал патрон в казенную часть.

— Давнем, Гаврила!

С вечера через южное Кондомское ущелье потянуло теплом. Ночь легла над окрестными горами ясная, улыбчивая. Потому, вопреки приказанию командования — быть готовым к ненастью, партизанские посты вышли на таежные пути-перепутья налегке и через два—три часа покаялись. Где-то близко к рассвету, когда лагерь спал уже глубоким, нетревожным сном, с севера вдруг пахнуло арбузным холодком, из-за пихтовой гребеночки леса наполнили рыхловатые тучи, и все сразу изменилось — и погода, и настроение постовых. Повалил густой, лепешками, снег, да так повалил, что протяни руку перед собой, и с трудом различишь ее только до локтя. Снег падал бесшумно, в каждом своем лепестке был невесом, но, оседая на темных ветках пихтача и кедровника, образовывал увесистые пуховые перины.

Близко к позднему осеннему рассвету снегопад, будто по мановению, закончился, небо на востоке прояснилось, и тогда взглядам продрогших постовых открылись белая земля, белые деревья в темных росчерках ветвей, иссиня-белые горы с черными пятнами каменных обрывов. Так в партизанский лагерь пришла зима тысяча девятьсот девятнадцатого года.

В тот же день с утра из Кузедеево от верных людей поступили тревожные вести. Вверх по Кондоме с величайшей предосторожностью, ночами, движется карательная экспедиция подпоручика Завьялова. Что-то о такой фамилии в партизанском штабе до сих пор не слышали. Не иначе, кто-нибудь из особо отличившихся при подавлении многочисленных крестьянских восстаний. Вот ведь наказание какое: совсем на ладан дышат, а все нет на них уему! В штабе еще за неделю перед этим все было готово к тому, чтобы отдать по сводному рабоче-крестьянскому партизанскому отряду приказ: «Выступаем на запад, к Барнаулу! Цель: громить белые гарнизоны и в приалтайских степях соединиться с наступающей на восток Пятой армией!» А тут черт дернул какого-то подпоручика Завьялова! Не мог он повременить немного, что ли? Рано или поздно, а ему со всеми карательными колчаковскими экспедициями все равно придет крышка. Но досада—досадой, а если враг появился, надо биться! На смерть!

Не выходя из землянки, штаб отряда прозаседал до позднего вечера. Определили: шахтерская рота Шмакова выступа-

ет немедленно и следует до Белого Камня, а там поворачивает Большой падью и выходит во фланг к месту сосредоточения, к месту предполагаемой ночевки белокарателей. Основное ядро отряда в составе ста сорока штыков при двух пулеметах обходит врага с севера, так, чтобы отрезать ему малейшую возможность отступления. Мешок необходимо натуго затянуть к рассвету, ровно через сутки. А тогда, по общему сигналу, — чтоб до последнего вздоха, до последнего неповерженного врага!

— На патроны шибко не надейтесь, на пальбу в белый свет не рассчитывайте, — сказал в заключение Коваленков. — В бою обойтись одной обоймой на бойца.

Шахтерская рота Шмакова прибыла к месту назначения немного раньше намеченного срока. Будто не бойцы торопились, а сумерки задерживались, зацепившись где-то за вершины Кузнецкого Алатау.

— Костров не разводить, согреваться бездымным способом! — полусерьезно, полусхутом распорядился Шмаков.

Выставив ближние посты, он вдруг ощутил какое-то смутное беспокойство. То место ему казалось слишком открытым, то партизаны не вовремя громко спорили. А до атаки чуть ли не полсутки. Где сейчас этот подпоручик Завьялов, что он предпринимает, не пронюхал ли что-нибудь о партизанском передвижении? Нет, командир шахтерской роты не мог сидеть и гадать на гуще: чет или нечет! Обежав взглядом отдыхающих партизан, Шмаков окликнул:

— Афоня! Гавря!..

— Не иначе, на прогулку, — подмигнул с завистью молодой партизан друзьям.

— Видите какое дело, ребята, — сказал командир и задумчиво глянул на низкое холодное солнышко. — Вот какое дело, ребята: на вас надежда... Дойдите до этого самого... до деревни. Гляньте там, понимаешь, чего такое делает этот самый подпоручик, холера ему в бок... Если он ничего не делает, можете не возвращаться в отряд — подождите нас, к рассвету будем. А если он какие-нибудь фокусы и все такое прочее, тогда, значит, дадите знать. Коротко сказать: глазами отряда будете.

— Глазами, это, конечно правильно... — Афоня нерешительно переступил с ноги на ногу, между тем как Гаврила подтягивал опустившиеся голенища мягких ичиг. — Мы, командир, сей же час тронемся, но у нас на двух одна лимонка и три патрона...

— Вот, черти бы их взяли, эти патроны! — Шмаков морщился, как от зубной боли. — Все дело, парни, упирается

в эти распроклятые патроны... — Порывшись в карманах меховых штанов, он подал Афоне аккуратно завернутую в тряпицу одну единственную обойму. — Весь мой штабной запас. Должно хватить, в случае чего...

Определяясь по вечерней синеватой звезде, пошли почти бесснежными каменистыми откосами грив. Переобуываясь в лесистой седловинке, Афоня беспокойно оглянулся на привалившегося к бугорку Гаврилу.

— Болит голова? Снова знобит?

Гаврила шевельнул пересохшими губами:

— Маленько...

— Маленько!.. Я же твердил тебе сразу: скажи командиру, что недужится!

— Но ты бы тогда с другим пошел, — тихо возразил Гаврила. — А с другим тебе не с руки...

— Может, вернешься?

Гаврила раздраженно отмахнулся:

— Некуда мне возвращаться!.. Тронулись.

— Тогда иди по моим следам, легче будет, — скрепя сердце, сказал Афоня.

Через полчаса он еще раз переобулся: все что-то неладилось с правой ногой, а обезножить в походе — дело совсем неподходящее. Солнце, давно уже скрывшееся за дымными взгорьями, выбросило вдруг в полнеба острые жгуты шафранных лучей.

— Мороз будет, — заметил Гаврила.

— Только бы не буран, — отозвался Афоня. — Тогда ни черта не увидишь, чего тот самый подпоручик соображает...

Вскоре подошли к спуску в Большую падь. Раздвинув пихтовые ветви, Афоня сторожко, с жадным нетерпением глянул вниз. Прямо у подножья горы легли квадраты огородных плетней, а за ними распахнулась широкая сельская улица. У беспорядочно расставленных повозок, у двух—трех дымившихся кухонь двигались лошади, люди.

Услышав за плечом частое усталое дыхание Гаврилы, Афоня сказал:

— У околицы пушка... Правильно в штабе наметили: пушку-то беляки повернули видишь куда? А мы с тылу!.. У крестового дома роятся — штаб, видать...

Горная опушка, на которую они выбрались, — не очень надежное укрытие. Лучше перебраться бы через падь на соседнюю горку, там и лес гуще, и к селу ближе. Восемь патронов и лимонка — достаточно категорическое средство в случае разговора с врагом.

— Как думаешь? — спросил Афоня.

— Чего думать, — давай перебираться, — посоветовал Гаврила.

— Знобит?

— Это само собой...

— Эх, Гавря, здоровые мы должны быть с тобой! — вздохнул Афоня. — Всякое может случиться в этом бою... За глотку ухватим беляков. А потом я хочу, чтобы мы живые остались, чтобы на коях еще поработали!

Гаврила попробовал улыбнуться, но только некрасиво покривил распухшие за последний час губы. Простуда делала свое дело.

— Поработаем, Афоня...

— Поработаем... Давай-ка сюда винтовку.

— Да ладно.

— Давай, говорю!

Когда спустились в самый низ пади, путь вдруг преградило обрывистое русло речушки, покрытой синеватым молодым льдом. Ползком перебрались к противоположному берегу, а что ледок часто потрескивал — это само собой. Хуже, что Гаврила двигался все медленнее, все чаще останавливался и глаза его, ясные мальчишеские глаза, с каждой минутой тускнели, взгляд Гаврилы уходил как будто в себя. Слабел Гаврила.

С трудом одолев глубокий неслежавшийся снег под береговым обрывом, Афоня ухватился за куст тальника, подтянулся на одних руках и тут же отпрянул.

Совсем рядом стояли двое в коротких барнаульских полушубках — стояли и о чем-то мирно, не торопясь, беседовали. Один из них, маленький ростом, чем-то знакомый, в серой папахе, заслонив слабый огонек спички ладонями, долго прикуривал.

Стрельбы бы! Нельзя. Живьем схватить и доставить в отряд не удастся — Гаврила еле ногами двигает. Значит, ждать, сторожиться.

— Кто там, Афоня? — шепчет позади Гаврила.

— Тихо, Гавря, беляки!

— Много?

Афоня на пальцах показывает: двое.

— Стукнем!

Афоня отрицательно качает головой: стукнуть просто, а куда денешься после этого стуканья — беляки-то в полуверсте!

А двое в барнаульках постояли, постояли еще немного и как будто тронулись в сторону деревеньки.

— Давай, Гавря, скорее! — встревоженно сказал Афоня.

— Им не заказано, могут вернуться!..

А вот уже и под'ем на гору. Тут Афоня снова оглянулся, не услышав за собой шагов друга.

— Гавря, что же ты?!

Гавря мешком сидел на снегу. Попытался, видно, подняться, но тут же слабо махнул рукой:

— Мочи нет, Афоня...

— Надо же! Совсем немного осталось...

— Мочи нет... Нутро горит. Ты иди...

— Я тебе дам «иди»! — рассердился Афоня. — Обопрись на плечо, недалеко осталось.

Медленно вскарабкались на крутизну и, чтобы побереж'ся, прошли в глубь пихтача еще сажений сто. Тут как раз деревья немного расступились, образовав небольшую округлую полянку. Если даже отряд Шмакова пойдет падью прямо к поскотине, его отсюда не трудно будет заметить.

Стряхнув пушистый снег с кучи сосновых веток, Афоня старательно примял их, оглянулся на Гаврю.

— Садись... Прямо как пуховик. А здесь я привалю снегом от ветра. Побудешь немного один, — я погляжу вокруг, что и как.

Снежная, почти безветренная ночь опускалась на таежные просторы Горной Шории. Снежная ночь перед боем...

☆☆☆

Прячась за редкие рваные тучки, медленно карабкался в пепельно-синий небосвод маленький ущербленный месяц. Слабый янтарный свет тихо падал на мертво молчавшие горы, поблескивал в первых наледях и наконец робко осиял белую полукруглую полянку на круче, выделив посредине ее темное пятно хвороста.

Из низких пихтовых зарослей, что окружали полянку, цепочкой выползли человек двадцать вооруженных. Цепочка бесшумно окружила кучу темного хвороста, замерла на какую-то минуту, приподнялась, а когда до цели оставалось не больше десяти шагов, вооруженные люди стремительно рванулись вперед.

...Очнувшись от страшного толчка, Афоня инстинктивно впился заковчевшими пальцами в чей-то жесткий, волосатый затылок.

— Гавря!.. Колчаки!.. — взметнулся над притихшим лесом его хриплый возглас. — Гавря!..

Страшным усилием он сбросил со спины двух человек, ляснув по-звериному зубами, хватил намертво зажавшую рот вонючую руку и, выпрыгнув из живого вражьего круга, размахнулся.

— Бомба!.. — шарахнулись в стороны нападающие.

И Афоня швырнул в самую гущу врагов свою единственную, с которой вот уже год как не расставался.

Секунда, другая, третья... Дышать стало нечем от нестерпимого ожидания... Но бомба — единственная, с которой год не расставался, на которую вся надежда была, — не откликнулась, не разорвалась, не разнесла в клочья колчаковское отродье!

Через несколько минут старый русак, выскочив слету на полянку, сделал стойку, повел во все стороны ушами, повернул мордочку на ветер, учуял тревожные запахи, и тут же длинными стремительными прыжками усекал в лесные за- росли.

Старенькие часики над головой подпоручика Завьялова неровно, со старческой хрипотцой, отсчитывали секунды. Погнутая минутная стрелка сделала уже два оборота по пыльному, в мушиных пятнышках, циферблату. В низенькой избе с белеными стенами душный полумрак, от висячей лампы на прибранном столе двойится желтоватый круг. Выпятив бритые малюсенькие губы с аккуратной щеточкой усов, подпоручик с преувеличенно старательным видом чистит короткие ногти на толстых пальцах.

Подпоручик Завьялов... То же остренькое, вытянутое, будто постоянно что-то нюхающее личико, покатый низенький лоб, медленно, бездушно смотрящие глазки, — тот самый Завьялов, эсер, машинист главного подъема, прихлебатель колчаковский — вон какими кривыми потайными дорожками этот выползень оказался в офицерских чинах! Узнал он своих пленников или нет? Узнал, наверное, но все еще глубокомысленно раздумывает, как больнее, круче взяться за свое вражье дело.

Афоня закрывает глаза, пошевеливает связанными, онемевшими кистями рук и по стуку сердца считает секунды, пытается думать. Как еще в раннем детстве он видел на крышке теткиного сундука конфетную картиночку: над зелеными холмами, над ядовито-синей рекой плыло знойное, с острыми лучами солнце. На песчаном пряничном берегу лежало несколько мальчишек с белыми румяными мордочками, яркокрасными губами и одинаково бессмысленными глазками. В лице Завьялова было что-то от всех этих остреньких мордочек — все было как на картинке: и вытянутые губы, и нос кнопочкой, и кругленький подбородочек. Эх, если бы освободить руки хотя бы на одну минуту, мало ли в избе подвернулось бы увесистых предметов — гирька на часах, чугунная горячая заслонка на плите...

Оглядываясь на привалившегося в углу связанного Гаврилу, Афоня в то же время старается не упускать из виду Завьялова — слишком деланным представляется его затянувшееся молчание.

За дверью громко спорят два простуженных голоса.

— Ащеулов!.. — значительно сдвинув короткие брови, кричит подпоручик.

В дверях сейчас же вытягивается пузатенький ординарец, наперекос подпоясанный сыромятным ремешком поверх старой, четвертого срока службы шинели.

— Слушаю!

Завьялов медленно поднимает серенькие глаза и делает свирепое лицо.

— Тебе, сукин сын, сколько раз говорить, чтобы не выражался похабными словами?!

Лицо ординарца делается глупо восторженным.

— Виноват! — гаркает он во всю силу легких.

— Пшел!.. — морщится Завьялов и вяло добавляет в спину солдата: — Скотина...

А руки, скрученные за спиной, окончательно затекли, кажется, к каждой жилке привешена пудовая гиря. Нет больше терпения!

— Развяжи... — угрюмо говорит Афоня. — Не меня — убить могу, Гаврика развяжи! Больной он окончательно...

Завьялов медленно, передернув щеку, откусывает на пальце заусеницу и по-домашнему спокойно кивает:

— Ему все равно больно... Погодит. Он — шахтер, он большевистский выкормыш — подождет!

И вдруг, глянув прямо в потное истрадавшееся лицо Афоня, забыв о своих ногтях, не слушая больше приглушенный матерный разговор за дверями, он заговорил:

— Ты у меня не первый такой... Тебя я давно знаю. У меня в руках за последний год побывали большевики-каторжане, которые в свое время зубами перегрызали железо на кандалах... А нотом я их заставлял железо жевать! Слышь, ты?!

— Слышу... — Афоня повел плечами, переставил ноги так, чтобы касаться неподвижно распростертого Гаврилы. Тепло друга было теплым. Значит, живой!... Еще что скажешь эсер?

— Что скажу? — Завьялов буднично пожал плечами. — Друг-то у тебя больной окончательно, развязать его надо. А развязать по долгу службы перед родиной не могу — упрямисься! В твоих руках его жизнь... Мне ведь немного нужно, всего два слова: ку-уда Коваленков увел свой бандитский отряд? А?..

— Куда? — хрипнул Афоня. — Куда?..

У него были только одни ноги свободными, одни ноги, которые вдруг налились необыкновенно молодой, почти железной силой.

— Куда, говоришь, Коваленков увел партизанский отряд? — спросил Афоня и, что было мочи в теле, в онемевших мускулах, ударил ногой в стол и, падая, с изумлением заметил, что удар его пришелся мимо карателя, мимо ненавистной морды.

Остальное видел и слышал, как в бреду. Вбежали солдаты и, сразу вспотев, куда-то поволокли его вроде чужое тело, а вслед визгливо кричал подпоручик:

— На мельницу! Живьем!.. Шкуру спущу!..

И вдруг совсем рядом, будто ничего страшного не случилось, Гаврила сказал:

— Афоня, а ведь голова у меня теперь совсем не болит... Прямо родился заново. Руки бы еще развязать!..

— Иди, иди... — невесело буркнул позади конвойный. — Иди, покойник...

На улице таилась предрассветная снежная муть. Холодок освежил разгоряченные духотой лица. Шли мимо темных, нахохлившихся домишек. Потом, утопая босыми ногами в рыхлом снегу, спустились извилистой тропкой к реке. Впереди темными контурами обрисовывалось бревенчатое здание паровой мельницы с редкими искрами над тонкой черной трубой.

В двери вталкивали молча, винтовочными прикладами, посапывая. До последней минуты непонятно было только одно — какая смерть? Но увидев Завьялова у открытой настежь топки котла, Афоня невольно потупился: трудная смерть впереди...

— И та-ак... — Завьялов поднес близко к туповатому носу карманные часы и даже прищурился одним глазом. — Одна минута на размышления! Понимаешь ты, рыжий большевистский обормот: одна минута!

Прислонившись ноющим плечом к Гавриле, Афоня перевел отяжелевшие глаза на манометр. Две атмосферы. А как бушует в топке неистовое белое пламя, как больно смотреть на него... Одна минута! Это в жизни, наверное, очень много — одна минута. Можно раз и другой вздохнуть, можно шевельнуть мускулами, можно облизать пересохшие губы... А через час, через целую вечность шахтерский отряд Шмакова пойдет в решительную смертную атаку. Узнай об этом подпоручик, догадайся только он об этом, и партизан встретят густым свинцовым ливнем, и никто из них не уйдет из крутой пади, некому будет понести вперед, навстречу победоносной Пятой Армии верное партизанское знамя. А как заботился, как непривычно суетился Митрий Рожков, провожая вечером в последнюю разведку молодых шахтеров, как он по-отцовски ворчал, предлагая Афоне свои новенькие, собственноручно сработанные ичиги:

— Бери, тебе говорят, — в самый раз придется!

Минута, должно быть, прошла. Завьялов остановился, поднял руку и тоненько пролаял:

— Взять!..

И снова Афонегодились свободные ноги. Чуть отодвинув Гаврилу, он ударил бесчувственной ступней подпоручика прямо в живот, а потом, падая под ударами прикладов, успел еще намертво защемить зубами чью-то волосатую руку.

Теряя сознание, успел еще заметить сгорбленного Гаврилу, его иссиня-бледное лицо и крупные слезы на щеках. Не-

сколько человек, выкрикивая что-то неразборчивое, тащили его от дверей к белому зеву топки.

А потеряв сознание, он не мог ни видеть и ни слышать, как в самый последний миг в верхние дырявые окна кочегарки просунулось снаружи пяток винтовочных стволов, как лаконичный возглас Митрия Рожкова — Тише вы там! Не шевелись!.. — остановил палачей.

Кто его знает, через какое — малое или большое время очнулся молодой партизан Афанасий Вошин, но он очнулся, увидел над собой знакомое лицо в рыжеватом волосе и услышал живой голос Митрия Рожкова:

— Оклемался? Вот и ладно... Помирать в текущий момент совсем не к чему. Дыши потихоньку да подымайся.

— А Гавря? — дрогнул Афоня.

— Гавря второе ведро воды допивает — он живучий...

☆☆☆

Первый сторожевой пост колчаковцев крестьянская рота сняла без единого выстрела, но, продвинувшись шагов на сто за околицу, наткнулась на вторую, основную заставу. В утренней чуткой тишине лопнул один выстрел, другой. Над улицами горной деревеньки прокатилась тревога, кто-то, нечаянно подраненный, пронзительно и тоскливо прокричал:

— Тя-а-а-тя!..

Шепотом чертыхнувшись, Коваленков привстал, размахнулся и швырнул в ближайший снежный окоп гранату. И, почти опередив багровый взрыв, по снежным склонам сопки поднялись реденькие цепи партизан. Поднялись и неистово, как на крыльях, ринулись вперед, на последний приступ, во всей силе своего гнева.

Колчаковцы, казалось, были готовы к встрече. От крайних приземистых избушек нервно протарахтел пулемет, рассыпался недружный винтовочный залп.

— Ах, дьяволы!.. Ах, дьяволы!.. — Коваленков без всякого бережения поднялся из-за поваленной ветром пихты и махнул штабному взводу: — Вперед!

И, словно в ответ на это короткое приказание, с противоположного лесистого склона, покрывая собой все звуки, раскатилось победное, дружное:

— А-а-а-а!..

Когда жиденькие остатки колчаковцев растаяли за крутым поворотом реки, Коваленков, не оглядываясь на связанных, свернул из переулка на главную улицу и на самом углу встретился со Шмаковым. Командир шахтерской роты был без шапки, заиндевшие волосы его дыбились торчком. Еще не отдышавшись, он спросил:

— Как с пленными, Сергей Дмитриевич?

— С пленными? — Коваленков повел острым носом со стороны на сторону. — Собирай к мельнице... Разберемся. Передай взводным — штаб в этом доме...

Стрельба утихла вдруг, и только где-то за огородами в одиночку бухала берданка.

— Кто там? — спросил Коваленков у шумно передыхавшего связного.

Тот не очень уверенно отмахнулся:

— Какого-то офицера добивают Митрий Рожков да Афонька Вошин...

— Черти... — досадливо проворчал командир. — Пора и уняться.

Но ему и самому не сиделось на крашеном мерзлом крыльце, он и сам не мог сдержаться

чтобы не вскочить и не побежать на выстрелы. И не выдержал, побежал.

А на самом крайнем огороде застал всего лишь последнее действие. Выдернув из рук Митрия Рожкова охотничью берданку, Афоня Вошин, в исполосованной домотканной рубахе, напружинив крутые мускулы, двинулся через нетронутый целинный снег к еле приметной в этот ранний час баньке. Но он еще и десяти шагов не сделал, как навстречу ему, подняв тоненькие руки над головой, вышел человек в черном барнаульском полушубке.

Чуть покачивая стволом, Афоня Вошин поднял берданку.

— Афанасий! — остановил парня Коваленко. — Погоди немного...

— Некогда, Сергей Дмитрич... — Не опуская берданки, Афоня обернулся. — Дай кончить мне этого гада...

— Успеешь... — Коваленков без труда принял из рук партизана теплую берданку. — Поди оденься и прими крестьянскую роту... Командира там в сердце убили...

Незряче подняв к утреннему свету высушенное страданием лицо, Афоня зябко шевельнул голыми плечами и с трудом разомкнул запекшиеся губы:

— Пойду, командир...

А. ВОЛОШИН.

Алексей КОСАРЬ.

XX С'ЕЗД

Давно ль
в Москве,
в Кремлевском зале,
Где не было свободных мест,
Взволнованно
слова звучали...
А ныне,
глянь,
какие дали
Открыл для нас
XX с'езд!
Весь шар земной —
как на ладони.
На всех наречьях,
языках,
В Пекине,
в Дели,
в Вашингтоне
И в самых дальних уголках,
В дворцах
и в хижинах колоний
Москва
сегодня на устах.
Все человечество
внимало
Словам,
простым, как солнца свет..
С Кремлевского Большого зала
Глаз не спускал
и юн,
и сед.
К тому,
что Партия сказала,
На свете равнодушных нет!
Надежда мира,
ум
и сила —
Все люди честного труда,
Их мать для радости вскормила..

С тех пор,
 как нас Октябрь
 повел в бой,
 За нами следом
 к счастью
 мир стремится.
 У человечества
 сегодня мы в дозоре.
 И пламенеет
 у людей во взоре
 Надеждой
 наша мудрая страна,
 Лесами строек
 сплошь обнесена.
 И чайка
 над Цымлянским
 новым морем,
 Как голубь мира,
 всей земле видна.
 Мы отовсюду
 изгоняем горе,
 Чтоб жизнь
 от бед
 избавить навсегда,
 Для радости
 мы раздвигаем горы,
 В дремучих дебрях
 строим города.
 И там,
 где раньше,
 все дотла сжигая,
 Носился
 чернокрылый суховей,
 Теперь
 невиданные
 зреют урожаи —
 Отрада
 орошаемых степей.
 Где сотни лет
 владела целиною
 В ковыль повитая
 печальная судьба, —
 Из края в край,
 у новых сел,
 стеною,
 Стеною золотой
 встают хлеба.
 Не потому ли
 ныне
 изобилье
 Идет к любому,
 в каждую семью?
 Не потому ли
 звонких песен крылья
 Так широки
 в отеческом краю?

ВОИН И ТРУЖЕНИК

Наш город —
 не герой,
 не воин:
Он в битвах насмерть не стоял,
Бомбежек яростных
 не знал,
От ран тяжелых
 не стонал.
И что ж,
 он славы не достоин?
Его, быть может,
 не сравнить
С прославленными городами,
С их боевыми именами,
Которым вечно
 в славе жить.
Не Ленинград,
Не Сталинград,
Не Севастополь,
Не Одесса,
Где пуль нещадную завесу
Сменял
 гранат смертельный град.
Там камень
 уставал стоять
И рассыпался от ударов,
Но твой солдат,
 Россия-мать,
Среди разрывов
 и пожаров
Умел победу добывать,
И не за доллары,
 а даром
Весь мир
 от гибели спасать.
О нем заботилась Москва,
В Кремле не спали до рассвета,
Чтоб Родина была жива,
Сыта,
Обута
И одета.
Чтоб в сердце нам
 вошли слова:
— Друзья!
 Да здравствует победа!..
В боях наш город не бывал,
И в мирных стенах нет пробоин.
Но тот,
 кто у станков стоял,
Руду
 и уголь добывая,
Варил,
Катал,
Ковал металл,

Труду все силы отдавал,
Тот наравне с тобою, воин,
Бессмертной славы удостоен.

В тайге, повитой синей дымкой,
Где выше всадника трава,
Возник ты домиком-заимкой,
За мелководной Искитимкой,
Что до сих пор еще жива.
В Кузнецкой котловине-чаше,
На диком берегу реки,
Тебя зачали предки наши,
Кондовые сибиряки.
Твой основатель был упрямым,
И ты родился, зная, таким:
В родную землю врос ногами,
Раздвинул лес вокруг руками,
Старателен, неутомим.
И там, где зазвучало слово,
Глядь, — запестрел двух сел наряд:
На левом берегу — Щеглово,
На правом — Кемерово, в ряд.
Лишь через два кандалных века
Ты стал уездным городком.
Но нет, пожалуй, человека,
Кому теперь ты незнаком.
Большой судьбы своей хозяин,
Все Родина тебе дала,
Размах от центра до окраин —
Как будто крылья у орла.
Твоих гудков звучат раскаты,
Как обновления сигнал.
Трудолюбивый и богатый,
Ты нам еще дороже стал.
В твоих домах широкоплечих
В просторе улиц, площадей
Заслуженно увековечен
Упорный труд твоих людей.
И пусть брюзжит, заметив лужи,
Заезжий гастролер-пижон,
Он видит то, что лишь снаружи,
Он видит то, что лишь похуже,
Он только сам в себя влюблен.
Хотя ты внешне прост и скромн,
Подобно жителям своим, —
Твоих трудов итог огромен,
Запас богатств неисчислим.
От удобрения и лекарства
До кокса, угля и машин —
Все для родного государства
Дашь, Отчизны верный сын.

ШАХТЕРУ

Я — металлург.
Моя работа
В цене и славе
с давних пор.
Что радость
высшего почета
Принадлежит тебе,
шахтер.
Без помощи твоей
едва ли
В сибирской
кондовой глуши
Струились бы
потоки стали
В мои
кузнецкие ковши.
Ты распахнул
земли глубины —
Сокровищ
сказочный запас.
Из недр
таежной котловины
Родился
богатырь-Кузбасс.
И на твоём
пути шахтерском
На пустырях,
среди тайги,
Встают
размашисто
и броско
Поселки,
шахты,
рудники.
Твои заслуги
все узнали:
Соединились
на века
И в броневой
и в мирной стали
Жар сердца
с жаром уголька.

СТРОИТЕЛЬ

Ты стоишь
на лесах
На еще недостроенном доме,
Свежий ветер
колышет
пшеничных волос
желтизну.
Пред тобой
на глазах
Поднимается,
светел,
огромен,

Город юности нашей,
похожий, как ты, на весну.

Из-за дальней горы
Показалось
лучистое солнце,
Улыбнулось тебе, —
Вы давнишние с солнцем друзья!
С той счастливой поры,
Как с ватагой орлов-комсомольцев

Ты взлетел
на леса,
Вас увидела Родина вся.
Здесь тайгу корчевал
Пол земли исходивший
твой предок.

Твой отец
ничего не жалел
Для твоих
замечательных дней,
Чтобы ты
поднимал
Прямо к солнцу
леса пятилеток.
С каждым утром —
все выше,
И дом твой,
и ты —
все видней.

РУДНИК В ГОРАХ

*Посвящается горнякам
Шальмского рудника.*

Окаменели недра за века
на всем пути подземном горняка.
За шагом шаг
дается только с бою,
и горы
у него над головою.
Недаром слава
вслед за горняками
торопится
широкими шагами.
...Но видел я
другого горняка,
и у него над головой
не горы,
а синева,
такая, как на море,
под ним тайги бескрайние просторы,
и возле ног
толпятся облака.
Его отец
немного лет назад

убил в тайге медведя под горою,
и, обходя болота стороною,
взял темнобурый камень наугад.
Не знал охотник,

что открыл он клад.
Обратный путь с медвежьей тушей долот,
застала ночь охотника в тайге.
Его в палатку пригласил геолог
и, взвесив рыжий камень на руке,
Сказал:

«Спасибо, друг!

Твоя находка
редчайшего дорожке самородка».
За плечи обнял:

«Знаешь ли, дружище,
твой ржавый камень

вовсе не простой.

Не первый раз

мы этот камень ищем
по всей тайге,

не только под горой».
...Сменился год за годом,

и возник
по имени охотника рудник.

В глухом углу, медвежьем, невеселом,
в тайге,

между болотом и горой,
строители

домов равняют строй,
растет рудник —

театр,

больница,

школы...

Наступит вечер,

вспыхнет свет в окне,
рудник усеян
россыпью огней.

А на горе,

едва слышны поселку,
друзья охотничьего сына — горняка,
поднявшись вместе с ним за облака,
ворочают громами безумолку.

И в том горняцком

поднебесном громе
с железным сердцем камень

взят для домен.

Из камня

в домнах

выплавят металл,
чтоб рос еще один дворец высотный,
чтобы реке,

могучей,

многоводной,
бетонный вал

дорогу преграждал.
Чтоб ежедневный подвиг горняка

остался в памяти народа

на века.

И в недрах гор,
и там, за облаками,
сокровища добыты
горняками.
Для Родины
пойдут куда угодно —
в глубины шахт,
в тайгу,
за облака.
Не зря у нас
любовью всенародной
окружена
работа
горняка.

ГОСТЬ

У меня сегодня радостный денек:
С целины приехал в гости мой сынок.
Он шагнул с мороза в дом через порог,
И пахнул в лицо мне свежий ветерок.
Посмотрел открыто сын отцу в глаза:
— Все у нас в порядке, — взгляд его сказал.
Тот, кто видел, знает: сын мой не плечист,
Но в совхозе новом ладный тракторист.
С сыном мы по-русски трижды обнялись:
— Раздевайся, Толя, проходи, садись.
Мать запричитала: — Как ты там, сынок?..
К горлу подкатился радостный комок.
Младший брат с сестренкой с завистью глядят:
— Взял на целину бы нас с собою, брат!
Мы бы где угодно согласились жить,
Мы бы кем угодно согласились быть...
И до поздней ночи слушала семья
О раздолье вашем, дальние края,
О житье в палатках среди степи глухой.

Там теперь поселок вырос молодой.
А за ним пшеница — золотой стеной,
Степь отныне стала близкой и родной.
Сын мой побыл дома месяц — как денек,
И опять разлуки наступает срок.
С сыном мы по-русски трижды обнялись.
Мать слезу смахнула: — Ты уж берегись...
Ну, а вы куда же, младшие мои?!
Как же мы без вас-то? Как же без семьи?
Посмотрели дети прямо нам в глаза.
— Будет все в порядке, — старший сын сказал.
С той поры приносят нам по три письма,
И, признаться, письма радостны весьма.
С целины нам пишут, письма все о ней,
Целина-то стала втрое нам родней!

Ив. БАЛИБАЛОВ.

СОЛНЕЧНЫЕ МАСТЕРА

(в 4-х действиях, 6-ти картинах)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Андрей Курганов.
Борис Громов.
Семен Кустов.
Клим
Нина Соколова.
Феня.
Тетя-мама.
Ферапонтыч.
Порфирий Парамонович
Алданов.
Потап Кондратьевич
Бугров.
Надежда Карповна.
Шумилов.

Действие происходит в наши дни в Кузбассе.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ.

Первая картина.

На приречных увалах зеленеет сосновый бор. На южной опушке, на солнышке, шахтерский поселок. Белостенные одноэтажные домики окружены садами и огородами, где пышно цветет подсолнух.

В глубине сквера — веранда интерната шахты «Веселые горки». На веранде — Семен Кустов с гитарой. Он высок ростом и неширок в плечах, оттого многим кажется нескладным малым: рыжая помятая кепка всегда торчит у него на затылке; в карманах — тетради стихов и песен. Семен тихо тренькает на гитаре, подбирает мелодию.

Семен (поет):

Выйди, любимая, вечером,
Взгляд урони на копры.
Наша шахтерская.....
Наша шахтерская.....

Наша. Эх!... Ни черта из нашей песни не получается. Правильно Курганов говорит: как поем, так и работаем. А запеть так хочется!

Входит Курганов с удочками и корзиной. Рабочая куртка — в пятнах глины. Внешне он ничем не примечателен: невысок ростом, с продолговатым смуглым лицом.

Семен. А, Андрей! Какой сон снился?

Курганов. Это, наверное, очень важно?

Семен. Все-таки, а?

Курганов. Не помню. Да признаться, еще не спал: всю ночь просидел под сосной у костра — сушился; с вечера так дождик прополоскал... А перед дождичком хариус на червя шел — прямо солдатским строем, не успевал выбрасывать. В полночь на реке тихо, слышно даже, как камешки позванивают на перекатах. Красота! Вот только фотоаппарат где-то... так и не нашел.

Семен. О-о, видал, какая примета! А ты все не веришь.

Курганов. Хочешь что-нибудь сказать?

Семен. Эх, Андриуша, скажу так:

К любимой девушке стремись
Всем сердцем, пылкою душою,
Но только в двери не ломишься,
Когда уйдет, да не с тобою.

Курганов. Хороший совет, побереги для себя.

Семен (мечтательно). Удивительные есть люди! Девушка окончила десятилетку. Нормально. Ей бы в институт, а она — на шахту. Не совсем нормально. Ей бы на шахте, скажем, у начальника секретарить или где-нибудь бумажками шуршать, а она — в забой! Сумку через плечо, и айда угольные пласты взрывать. Это уже совсем ненормально! И вот ее комсомол посылает воспитателем. Куда? В наш интернат. И что же? Соглашается с радостью.

Курганов. Это что, сюжет твоей ненаписанной поэмы?

Семен. Итак, она воспитатель, а он... воспитуемый. Какое может быть равноправие в чувствах между администратором и подчиненным? Она теперь может сказать: встань передо мной, как лист перед травой... И пойдет, как в сказке, — чем дальше, тем страшнее.

Курганов. Что, Нину назначили воспитателем?

Семен. Наконец-то ты освоил всю ситуацию. Сейчас, как говорит Феропонтыч, обобщим: если бы у нее были к тебе чувства, да разве она пошла бы на эту должность? Никогда!

Значит, ты для нее просто бирка на табельной доске. А ты! Признайся!

Курганов. Любопытно. Что же дальше?

Семен. Дальше... *(Смотрит в открытую дверь, прислушивается)*. Уйдем отсюда для профилактики. *(Тянет Курганова за рукав)*.

На веранде появляется Тетя-мама, пожилая женщина с пухлым добродушным лицом. Она в белом халате. В руках у нее тряпка. Здесь Тетя-мама полновластная хозяйка, и это чувствуется в каждом ее жесте. За ней показывается Нина.

Тетя-мама. Живем мы ладно. Обижаться не на что. Что мебели всякой, что картин! *(Увидела на столе гитару)*. Ну, скажи на милость, кому понадобилось опять! Ведь запрещено же. Нет, ты им хоть кол на голове теши — они свое. *(Убирает гитару)*. Инструмент этот на учете, а они тренькают, кому когда вздумается.

Нина. Ваш интернат называют образцовым.

Тетя-мама. Как же, как же, образцовый! Поглядите вот *(протирает спинку дивана)* — ни пылиночки. А Феня, наш фельдшер, та все батистовым платочком. И слава богу, всегда на хорошую отметку. Позвольте спросить: вы из комиссии какой или за опытами? Теперь мода.

Нина. Меня послали воспитателем...

Тетя-мама. К нам?

Нина. К вам. А что?

Тетя-мама. Такую молоденькую! Ай, яй, яй... Куда только наш шахтком смотрит! Вот уж в головах-то затмение.

Нина. Позвольте...

Тетя-мама. Что, позвольте?

Нина. Простите, как вас звать?

Тетя-мама. Тетя-мама.

Нина. Тетя-мама?

Тетя-мама. Сумлеваешься? Меня все так величают.

Нина. Тетя-мама! Вы же сами говорите: интернат образцовый.

Тетя-мама. Ах, доченька! Тебя охмурили. Образцовый-то он только с виду.

Нина. Как с виду?

Тетя-мама. Да так. Вот, скажем, дверь поломалась или там стекло починить надо. Поди-ка, добейся, — на очередь запишут, а там год ходи — толку не добьешься. А тут Феррапонтыч пойдет и кричит: где видано, чтобы в образцовом двери не притворялись! Ну, они хоть и коммунальщики, а с самолюбием.

Нина. И помогают?

Тетя-мама. Сразу все бегут: кто с топором, кто с гвоздями. Как примутся чинить, грязи понатаскают... Вот день-

денской и мучаешься. Только недогляд — тебе тут все наизнанку вывернут. Скажи, такие люди...

Нина. Какие люди?

Тетя-мама. Ох, матушка! Сразу-то и не выговоришь.

Входит Клим. Он невысок, с веселыми серыми глазами и непокорным вихром на лбу. Что-то прячет за спину.

Вот он, голуба моя. Опять что-нибудь порвал? Ну, ну, заробел... Что там, показывай.

Клим. У меня... Нет. Я потом.

Нина. Пожалуйста, пожалуйста, не стесняйтесь.

Тетя-мама. Ладно уж прятать. Зарумянился, как невеста. Давай уже брюки сюда.

Клим (*подает*). Тут маленечко пришлепать надо.

Тетя-мама. Заштопать — сколько учу! А пошлепать — тебя. Такую материю испортил, ай-ай... Да ей бы веку не было. Теперь что надо? Нитки ищи, чтобы под цвет. Беги, уж зайду.

Нина. Скажите, пожалуйста, Курганов дома?

Клим. Вы это мне?

Нина. Да.

Клим. Понятно... А он... зачем вам?

Нина. Мне нужно его видеть.

Клим. Дошло! (*иронически*). Вы ему двоюродной сестрой доводитеесь?

Тетя-мама. Видала! (*Климу*). Кому—сестра, а вам—товарищ воспитатель! Слава богу, теперь хоть отдохну малость. Извелась с ними, похудела.

Клим (*потясь*). Воспитатель! Есть, позвать Курганова.

Нина. Будьте добры.

Клим. Сейчас. Спускаюсь. (*Уходит*).

Тетя-мама. Ах, Курганов, Курганов! Сколько всем хлопот задал. И ведь парень, можно сказать, ничего, душевный. Но если не по нему, закусит удила, и понес! Он вам не родственником доводится?

Нина. У нас с мамой нет родственников.

Тетя-мама. Оно и к добру. Скажем, доведись Курганов родственником, сколько бы стыда приняли за него. Мы уже терпели, терпели, — никакого сладу нет. Ферাপонтыч бумагу подал. Говорят, на днях начальник шахты приказ выпишет. Ну, и бог с ним, пусть идет куда знает...

Нина. Боже мой, какой он глупый!

Тетя-мама. Ну, нет, милая, парень он неглупый, только... с норовом. Ему бы где помолчать, а он все на рожон лезет. (*Увидела удочки и корзинку*). Вот, вот, полюбуйтесь. На что похоже? Бросил, и все.

Входит Курганов с чемоданом в руках.

Тетя-мама. Вот он и сам. Поговорите с ним. (*Прислушивается*). Точно. Биллиарды гоняют. Ведь запрещено же!

Тетя-мама торопливо уходит. Нина, заметно волнуясь, смотрит в окно. Потом медленно поворачивается.

Нина. Далеко едешь, Андрей?

Курганов. А вы без подхода, прямее, — я не упаду.

Нина. Что ты выдумываешь! Какой подход? Разве мы с тобой не старые...

Курганов. Друзья, хотите сказать?

Нина. Мне так казалось.

Курганов. Мало ли что кому кажется. Мне вот тоже... Эх, да всего вслух не скажешь!

Нина. И это все?

Курганов. Да.

Нина. Подумай, ведь речь идет о твоей судьбе...

Курганов. А чего мне думать! За меня думают. Плюете человеку в душу, не глядя!

Нина. Кто?

Курганов. Ты! Простите... вы.

Нина. Я? (*Вспыхнув*). Так... Теперь шахта—прощай, да?

Курганов. Вам хочется знать мой конечный адрес?

Нина. Да. Для справок.

Курганов. Это мое дело. Что, собственно, вы от меня хотите? Выгнали, ну и ладно! Жаловать не буду, не беспокойтесь.

Курганов делает шаг к порогу.

Нина. Куда все-таки пойдешь?

Курганов. Куда? Хм! Вас это трогает?

Нина. Скажите.

Курганов. Хорошо. Пойду к Ермачихе. Знаете такую за Щетинкиным Логом? Живет в собственном особняке... Полкан на цепи у крыльца. Она — тетка добрая. Когда прикажете выметаться? Сейчас или утречком, по росе?

Нина. И ты говоришь серьезно?

Курганов. А, надоело!

Нина. Не пойдешь ты к Ермачихе.

Курганов. Что? Хотите с рудника выгнать?

Нина. Хотим оставить.

Курганов. Меня бы спросили.

Нина. Чудной ты, Андрюшка! Так можно и жизнь впустую прожить!

Входит Ферাপонтыч.

Ферапонтыч (*взволнованно*). Пришла!

Нина. Комсомол послал, Феранпонтыч.

Ферапонтыч. Добро, добро! Начнем теперь прямить дело.

Нина. Прямить?

Ферапонтыч. Да, да, да. Есть у нас еще людишки с кривинкой в душе. *(Заметил Курганова)*. Да вот он! *(Курганову)*. Ну, что, дождался? Думал, Ферапонтыч шутковать будет с тобой всю жизнь? Нет, не для таких рябчиков мы землю поливали потом и кровью! Сейчас я приму от тебя все, что причитается, и дуй, не стой!

Нина. Вы говорите о приказе начальника шахты?

Ферапонтыч. А то о чем же?

Нина. Начальник шахты отменил свой приказ.

Ферапонтыч. Как отменил?

Нина. Я попросила. В парткоме посоветовали.

Ферапонтыч. Ты? *(Курганову)*. Хватит мое терпение пытаться! Ступай.

Курганов уходит.

Быть того не может! Ты же чистых шахтерских кровей... Прадед твой первую шахту в Кузбассе закладывал. Дедушка был штейгером, кафтан первой степени носил. А отец! Сама где выросла? Честь тебе шахтерская не дорога?

Нина. Что вы, Ферапонтыч!

Ферапонтыч. Чувствую, чувствую...

Вбегает Тетя-мама. В руках у нее две половинки кия.

Тетя-мама. Беда, Ферапонтыч... Климка-то что утворил! Ведь и ключи при себе ношу — нет, они гвоздь нашли. А давеча кто-то ухитрился калоши посередине коридора оставить. Думает, у Тети-мамы десять рук, она все проверит, за всем углядит. Нужно обязательно нутрянной замок на бильярд.

Ферапонтыч. Спокойно, спокойно, докладывай без выводов.

Тетя-мама. Кию сломал. Такое важнецкое дерево.

Ферапонтыч. Не обобщай.

Тетя-мама. Так наперекосяк вот и рассадил. *(Подает кий)*.

Ферапонтыч. Вижу... Значит, Климка?

Нина. Кий можно починить в шахтовой мастерской.

Ферапонтыч. Починить можно, конечно. Вон какие машины чинят, а палка — пустяк.

Тетя-мама. Что, ежели коммунальщики узнают, — опять начнут корить: у вас в образцовом-то... Ну, скажи, не пройдет и дня: то графин, то стакан, то весь пол затопчут. Говорю: Ферапонтыч, запрети танцы! Клуб для чего поставили? Пусть туда бегают. Тогда и чистоту с меня спрашивайте.

Ферапонтыч. Ну, ну, зачастила! Ведь уговаривались же...

Входит Феня. За ней Семен и Клим.

Феня (Ферапонтычу). Уф, опоздала! Смотрите, эффектно получилось? (Развертывает лист). Весь день рисовала. (Увидела Нину). Здравствуй, Ниночка!

Нина. Здравствуйте.

Феня. Целую коробку красок извела. (Показывает Нине). Посмотрите на Курганова — сама беспечность. Заболеет от злости — хоть сейчас вызывай санлетучку.

Нина (читает). «Отчаянный лодырь». (К Ферапонтычу). Вот как!

Ферапонтыч. Гм... гм...

Феня. Процент выполнения нормы — зеркало шахтерской души.

Нина. Процент — зеркало души?

Феня (не слушая). А вот посмотри, Ниночка, — дружеский шарж. Очень похож на оригинал?

Нина. Узнаю.

Феня. С фотографии рисовала. (Читает). «Богатырь угля». Нужно повесить вот здесь. (Прикалывает кнопками). Всем чтобы в глаза бросалось.

Семен (заглядывает через плечо Фени). Опять Громов! Как только его не показывают:

Громов в доме,
Громов — в клубе,
Громов — в майке,
Громов — в шубе.
Громов рубит уголек
Громов — вдоль и поперек!

Героический! Красивый! Сахарный! Фу!..

Феня. Вам что, Борис дорогу перешел? Кто вам мешает прославиться? Кто? Молчите! А еще комсомольцы! На бюро таких надо заставить признаться: почему подрывают авторитет передовому забойщику рудника?

Семен. Ха! Подрываем. Мы просто не влюблены.

Клим. Факт!

Феня. Видите, Ниночка, как в них зависть кипит? Подумать только — над передовиками смеются!

Нина. Я не слышу.

Семен. Скажи, скажи!

Феня. Взять хотя бы дядю... Я не заступаюсь, но он заслуженный.

Семен. Знаем, знаем.

Клим. Факт!

Семен. Расскажи, Клим, как он учил тебя своей методе.

Нина. Интересно. Расскажи, Клим.

К л и м. На днях вот... в столовой. Я говорю: Потап Кондратьевич, скажи, как две нормы выполнить? А он что? Хлопает по плечу да смеется: «Какие, говорит, твои годы? Успеешь!» Все-таки, — говорю. Что думаете? Он ткнул папиросой в листок и авторитетно: «Вот где собака зарыта, читай!» Я читаю: капуста-провансаль, поросенок с хреном, селедка астраханская, потом еще какая-то, потом еще... А дальше — супы, борщи, пельмени... Аж дух захватило! Смотрю на него. Что думаете? «Вот, говорит, как с'ешь все по порядку и не помрешь, то будешь выполнять по две нормы. Сила в мускулах нужна, говорит, сила!» Ну я и...

Се м е н (Нине). Растерялся. Сидит и копит силу. Возьми-те, пожалуйста, на заметку, а мы пока пойдем подышим воздухом.

Уходят.

Ф е н я. Вот как они критику любят. Задень только — бессонницей заболеешь.

Н и н а (показывает на плакат). Надо снять.

Ф е н я. Снять?

Н и н а. Да, да. В рисунках искажена перспектива.

Ф е н я. Ужас! Я же самоучка. Как не понимают люди? Ужас! (Срывает плакат). Ужас! (Убегает).

Н и н а. Феня! (Помолчала). Что же это они, Ферапонтыч!

Ф е р а п о н т ы ч. Разбередила души... Вот и мне, должность у меня — не посидишь. (Уходит).

Н и н а. А у меня должность? Зачем я сюда пришла? (Уходит).

Входит Ферпонтыч, садится, закуривает. Входит Алданов.

А л д а н о в. Здоровенько живем, Ферапонтыч!

Ф е р а п о н т ы ч. Присаживайся, Парамоныч.

А л д а н о в. Молодость, поди, вспомнил? Эх, летит времячко, Ферапонтыч! Как посмотришь, давно ли... Да ты что, не узнаешь меня?

Ф е р а п о н т ы ч. Гм... Гм...

А л д а н о в. Мы с тобой дружки старые и по забую... и по другим жизненным вопросам. Помнишь, как вон (показывает) за те бугорки в Бессоновку бегали? Бывало, ведь ничто не держало. Ох, какие пельмени там ели! А как плясали таборок! А запевал ты. (Поет). «Шумел камыш, деревья гнулись, а ночь темная была»... (Ферапонтыч пристально смотрит на Алданова). Зачем пришел? Воспитанников своих посмотреть, полюбоваться? Ведь я учил их шахтерской азбуке. Я привил любовь к шахте, как к матери родной. Гляди на Громова! Горжусь, радуюсь! Он далеко не глядит. Ну, как

придет в забой, сбросит рубашку — не человек, а шагающий экскаватор.

Ферапонтыч. Силенкой играет.

Алданов. О-о-о! Уголек так и шуршит: ш-ш-ш. Как сме-на — так двести аль триста процентиков! Вот он какой, Гро-мов!

Ферапонтыч. А других научил? От рук парни отби-лись.

Алданов. Курганов, прямо скажу, — не ко двору нам. Жидковат. Кость не та. Шахта—не аптека.

Входит Тетя-мама.

Тетя-мама. Ферапонтыч, по телефону кличут.

Ферапонтыч. Кого там еще забота грызет? (*Уходит*).

Тетя-мама. Господи, Парамоныч! Как придешь, за-всегда наследишь. Всю грязь с собой таскаешь. (*Подтирает пол*).

Алданов. Да где грязь-то?

Тетя-мама. Не знаю уж, где достаешь.

Алданов. С тобой разве поговоришь? Пойду на травку. (*Уходит*).

Тетя-мама. Поди, поди!

Оглядываясь хозяйским глазом веранду, уходит. На веранду подни-мается Громов, за ним — Феня.

Феня. Боречка, какой у тебя вид! Случилось что-нибудь? Громов (*устало садится*). Да.

Феня. Ужас! Что такое? Может быть, позвонить Бугро-ву, предупредить?

Громов. Он не удивится. •

Феня. Что сказать, Боречка?

Громов. Сказать? Скажи: забойщик Громов выполнил две с половиной нормы!

Феня. Ух, а я уж подумала...

Громов. Большим потом взял, черт возьми! Молоток за-барахлил, а что случилось — не пойму. Потом пика... Только нажал — хрясь... пополам. А запасную забыл. Хорошо, дру-жки выручили под авторитет.

Феня. Боречка никогда не растеряется. (*Развертывает плакат*). Смотри, Боречка... «Богатырь угля». Ярко!

Громов. Такой я?

Феня. Такой, Боречка, такой! Ни капельки не прибави-ла, как в натуре. Вот здесь (*показывает*) прикинула.

Громов. Ну?

Феня. У Курганова нашлись защитники.

Громов. Кто?

Феня. Новый воспитатель. Помнишь, в прошлом году в

День песни, в лесу? А потом вместе ходили купаться, помнишь, как ты ей подавал руку, когда она из воды выходила?.. Я этого нисколько не заметила, не обратила внимания.

Громов. Нина... Соколова.

Феня. Ты запомнил!

Громов. Она... Курганов... Андрюшка Курганов...

Феня. Боречка, что с тобой?

Громов (*хватает плакат*). Убери к черту свою мазню!

Феня (*вкрадчиво*). Слушай, Боречка, какая мне мысль пришла: к шахтерскому празднику вот здесь (*показывает*) будет фотовитрина.

Громов. Ну и что?

Феня. Будут портреты всех знатных шахтеров. Твой, конечно, в центре — я сделаю цветную фотографию.

Громов (*не слушает*). Курганов!

Входит Алданов.

Алданов. А, Громов, приветствую! Не обижаешься на старика?

Громов. За что, Порфирий Парамонович?

Алданов. А, может, за то, что неправильно мастерству обучил. Вот, к примеру, Курганов — все срамит.

Громов. Ну, а я только спасибо говорю.

Алданов. Мне что ж, приятно. (*Перебирает газеты на столе*). Какая тут за тонкое число?

Феня. Пойдите, я папиросной принесу. (*Уходит*).

Алданов. Видишь, какой у нас народ простой? Сразу и поверила. За то надо и любить шахтерскую семью. (*Открывает банку*). Бумажки на закрутку? Разве в моем хозяйстве нет такого пустяка? Присаживайся. Как дела?

Громов. Как всегда — две нормы с хвостиком.

Возвращается Феня.

Феня (*подает газету*). Пожалуйста, дядюшка.

Алданов. Хе-хе-хе, а мы разжились на две закрутки. Ну, коль принесла, (*прячет газету в камран*) спасибочко. (*Громову*). Так, говоришь, две нормы с хвостиком?.. Что ж получается? Ну-ка, переведем на православный язык: за одну норму, стало быть, тариф. Дальше — прогрессивка. Эге, (*хлопает Громова по плечу*), да ты больше двух сотенок в карман положил! Это только за одну упряжку, а за месяц? (*Фене*). Сходи-ка, племянница, прикинь поточнее на счетах. Люблю агитацию фактами.

Феня уходит.

Теперь тебе самая пора жениться. В силенке, при деньгах. Свой домишко.. Хозяйство. Сейчас мода на сады. Запишешь-

ся в мичуринское, дадут участок. С яблонями не связывайся — канитель одна. Гляди на малину. Да, кустиков двадцать воткнешь, и собирай ягоды. Хватит себе и базару. С умной дивчиной можно такое хозяйство организовать — на курорт не отвернешься. Слышал одним ухом, к Бугрову в зятя собираешься?

Гро м о в. А, говорят...

А л д а н о в. Я тоже подумал — хорошо.

Гро м о в. Мне-то что!

А л д а н о в. Так, к слову пришлось. Ну, бывай здоров! Тороплюсь, как бы там на окне настойка не осиротела. Забегай на досуге. *(Уходит)*.

Гро м о в. Ишь ты, распетушился сват!

Входит Феня.

Феня *(торжественно)*. Пять тысяч тридцать семь рублей шесть копеек. *(Подает листок)*.

Гро м о в. Положим в карман... Кургановым нос утрем и кое-кого агитнем фактами! *(Фене)*. Ты мне скажи, Феня... ты замуж собираешься?

Феня *(удивленно)*. А как же, Боречка!

Гро м о в. За кого, если не секрет?

Феня. За тебя. А ты разве не знаешь?

Гро м о в. Да ну!

Смеются, уходят. С другой стороны появляются Ферапонтыч и Бугров.

Бугров. Сейчас, грешным делом, не мешало бы на берегу, на солнышко... Облокотиться, да песенку бы дружную!

Ферапонтыч. Так за чем же дело?

Бугров. Куда там! Мечта одна! Собирался на курорт, с ревматизмом повоевать, да не придется. Шахтерский праздник на носу. Народ обязательства взял высокие.

Ферапонтыч. Трудноваты, значит, обязательства?

Бугров. Из ряда вон! Но все равно преодолеем!

Ферапонтыч. Это у тебя в крови!

Бугров. Пока воробы не вили гнезд на под'емном канате — качали уголек... Уголь брат — не цветочки рвать, всегда можно сорваться с плана. А тогда? Начнут тебя изучать и прорабатывать на совещаниях и на пленумах. Да и то сказать, на наших шахтерских плечах пятилетка держится.

Ферапонтыч. Уголек — дело государственное.

Бугров. Это в точку! Теперь слушай новость: мне на участок комбайн подбрасывают.

Ферапонтыч. А тебе на кой ляд?

Бугров. Нашей марки, «Кузбасс», скороходный.

Ферапонтыч. Тем больше — хлопот не оберешься, да еще кого поставишь на этот скороходный?

Бугров. Вот об этом разговор: кого? Да и сама машина — это не шахтер с двадцатилетним стажем, нарядил его в забой и подсчитывай вагончики!

Ферапонтыч. Что и говорить, машина, она и крепкого слова не поймет, в случае чего...

Бугров. А честь нам большую оказали, Ферапонтыч, что ни говори... Вот и пришел посоветоваться с народом.

Ферапонтыч. С этим я согласный: куда мы, командиры, без народа? *(Входит Нина)*. Посоветуйся вот с девонькой, она у меня теперь за политического начальника. *(Нине)*. Комбайн, вишь, Потапу Кондратьевичу нарядили.

Нина. Вот хорошо-то! Сабантуям конец, Потап Кондратьевич?

Бугров. Что за сабантуи? Пустое говоришь! Нам сейчас что требуется? Мобилизоваться. Подтянуть дисциплину. Откуда дисциплина начало берет? От жизни, от того, как люди живут. Значит, в вас корень!

Нина. Ну, за нами дело, Потап Кондратьевич, не станет — и покой, и песни организуем!

Бугров. Песни? Только, чтоб побольше ответственности в песнях — петь можно по-всякому!

Нина *(хохочет)*. Ответственные песни! Да, что вы, Потап Кондратьевич! Ой, не могу!

Ферапонтыч. Не усвоила, ничего не усвоила. Вот, к примеру, смотри. *(Подходит к объявлениям)*. В плане на 15 число «Коллективный поход в городской театр на спектакль «Валенсианская вдова». Что за вдова? При чем вдова? Какое отношение имеет к угледобыче? Вдову вполне можно заменить Потапом Кондратьевичем... *(Нина хохочет)*. Заменить беседой: «Что дает нам новая техника и наши очередные задачи».

Бугров. Театр, конечно, это самое... Время накаленное, план — не роман, под подушку не сунешь.

Нина. А это в первую очередь дело командиров...

Бугров. А ваша какая очередь?

Нина. Ну, Потап Кондратьевич, я же не об этом.

Ферапонтыч. Гм... гм... не усваиваешь. Человек уважаемый за помощью к нам, а ты хаханьки! Вредно!

Бугров *(обиженно)*. Считаю: разговор не состоялся. Пока не состоялся... *(Ферапонтычу)*. К тебе обращаюсь: поговори с народом. Нажать надо. Мобилизоваться! *(Уходит)*.

В открытое окно из сквера доносится песня. Нина прислушивается.

Нина. Про меня поют. Точно

Будь здорова, Соколова!
Все для нас давно не ново
Разве только интернат
Превратишь ты в детский сад.
Мы посмотрим — улыбнемся,
Поглядим да посмеемся,
Как ты будешь нянчить нас —
Смех и грех на весь Кузбасс!

Нина. Кто же здесь поэт-песенник? И угораздило же меня...

Ферапонтыч. Я виноват. Все я наделал. Между прочим, не растеривайся, выход найдем.

Нина. На вашу помощь надеюсь, Ферапонтыч!

Ферапонтыч. В этом не откажу, только и ты меня слушайся! А я всегда говорю только то, что сам думаю. Век не хитрил, даже перед старухой.

Нина. Ну, уж так и ни разу, ни капельки?

Ферапонтыч. Ежели по каплям считать... то пожалуй. Вот только, кажись, один раз. Было это, почитай, так годков тридцать с лишком, да ты тогда еще и в зыбке не качалась. Вот тогда. В ту пору на наших-то бугорках не шахты, а барсучьи норы были, а работали артелью. Ну, раз меня артельщик и надуй. Я так расстроился, да и загулял с расстройством... Так постой, на чем мы остановились?

Нина. С чего начинать?

Ферапонтыч. Так вот, перво-наперво, организуй актив, помощников верных, чтобы опираться. Кто может? Феня, Громов...

Нина. Курганов.

Ферапонтыч. Опять! Курганова я из общежития все едино уволю. Не такой это человек, чтобы цацкаться с ним.

Нина. Вот этого я, Ферапонтыч, не позволю.

Ферапонтыч. То есть, как не позволишь? Мне?

•Входит Громов, он слышал последние слова.

Громов. Здесь, что ли, кепку свою позабыл?..

Ферапонтыч. А на голове у тебя что? Тьфу, язви вас, молодежь! *(Убегает)*.

Громов *(срывает кепку)*. Фу, черт возьми! *(Рассматривает кепку)*.

Нина *(хохочет)*. Как же это вы, Громов?

Громов. И сам не пойму, чего такое со мной... будто во сне. *(После паузы)*. А помните, Нина, крутояр на реке? В прошлом году...

Нина. Как же, помню. Чудесный был день, сколько солнца! А цветов! Люблю цветы, особенно весной...

Громов. Там и сейчас много всяких.

Нина. Да? Вы меня приглашаете за цветами? Что ж, время свободное и... нам нужно быть добрыми друзьями.

Идут с веранды. Из дверей им вслед смотрит Семен.

Семен. Эге-ге-ге, положение у Андрюшки аварийное... А красавчик-то, а богатырь угля и здесь не прозевал! *(В коридор)*. Курганов! На минутку! Товарищ Феня!.. На секунду!

Феня *(выпархивает из коридора)*. Что такое, Семен? Заноза, порез, соринка в глазу?

Клим. Соринка во-он, смотри-ка...

Феня. Кто это?.. Да что же это... *(Опускается на диван, всхлипывает)*.

Курганов *(в двери)*. Чего звал?

Клим. Полюбуйся на очередной успех передовика и посочувствуй вот молодому медицинскому работнику... *(Посвистывая, идет по веранде)*.

Курганов *(грозно)*. Это ты зачем такое? *(Встряхивает Семена)*.

Семен. Попрошу!.. Движения душевные и прочее такое, но при чем тут руки? При чем я? Говори с передовиком, если за сердце ущипнуло.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Вторая картина.

Просторная светлая комната. Вдоль стен — кровати с тумбочками. Посредине круглый стол, на котором стоит ваза с цветами. У окна, на столике — радиоприемник, рядом — телефон. За распахнутым окном на фоне кузбасского пейзажа видны копер шахты и вершина терриконка. Курганов сидит за столом, перебирает книги. Приемник включен, льется песня. Громов подходит к приемнику, снимает предохранитель.

Курганов *(щелкает выключателем, приемник молчит)*. Что случилось? Это ты что-нибудь...

Громов. Наверное, что-нибудь.

Курганов *(заглядывая в приемник)*. Старые штучки. Поставь предохранитель на место. Слышишь!.. *(Двинулся к Громову)*.

Громов. Но, но... Полегче на поворотах! Тоже мне, воспитатель нашелся...

Курганов. Тебя учить — только портить.

Громов. Да? Начал мины подкладывать?

Курганов. Интересно! Не под тебя ли?

Громов. Не хитри, Андрюшка!

Курганов. Тебе, видать, вредно гулять с девушками в сосновом бору.

Громов. Ты что наговорил про меня?

Курганов. Кому?

Громов. Своей пресвятой деве-заступнице?

Курганов. Что наговорил?

Громов. Что? Гонюсь за славой? А что зазорного? Я рубая за троих.

Курганов. Махай, махай!

Громов. Я не из таких, чтобы языком слизывать звезды. Как умею, так и работаю. На вот, погляди. *(Бросает на стол две книжки)*. Расчетная и сберегательная.

Курганов. Трясешь, как сорока хвостом.

Громов. А ты чем можешь хвастаться? Дырявыми штанами? Ха-ха-ха!

Курганов *(с гневом)*. Уйди, Борька!

Громов. Ого! Эх ты, нахлебник! С кем берешься силой меряться?

Курганов схватывает вазу с цветами и замахивается, но Громов ловким ударом выбивает вазу из его рук. Вбегает Тетя-мама.

Тетя-мама. Опять схватка! Что вас мир-то не возьмет? Правильно, знать, слух разносят: «Веселые горки» — самое беспокойное место в Кузбассе». *(Увидела разбитую вазу, всплеснула руками)*. Батюшки-светы; опять Мамаево побоище!

Громов. Разбирайтесь с ним. *(Уходит)*.

Тетя-мама. Ну что теперь скажешь? Что молчишь, дитятко? Она, простая душа, поверила тебе, а ты вот как платишь? Как тебя назвать? Ну, скажи, как?

Курганов. Эх, Тетя-мама! *(Махнул рукой)*. Мне теперь все равно...

Тетя-мама. Ах, парень, парень! *(Подбирает осколки вазы, цветы)*. Где теперь дураков найдешь, чтобы тебе верили? А она, чистая душа, так осторожненько их ставила да водички наливала.

Курганов. Кто?

Тетя-мама. Кто-толка, вот кто! Ниночка наша.

Вбегает Клим.

Клим *(с порога)*. Андрюша, где пропадаешь? Тут с утра такие новости!.. Комбайн разгружают. Ох, и машина! *(Увидел на полу осколки вазы, цветы)*. Что это, Тетя-мама? Это ты, Андрюша, да?

Тетя-мама. Ладно уж допросы снимать, лучше нагнись да подбери. Я уронила. Сейчас заметем. *(Уходит)*.

Клим. Андрюша, признайся, событие вышло? Ну, скажи!

Курганов. Я разбил, Клим.

К л и м. Под влиянием?

К у р г а н о в. А, оставь!

К л и м (*рассматривает цветок*). Как любовалась вчера она вот этим. Лютик. Погляди, какой яркий. Не любишь ты никого! Железобетонный!

К у р г а н о в. Кого любить? Громова что ли с Бугровым?

К л и м. Так, значит, с ним до драки! Во, здорово! Люблю за характер! Теперь тебя наверняка выгонят.

К у р г а н о в. Ну, и черт с ними, пусть выгоняют!

К л и м. Нет, знаешь, придумал! Беру все на себя.

Входит Семен. Он взбудоражен. Срывает с головы фуражку и бросает ее на кровать.

С е м е н. Правильно Маяковский говорил:

Вред — мечта,

и бесполезно грезить!

Надо несть

служебную нуду.

Но бывает —

жизнь встает в другом разрезе.

И больше

понимаешь

через ерунду.

К л и м (*подбегает с пачкой папирос к Семену*). Прими, тебе всегда помогает. Происшествие какое, да?

С е м е н. Происшествие! Спустил бы под завал и не покайся. Что, мне больше всех надо? Не верят ни на грош, и все! Целый год ждал, болтался по участку, как маятник: туда-сюда, туда-сюда-туда. Все делал. Послушай, Андрей, что делают на участке.

К л и м. Что-нибудь веселое, да?

С е м е н. Никто меня в расчет не принимает. Кого на комбайн поставили? Громова, Алданова, а про меня даже никто и не вспомнил. А я тут на глазах торчу, как милиционер, — хоть свисти.

К у р г а н о в. А ты бы свистнул.

С е м е н. Я свистнул! Хватит! Я ждал этого комбайна, как праздника, а мне под нос дулю. Клим, открывай мне семафор на «Восточные уклоны», доставай чернила и бумагу.

К л и м (*шарит в тумбочке*). Бежишь? Окончательно?

С е м е н. Не бегу. Решил жениться. Всем на зло. Думал сначала машинистом комбайна быть, а по-моему не выходит. Горбыли таскать я смогу и на «Восточных уклонах». У Веры свой дом — буду мичуринскими делами заниматься.

К л и м. Удобрения там прямо на огороде, черпай и поливай грядочки, — ох, какие помидоры растут! Тебе какой бумаги, линованой?

С е м е н. Давай поплотнее, чтобы чернила не расплывались.

К л и м (*подает*). Лесенкой писать будешь? Стихами?

Семен. Я ему сейчас от всей души... (*Пишет*). «Начальнику гвардейского участка товарищу Бугрову».

Курганов. Ты не шутишь?

Семен. Сколько могу терпеть? Пусть увольняет — и точка! Гвардейский! Пожалуй, зря. Зачеркиваю. Клим, подай скорей чистый листок.

К л и м (*подает*). На вот весь запас. Ты ему напоследок подперчи покрепче. Ох, Потап Кондратьевич расканителится! Семен. Я ему сейчас заверну. Так... (*Пишет*). «Прошу немедленно уволить». Точка.

К л и м. А причину выдумал?

Семен. Какие причины еще! Ухожу — и точка.

Курганов. Так тебя Бугров не уволит. Ему ходячие экскаваторы нужны. На кого он будет кричать: айда, качай, наваливай!?

Семен. Ему много нужно... Я плевал на бугровых!

Курганов. На себя наплюешь.

Семен. Пожалуй, надо причину... (*Пишет*).

К л и м. Чтобы поверил.

Семен. Поверит!

К л и м. Вера—славная. Я в гости буду ходить каждый выходной. Помидоры! А капуста с яблоками... Там уж кабачник ходит пудов на пять, если подкормите немножко. Люблю сало!

Семен (*читает про себя*). Ловко! Клим, прочитай вслух.

К л и м (*читает*). «От электрослесаря...» Понятно! «Заявление. Желая навечно закрепиться на угле, решил я жениться и обзавестись подсобным хозяйством. Поэтому прошу вашего ходатайства о переводе меня на соседнюю шахту—«Восточные уклоны», где живет моя невеста. Семен Кустов». Хороший был парень Семен Кустов!

Семен (*свертывает листок*). Прощайте! (*Уходит*).

Входит Нина.

Н и н а. Извините, товарищи, за беспокойство. Ищу Громова.

Курганов. А он ищет посуду под цветочки — вазу-то нечаянно... (*Делает жест*).

Н и н а. А ведь цветы, Андрей, я принесла не Громову.

Курганов. Клим, посмотри, где там запропастился Громов.

К л и м. Никуда не денется, придет.

Курганов (*раздельно*). А я тебя прошу посмотреть.

К л и м. А, та-та, дошло, дошло — усвоил! (*Уходит*).

Н и н а. Андрей, зачем ты его... чуть не выгнал?

Курганов. Прости, но ведь тебе нужен Громов...

Н и н а. Нет, ты не поэтому. Ты сердился на меня?

Курганов. Продолжайте. «Ну, что вам не хватает, то-

варищ Курганов? Шахматы есть, библиотека функционирует, бильярд имеется, в кино ходите, в театр водим, лекции слушаете, танцы разрешаем». Аж по душам поговорить некогда!

Нина. Я и пришла за тем.

Курганов. Собрать информацию для отчета? А может быть, опыт пишете: «Как я воспитывала...»?

Нина. Чудак!

Курганов. Конечно!.. Ехал на шахту работать так, чтобы было чем вспомнить свою молодость, а приехал... места найти не могу. Работы, думаешь, испугался? Нет. Батраком себя чувствую, а не хозяином!

Нина. Батраком?

Курганов. Да, батраком у бугровых. Да вы разве поймете!

Нина. Где уж мне...

Курганов. Думаете, жалости ищу?

Нина. Жалеть тебя? Нет. Никогда не буду, не дождешься.

Курганов (*порывисто*). Спасибо, Ниночка! А я уж подумал...

Нина. В этом разве дело? Когда дружат, когда вот здесь... Нет, я только хотела сказать, Андрей... твоё отношение...

Курганов (*страстно*). Ничего не надо говорить! Не поверю! Вот когда люди узнают, как я умею... тогда...

Нина. Андрей, ты никого не любишь?

Курганов. Я? Люблю!

Нина (*с надеждой*). Девушку? Она здесь, близко?

Курганов. Нет.

Нина. Друга?

Курганов. Нет. Другом пока не обзавелся... Жалко, но нет пока друга.

Нина. Кого же любишь?

Курганов. Маму! Одна она у меня, а я даже правду ей боюсь написать, что её сын пока только с комендантом научился скандалить, что её сын...

Входят Ферапонтыч и Тетя-мама.

Ферапонтыч (*в дверях Тете-мame*). Не сообщай, сам разберусь. Сказал, значит разберусь и сделаю выводы. (*Увидел Нину и Курганова*). Ага, здесь как раз и Нина Артемьевна. (*Тете-мame*). Ступай, действуй по расписанию.

Тетя-мама. Мое дело, что ж, порядок блюсти, чтобы чистота кругом и никакого баловства...

Ферапонтыч. Ну, ступай, ступай, действуй! Погляди в красном уголке — все на место положили? Заметь, чтобы свежие газеты, чтобы народ на диваны не садился.

Тетя-мама. Сама знаю. (*Уходит*).

Ферапонтыч (*Нине*). Что тут опять наканителили? Разобралась?

Н и н а. Разбираюсь, Ферапонтыч.

Ф е р а п о н т ы ч. Во! Самое главное—разобраться и понять, зачем человек живет, кто он такой на земле? Какую пользу приносит? Нет от него пользы — совсем он не нужен! Кто виноват?

Н и н а. В чем, Ферапонтыч?

Ф е р а п о н т ы ч. Ну, в рукопашной, что цветы разбили?

Н и н а. А-а, я и забыла про эти пустяки...

Ф е р а п о н т ы ч. Здорово живешь! Какие же пустяки, если коммунальная вещь стоит шестьдесят семь рубликов!

Н и н а. Какая вещь?

Ф е р а п о н т ы ч. Ваза!

Н и н а. Она не коммунальная, она моя.

Ф е р а п о н т ы ч. Тогда другой разговор.

К у р г а н о в. Ваза ваша, Нина Артемьевна? *(На ходу)*. Тогда... я сейчас! *(Уходит)*.

Ф е р а п о н т ы ч. Так, так. Понял. Стало быть, он тебе... Да... Вот ведь она какая хитрая, жизнь! Ума не хватает, чтобы уяснить, как образуется все. Не хотел сейчас, а придется, видно, сказать. Слушай меня. Присядь-ка вот сюда, поближе...

Н и н а *(садится)*. Слушаю, Ферапонтыч.

Ф е р а п о н т ы ч. Когда твой отец-то в сорок, втором уходил под Сталинград, то я ему клятву давал. Это у меня вот—перед глазами. День-то шибко пасмурный был. Помнишь, небось? Нет, где тебе! — под стол пешком ходила. Вышли мы с ним на бугор, вон, что за копром. Остановились на повороте. Ну, говорит, Ферапонтыч, прощай! Это твой отец, стало быть, так. Дай, говорит, мне слово, в случае чего, ты уж о моей-то маленькой позаботься, отцом будь. Пусть она большое счастье увидит. Тогда я поклялся Артему-то. Сколько лет уж прошло... На глазах моих выросла, выучилась, жизнь любишь. И никогда у меня сомнения не западало, что ты можешь оступиться.

Н и н а. Где я оступилась, Ферапонтыч?

Ф е р а п о н т ы ч. Как где? Разве мне без году неделя? Вижу. Беда моя — не специалист я по сердечной части и понять ничего не могу. Как это ты допустила! Цену вы потеряли себе. В наше время не то было. Девушки беречь себя умели. Ведь что такое девушка на земле? Корень жизни! Свет и радость — все от нее. А долго ли сгубить молодость? Забудешься — и все. Курганов! Кто он ныне такой?

Н и н а. Такой мне не нужен, Ферапонтыч.

Ф е р а п о н т ы ч. Ну, и слава богу! Наконец-то, поняла. Теперь сделаем выводы.

Н и н а. Перед Бугровым нельзя шапки гнуть.

Ф е р а п о н т ы ч. Что, что — бугровы?

Н и н а. Да, бугровы жизнь чернят.

Ферапонтыч. Ты что, рассердить меня захотела? Знаешь Потапа Кондратьевича? Нет? А мы с ним на «Веселых горках» первыми стахановский огонек раздували. Почитай, уже двадцать лет прошло, а опередить его никто не может. Кто первый пятую пятилетку выполнил? А ты про него такое думаешь...

Нина. Не он выполнил, а люди.

Ферапонтыч. Люди, люди! А кто руководил? Потап Кондратьевич!

Вбегают Феня.

Феня. Здравствуйте, пожалуйста. Ах, Ферапонтыч! Чуть не забыла, там что-то Тетя-мама шумит. И вообще у вас сегодня в столовой беспорядок.

Ферапонтыч. Пойду проверю. *(Уходит)*.

Феня. Ловко проводила, правда? Наверное все брюзжит? Они с Бугровым как два старых дятла — с утра до вечера тук-тук, тук-тук, червей ищут. Ох, я и не обратила внимания, какое чудное платье! *(Осматривает)*. Гвоздь сезона!

Нина. У меня? Первый раз слышу.

Феня. Ты сердишься?

Нина. За что?

Феня. Мне просто обидно за Бориса. Авторитет подорвали. А ведь он же хороший, передовик!

Нина. Много хорошего про него выдумали.

Феня. Ниночка, так ты же не любишь Бориса... *(Обнимает)*. Представь, всегда чувствовала!

Нина. Кто придумал?

Феня. Вот уж не знаю, Ниночка. Интересует?

Нина. Меня? *(Пожимает плечами)*.

Феня. Понимаю. Понимаю, зря я, конечно, Курганова рисовала. А все дядюшка да Ферапонтыч. Они мнение создают, как будто бы им больше всех угля надо. А ведь только вид делают, что одни работают!

Нина. А ты им помогаешь.

Феня. У меня так вышло. Не сердись, пожалуйста. Ой, чуть не растерялась. В шахтком, к Митричу надо. Деньги-то на витрину все-таки дали! Надо ловить момент, пока не раздумали. *(Идет)*. А за фасончиком-то я уж потом забегу. Обещаешь? *(Уходит)*.

Нина. Теперь я знаю что делать. *(Подходит к телефону)*. Коммутатор! Да, дайте, пожалуйста, партком. Невзорова. Да. Спасибо. Николай Яковлевич! Здравствуйте! Говорит Соколова. Да.

В дверях появляется Клим в букете цветов.

Я зайду к вам. У меня очень неотложное дело. Очень. Волнуюсь. Нет, что вы! Спасибо. Иду. *(Кладет трубку)*.

Занавес.

Третья картина.

Большой тенистый сад. Напротив крыльца, под высокими березами беседка, повитая хмелем. По середине — стол, плетеные стулья. На видном месте — выносной телефон. Бугров сидит за столом, щелкает на счетах. Он углублен в работу.

Бугров. Сегодня какое число? Девятое. Стало быть, восемь дней минус. Остается, таким образом, 113 суток. Сегодняшний день за обед перевалил, можно тоже сминусовать. Остается сто двенадцать! Сто двенадцать! (*Поднимает трубку*). Алло! Коммутатор! Город быстрее. Город? 15-17. Аркадий Аркадьевич? Добрый день! Спасибо. Хочу насчет персональной... По моим подсчетам, осталось сто двенадцать смен. Да, да, точно. И по возрасту и по стажу работы. Может быть, мне под'ехать уточнить? Потом, говорите? Добре. И сколько тогда? Тысяча пятьсот! А там никаких, знаете ли?... Чистенькими? Добре, добре. Как, как? Полагаются только алименты?.. Поймай, поймай, какие алименты? Понял, понял, если у меня будет на стороне ребенок! С этим я подожду. Значит, персональная мне обеспечена? Спасибо, благодарю. (*Кладет трубку*). Теперь главное: продержаться! Да так, чтобы флаги на проходах вывесили!

Входит Шумилов.

Шумилов. Разрешите, Потап Кондратьевич, продолжить наш разговор?

Бугров. Что еще не уточнили?

Шумилов. Всего один пункт: о комбайне.

Бугров. О комбайне, говорите? Могу заявить: отличная машина, донбассовцы не хвалятся!

Шумилов. Так то донбассовцы! А у вас на участке?

Бугров. А мы только собираемся развертываться... месяца через два, милости просим, за итогами. Вперед забегать не привык. Иной наобещает три короба, а потом сам не спит и другим спать не дает. У меня золотое правило: сперва сделай, а потом скажи. Нам нужны тонны, а не слова. Шахтеров тоннами угля меряют. Есть тонны — носи погоны, а нет тонн — сними погон — такая наша шахтерская установка.

Шумилов. Но чтобы осваивать машину, нужны люди.

Бугров. Есть люди. Лучшие на шахте!

Шумилов. Если можно, назовите фамилии.

Бугров. Фамилии? Можно. Первый — Громов. На него вся надежда. Он не подведет... А остальные... это не суть важно. Громов — вот кто в корню пойдет!

Звонит телефон.

(*В трубку*). Ну, ну! Завел матаню-ваню: Потап Кондратьевич! Что Потап Кондратьевич? Леса не хватает? Я что ли вам тайга густая? Не знаете, где лес берут? Как не дают?

Наряда нет? Писать разучились! Я что ль вам чернильница с ручкой? К помощнику обращались? Тугодумы! Забыл, на каком участке работаешь? Выкручивайся! Пошевеливай ручками-ножками! Вот, вот! (*Кладет трубку*). Слышали, товарищ корреспондент? Только соберешься отдохнуть, а тебе на голову лес, порожняк... Крутись без отрыва от производства, как та белка в колесе.

Шумилов. Больше не буду мешать, Потап Кондратьевич. Спасибо за... исчерпывающие сведения. До свидания. (*Уходит*).

Бугров. Кажется, зря я грохнул по телефону. Сколько раз зарекался при корреспондентах, а все нейдет старому. Смирновской что ли с устатка хватить... (*Достает бутылку, нюхает*). Хорошо, язвие ее! И до чего просто! Та же водочка, только щепоточку чая в нее, и на тебе, не узнаешь, на каком дереве фрукты росли! (*Пьет*).

Входит Алданов.

Алданов. Здоровенько живем, Кондратьич. Как драгоценное?

Бугров. Ох-хо-хо! Кажется, свалюсь. (*Тяжело опускается на стул*). Бывало, по семь суток в шахте, а поднимаешься на-гора, смахнешь пыль рукавом, и будь здоров! Видать, прошло время...

Алданов. Шахта — не аптека. Забойщики настоящие перевелись. С кем работать, Потап Кондратьевич? Взять того же Курганова. Надьсь об'являет: нам бы только комбайн дали, а там на курьерской скорости! Видали машиниста!

Бугров. Пустое место — Курганов, он и лопатой не может ворочать! А теперь говори: чего в домашности не хватает?

Алданов. Память у тебя, Кондратьич! Удивление! Все мелочи жизни помнишь. Зато к тебе и уважение от народа.

Бугров. Слышал. Говори о деле.

Алданов. Да ведь без дела как же... Насчет горбыльков я... маловато, Кондратьич. Сарайчик затеял в масштабе.

Бугров (*добродушно*). В масштабе, говоришь? Так.

Алданов. Ну и пару бревнышек, на столбики. Вот таких. А то горбыльки, сам понимаешь, к белому свету не пришьешь.

Бугров. Хитер, умеешь выбрать момент. Под настроение попал.

Алданов. Учитывать приходится... Без этого как?! К праздничкам осенним кабанчиков откормить вздумал. Колбаской домашней попотчую.

Бугров. Тебе сегодня нельзя отказать. К тому же, думаю назначить тебя... в комбайновую бригаду.

Алданов. Меня! За что же честь такая? Чем досадил, Кондратьич?

Бугров. Вот народ, ей богу! Его к почету, к славе. за уши тащишь, а он...

Алданов. Слава—дело, конечно, не вредное. Но ведь слава не гвоздь, в стенку ее не забьешь, шапку не повесишь. Слава, Кондратьич, это потеха для молодых. Сами знаете, в шахте раз на раз не приходится, особенно, если скопом. А если один да силенок не занимать, поднажмешь, и на-тебе — есть три нормы! Посмотришь, пот утрешь да махнешь четвертую. Вот тебе и праздничек! А комбайн — это же машина, не живое существо. Вот и смущает, не отразится ли...

Бугров. В расчетной книжке?

Алданов. В книжке весь принцип: кто работает, тот и кушает хлеб с маслицем.

Бугров (*строго*). Не в ту книгу глядишь, Алданов. Темный ты человек!

Алданов. Так ведь, когда мы родились, Кондратьич? При старом строе.

Бугров. А при новом ты что, спишь непробудно?.. (*Пауза*). Слушай, как думаешь, Громов потянет комбайновую бригаду?

Алданов. Громов? В самый раз, Кондратьич. В самый раз! Парень крепкий, характерный. На заработок нажимает за троих. На него—как на каменную гору! Ты бы взял на память насчет горбыльков. Забыть можешь, а?

Бугров. Скажи помощнику, пусть выпишет.

Алданов. Благодарствую. А Громов — самый подходящий. А как это тебя, Кондратьич, надоумило!

Бугров. На то у меня опыт. Увидишь его на шахте, скажи, чтобы заглянул ко мне.

Алданов. Непременно скажу.

Уходит. Где-то близко раздается звон гитары и голос Семена.

В предгорьях Алтая,
В поселке большом
Среди зеленеющих гор
Стоит у дороги бревенчатый дом
Твой новый дом, шахтер...

Семен (*робко заглядывает через калитку*). Можно к вам, товарищ Бугров?

Бугров. Просьба, что ль, какая?

Семен. Наиважнейшая, товарищ Бугров.

Бугров. Заходи. (*Семен входит*). На участок просишься? Ко мне? Похвально. Где работал до этого, у кого?

Семен. Товарищ Бугров...

Бугров. Забойщик?

Семен. Электрослесарь. На вашем участке... год.

Бугров. На моем? Как фамилия?

Семен. Кустов.

Бугров. Кустов... Кустов? А, слышал! Электрослесарь,

говоришь? Слышал. Плохо работаешь, иначе бы я знал тебя. Выкладывай просьбу.

Семен. Заявление подавал я. Результат жду.

Бугров. Заявление? Так. Кому подавал?

Семен. Вам. На раскомандировке. Вы его в карман положили. Сказали: зайдешь за результатом.

Бугров. Ну, коль так сказал, сейчас решим. На какой бумаге написано?

Семен. На плотной.

Бугров. Спрашиваю: какого цвета?

Семен. Обыкновенная, белая, писчая.

Бугров. Белая, белая... Сам знаю, что белая. Найдем. *(Ищет в карманах пиджака. Достает кучу всяких бумажек, раскалывает по столу).* Смотри, какая тут твоя.

Семен. Тут не видно.

Бугров. Тогда вот здесь. *(Снова роется в карманах).* В самых неотложных делах. *(Кладет пачку бумаг).*

Семен. Вот она. *(Подает Бугрову).*

Бугров. Минуточку... Найду вторые глаза. *(Достает очки, разворачивает лист, читает вслух).* «Желая закрепиться на угле навечно, решил я жениться...» Правильно. *(Читает).* «И обзавестись подсобным хозяйством». Еще правильнее. Молодец!

Семен. Да, хватит уж с меня!

Бугров. Толково, толково! Значит, наши «Веселые горки» по душе и сердцу пришлись? Невесту-то, теперь уже не секрет, как зовут?

Семен. Верой.

Бугров. Толково, толково! Шахтерка?

Семен. На главном под'еме работает.

Бугров. Постой, постой, — знаю. Это такая... Э-э... Ну, понимаешь, нашенская, с челочкой, прыткоглазая? Против такой не устошь. Хозяйственная, хлопотунья.

Семен. Не знаю.

Бугров. Х-хе-хе... Скоро почувствуешь. Разве пришел бы? Нет. Нет. Она надоумила, она! Жена шахтера, брат, сила! Мы другой раз недооцениваем. А она? Во-время и накормит и проводит на смену. А денежки принесешь — сосчитает. Покажется мало — спросит: сам виноват али начальник участка? А ты начинаешь разбираться по существу, в деталях, и всегда выходит — сам виноват. Жена так наскипидарит другого, что он, брат, в любой забой лезет. Ему кричишь: постой, а он — прет. Вот почему я положительно отношусь к тем, кто в корень смотрит — семью заводит. С таким легко жить. Ни он от меня, ни я от него. Видишь — пришел. Я для тебя все сделаю, а другой раз мне уважишь. Нет, нет, не лично, а государству.

Семен. Товарищ Бугров, дочитайте заявление.

Бугров. Зачем канцелярию разводить? Может быть, и не все записал, что требуется в домашности? А тут мы запросто, по душам — все уточним...

Входит Нина.

Нина. Помешала? Простите, пожалуйста, Потап Кондратьевич. Мне сказали, что вы отдыхаете здесь за газетой.

Бугров. Кто видал, чтобы Потап Кондратьевич отдыхал, прохлаждался? Ну, ничего, ничего! Когда ко мне идут, значит, я людям нужен. У вас срочное дело?

Нина. Очень. (Семену). Как Потап Кондратьевич относится к заявлению?

Бугров. Очень положительно. Молодец. Люблю таких.

Нина (с усмешкой). Замечательно! Какая удивительная чуткость у вас, Потап Кондратьевич! (Семену). Теперь семафор открыт — бежишь?

Семен (кивает в сторону Бугрова). Он ничего не сказал еще.

Бугров. Бежит? Кто бежит? Куда бежит?

Нина. Товарищ Кустов бежит к соседям, на «Восточные уклоны». Просит у вас перевода.

Бугров. Как перевода? Какого перевода? (Хватает заявление). Видали, они только о себе, да для себя и на себя. (Наступает на Семена). Чего же ты канитель тут разводи: хочу навечно, жениться собирался... на под'еме...

Семен. Так это вы...

Бугров. Что я, что я? Вобщем, возьми заявление, потом решу.

Семен. Не возьму.

Нина. Дайте мне. (Свертывает лист, кладет в карман).

Семен круто поворачивается, уходит.

Бугров. Кажется, ваш? Что с ним будете делать? Отпустить мне такого не жалко.

Нина. А мне жалко.

Бугров. Вы за этим и прибежали?

Нина. Да. Таких парней надо беречь. Они так нужны шахте, государству.

Бугров. Вон куда хватила!

Нина. А вы как же думаете? Я вас не понимаю, Потап Кондратьевич! Просили помощи. Вы же сами приходили в ин-тернат! А теперь сами же и отказываетесь.

Бугров. Так, так. Чем хотите помочь?

Нина. Было бы хорошо укомплектовать бригаду молодыми грамотными шахтерами.

Бугров. Молодыми, говоришь, грамотными? А где их найти?

Нина. В нашем интернате можно набрать на две бригады.

Бугров. Ну, положим. Конкретно кого предлагаете?

Нина. Вот его (*показывает заявление*), Кустова. Он любит технику, ждет - не дождется.

Бугров. Ну, ну, ну! Сегодня его поставь, а завтра он сбежит. Таких хитроблудных — на комбайн! Таких в колхозе близко не подпускают к машине, а тут шахта. Слава богу, учен. Знаю, как такие сверчки по куткам свиркают. Кто другой на примете?

Нина. Андрей Курганов. Он десятилетку окончил, с инициативой.

Бугров. Знаю, лодырь, смутьян и вообще...

Нина. Неправда! Вы не хотите понимать людей, поднимать их, растить.

Бугров. Курганов мне, как кривая выработка, покою не дает. Посылаю лес таскать. Правда, трудновато. Говорю: не выходи из шахты до тех пор, пока наряд не выполнишь. Вы думаете, выполнил? Нет. Да еще учить меня стал. Если каждый начнет хозяйничать на участке, что получится?

Нина. Хозяин на участке один.

Бугров. Во, во, во! Ты меня критикуй на профсоюзном собрании, там я вытерплю. А на участке — я хозяин! Я отвечаю за уголь. Мне доверяют, и я в лепешку разобьюсь, а план выполняю, да еще с присыпкой. А коль я план даю, значит, я и прав.

Нина. Вот уж плохо, Потап Кондратьевич.

Бугров (*ежась*). Плохо? А ты откуда знаешь, что плохо? Скажи, пожалуйста, не на том слогe ударение поставил! Прошу уважить. Не учился. Некогда. Безусым парнишкой сюда пришел. Кругом — тайга, глухомань. Бывало, вечером выйдешь на косогор, оглянешься — темь да тишь кругом. А теперь посмотрите* (*показывает на копер*), какая красавица стоит. Это я к чему? А к тому — вот с какой стороны на меня надо глядеть.

Нина (*участливо*). Устали вы, Потап Кондратьевич, отдохнуть вам нужно, а тут делами надоедаем.

Бугров. Понимаю, куда гнете. Зазнаюсь? Да, бросьте пустые разговоры! Мы план тянем. Министр наш доволен. А насчет комбайна... (*Входит Громов*). Вот он, бригадир комбайновой бригады!

Нина. Громов? Он отказывается. (*Уходит*).

Громов. Не хочу Курганову дорогу переходить.

Бугров. Садись, поговорим по душам.

Громов. О комбайне? В зубах навязло.

Бугров. Мы коротко. Мое мнение знаешь. Доверяю.

Громов. Нет, Потап Кондратьевич. Шахтерская рабо-

та — не ремесло, а искусство. Высшее искусство! Кто это всегда говорил?

Бугров. Правильно. Я всегда говорю так.

Громов. Я на отбойном молотке — скрипач. А на комбайне и балалаечником не сделаешься.

Бугров. В себя не веришь?

Громов. В себя-то я верю, а вот в других — нет. Кто будет работать в бригаде, знаете?

Бугров. Кого я поставлю, тот и будет.

Громов. Если бы так...

Бугров. А то?

Громов. Нагонят на комбайн кургановых, кустовых да климов, что с ними сделаешь? Они будут лодыря гонять за моей спиной, а я отдувайся за всех!

Бугров. Ну, этого никогда не случится. Ни один лодырь к комбайну и близко не подойдет, головой ручаюсь.

Громов. Нет, Потап Кондратьевич, пишите другого бригадира. Я отбойный молоток не брошу.

Бугров. Так, так. Я тебя растил, думал, близкий ты мне человек будешь. Ведь племянница у меня...

Входит Феня с фотоаппаратом.

Феня. Здравствуйте, пожалуйста! Бригада уже в сборе. Я достала сверхчувствительную пленку, последний крик техники. Снимки будут на славу

Бугров. Про какую бригаду говоришь?

Феня. Как про какую? Про комбайновую! В парткоме говорят: товарищ Бугров сформировал по собственной инициативе. Боречка, ты, конечно, бригадир? Да, посоветуйте, где лучше делать снимки?

Бугров. Придется подождать малость. Что там в парткоме, разговор шел?

Феня. Там Соколова. Представьте, какое она внесла предложение!..

Бугров. Она уже успела!

Феня. Ниночка предложила послать вас на курорт. Пусть, говорит, отдохнет.

Бугров. На курорт? А они тут без меня...

Феня. Рекомендуют на ваше место Лебедкина. Он, говорит, парень с огоньком.

Бугров. Смотри, какая приткая! На курорт!

Феня. Вы же собирались сами. Дядюшка, привезите все виды курорта.

Бугров. Что, задумала каррикатуры с меня писать? Опять, верно, этой Соколовой затея? Потап Кондратьевич хо-

дит по берегу голоживотиком, употребляет нарзаны, а тут шахта план заваливает — это ли не смешно, а? Никуда я не поеду. Никому не удастся посмеяться над Бугровым, слышали?

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ.

Четвертая картина

Сквер перед интернатом. На заднем плане видна веранда. Возле цветущей клумбы на скамейке стоит Клим. Вокруг него — молодые шахтеры.

Клим. Сейчас на комитете решают: быть или не быть... Давайте-ка подтянитесь! Галстучки, воротнички, булавочки!

1-й шахтер. Жарковато, если воротнички...

Клим. Жар костей не ломит. Подтягивайся.

2-й шахтер. Чего тянуться, если еще неизвестно, как решат.

Клим. Все известно.

1-й шахтер. А для чего тогда решают?

Клим. Чтобы оформить.

Входит Семен с многочисленными покупателями.

1-й шахтер. А, Сеня! В отпуск собрался?

Семен. Приснилось, что ли?

Клим. С получки?

Семен. Был такой грех, расписался, получил.

2-й шахтер (*показывает*). Это что?

Семен. Антисанитарная библиотечка.

Клим. Как, как?

Семен. По борьбе с молью и другими насекомыми.

2-й шахтер. А против веснушек?

Семен. Не требуется. Она и с веснушками хороша.

Клим. Хороша Маша, да не наша. Что в кармане-то?

Семен. Духовой инструмент.

Все. Покажи, покажи! А ну... (*Семен подает*). Кларнет! Зачем он тебе?

Семен. В хозяйстве все может пригодиться... Научусь, по вечерам буду дудеть...

Клим. Ну, ну, выкладывай свой универмаг, дударь!

Семен. Вот дюжина галстуков — все одно что райские птицы! Здесь две дюжины носовых платков...

Клим. Платочки — это правильно, слезы утирать в случае чего, и... нос тоже...

Семен. Нос кое-кому утрет, только не платочком! Так-то, товарищ Клим!

1-й шахтер. А за обеды чем будешь расплачиваться — галстуками?

Семен. Обедать мы с женушкой будем дома, нам в столовой не с руки. *(На веранде показывается Тетя-мама с пачкой писем)*. Почта, ребята!

Клим. Тетя-мама, мне что-нибудь, да?

Тетя-Мама. Не разглядела. Большие штампеля, не нашинские.

Семен *(перебирает конверты)*. Не штемпеля, а марки. Это из Китая, а это... *(вертит конверт)* кажется, из Венгрии... тоже, видать, от дружков. Стой! А это кому телеграмма? Курганову!

Клим. А ну дай-ка взглянуть. *(Берет телеграмму)*. От мамы... Семен, покличь Андрея!

Семен. Да вон он сам жалуется...

Тетя-мама уходит, за ней шахтеры. Появляется Курганов.

Семен. Тихо!

Клим *(бежит навстречу)*. Ну, как, Андрей?

Семен. Поправили прическу на комитете?

Клим. Отвоевал комбайновую?

Курганов. Не вдруг отвоюешь... Бугров обрадовался, что машина неисправна. Стал наперек.

Клим. А Нина что?

Курганов. Что вы, на самом деле: Нина да Нина!

Клим. Тоже воевала?

Курганов. А кто ее просит воевать? Сами обойдемся!

Клим. Да, такая девушка не каждому по-плечу!

Курганов. Это правильно.. Такая на проценты не посмолит.

Семен. А если посмолит, до смысла доберется!

Входит Алданов. В руках у него новая лопата.

Алданов. А молодежь все митингует? Здравствуйте.

Клим. Это что за агрегат, Парамонович?

Алданов. Именно агрегат. Транспортёр. Говорят, что Алданов равнодушный человек, а он постоянно думку о шахте думает. Вот конкретный факт! Лично буду вручать лучшему из моих учеников!

Клим *(берет лопату)*. Да-а, подходящая!

Алданов *(щелкает по полотну)*. Звенит-то! Песня, а не лопата! Из нашей уральской стали. Взгляни, взгляни, Курганов!

Курганов. Действительно, транспортёр!

Алданов. Главное, заметьте посадку черенка! Такой штукой махать одно удовольствие! *(Показывает)*. Раз — пол-нормы, два — норма! И рубашка сухая. Она, матушка, никогда шахтера не подводила.

Семен. Разрешите и мне взглянуть. Хороша! Эта сама даст проценты.

Алданов. Искусство! Случайно на базаре купил. Теперь таких не найдешь, такую самому делать надо!

Курганов. Неужели всерьез, Парамоныч?

Алданов. Я ничего на посмех не делаю! Лопату лично вручу Борису Громову.

Курганов. Вот вам и все корни-корешки Бориса Громова, вот и вся его музейная наука!

Алданов. Музейная! Это еще посмотрим! Где тут у вас Ферапонтыч? С ним посоветуюсь... (*Уходит*).

Семен. Прирос бородой к лопате — не отдерешь. Жалко старика.

Курганов. Тогда давай коллективно поплачем. А что толку! Горевать надо над тем, кому лопату торжественно вручат.

Семен. Над Громовым?

Курганов. Хотя бы...

Клим. Жалостливый какой ты после комитета.

Курганов. Я злой после комитета — со всеми няньками поскандалил...

Клим. Скандальить тебе не нужно... Телеграмма, Андрей...

Курганов. Давай! (*Читает*). Вот еще маме нехватало заботушки... Ах, мама, мама! (*Видит входящую Феню*). Опять фотограф, плакаты, стих о Громове... Страдания! (*Уходит*).

Семен. О, Фенечка! Есть последние известия? Тихо!

Феня. Вообразили — хожу на свидание. Была нужда! Всегда выполняю только общественные функции.

Клим. Понятно.

Феня. Если попросили меня занести афишу, что ж, я должна покраснеть и отказаться? Вот, пожалуйста (*подает афишу*).

Семен (*развертывает, читает*). Лекция «Мировой опыт машинной добычи угля». Читает научный... Понятно...

Клим. Понятно.

Феня (*достает из кармана кнопки*). Возьмите, прикрепите на щит.

Семен (*кладет афишу*). Нет уж, сама. Пойдем, Клим. (*Уходят*).

Феня. Подумаешь, какие... Мне-то здорово нужно! Пусть валяется. (*Увидела Нину*). Здравствуй, Ниночка! Не ожидала? Я совсем на минуточку забежала. Что с тобой?

Нина. Так что-то... Да ты, пожалуйста, не обращай внимания.

Феня. Что-нибудь с сердцем? Хочешь, я принесу тебе таблеточек, получили только что, самых портативных. Так успокаивают, ужас!

Нина. Они мне не помогут.

Феня. Прямо!

Нина. Легко ты любишь, Феня.

Феня. Завидуешь?

Нина (*мечтательно*). И горе-то у тебя, как летний дождик, — пройдет полосой, и радугой светишься. У меня все как-то сложнее. Другой раз подкатит к сердцу, — двигаться не могу. (*Помолчала*). Меня мучает... Неужели я оступилась? Все, что делаю, делаю с чистым сердцем, с чистыми намерениями... Хочется мне видеть его красивым... Стараюсь все делать, а причиняю только боль.

Феня. Трудная ты, Ниночка.

Входит Клим.

Клим. Феня, на телефон.

Феня. Ну, так и знала, без Фенечки — ни тпру, ни ну. (*Убегает*).

Нина. Что, Клим, случилось?

Клим. Удивительно, как вы всегда догадываетесь!

Нина. Эх ты, мужичок-простачок! У тебя все на лице написано.

Клим. В проблему влипли. Надежда Карповна едет!

Нина (*с тревогой*). Надежда Карповна?

Клим. Факт. Вот телеграмма (*показывает*). Читайте.

Нина (*берет телеграмму, молча читает*). Чего-же ты напугался?

Клим. Как чего! Приедет и увидит: у Андрея никакой профессии нет, даже костюма в елочку не заработал, а уж до бостона-то, как до неба! В чем он мать-то встретит? Вот и проблема.

Нина. Что-нибудь придумаем. Позови Андрея.

Входит Курганов.

Курганов (*с глубоким внутренним волнением*). Эх, Нина!

Нина. Что с тобой, Андрюша?

Курганов. Промолчал, если бы не такой случай. Теперь не могу, все положу на ладонь. (*Помолчал*). А может быть... моя исповедь...

Нина. Что ты, что ты, Андрюша, говори, говори! Скажи, почему, когда человек волнуется, он всегда делается красивее?

Курганов. Почему надо мной... смеешься?

Нина (*с тревогой*). Смеюсь? Андрей!

Курганов. Да, да! Я никогда не учился кривить душой, а перед тобой даже и захотел бы, так не смог. Когда заступилась за меня перед Ферапонтычем и Бугровым...

Нина. Вот уж не выдумывай — не заступалась.

Курганов. Пусть так. Я терпел. Нет... Ты меня осветила каким-то внутренним светом. Что-то проснулось во мне... Что-то я увидел в жизни большое, хорошее... Ведь я хотел бежать, а стал думать о новом методе работы на комбайне, ко-

того мне, наверное, и в глаза не видеть. Смешно!? Так вот смешно и бывает! Почудилось мне... А сегодня все сразу понял. И не могу успокоиться! Как же ты так могла сделать?..

Нина. Что я сделала?

Курганов. Что? Выговорить страшно!

Нина. Андрей, будь откровенен.

Курганов. Почему маме вдруг захотелось приехать? Ни в одном письме она никогда не намекала...

Нина. Сердце матери.

Курганов. У нее в жизни и так много горя. Что ее здесь обрадует? Нет... я не хочу видеть ее слез.

Нина. Она все поймет.

Курганов. Советы давать легко! А были бы вы на моем месте.... Нет. Нет! Она не приедет. Я сегодня все напишу...

Нина. Это неправда!

Курганов. Почему вам так хочется ее видеть?

Нина. Почему? Я должна знать...

Курганов. Что знать, что?

Нина. Ничего!

Курганов. Я понимаю. Но скажу честно: мама не приедет!

Нина. Знаешь, кто ты?

Курганов. Скажи.

Нина. Трус!

Курганов. Я? Трус? Эх, всего вслух не скажешь! (*Убегает*).

Нина (*глухо, почти с рыданием*). Самонадеянная девчонка. Девчонка! Дура... Дура...

Занавес.

Пятая картина.

Веранда интерната. С правой стороны стол, заставленный закусками. День праздничный. Молодые шахтеры отдыхают. Из открытого окна слышны музыка, смех. На веранде Тетя-мама и Надежда Карповна.

Тетя-мама. Уж говорила нашему шахткому — Митричу: не посылай на отдых. Как они тут без Тети-мамы жить будут? Куда там! Раз, говорит, социализм строила, то и должна пользоваться. А я отродясь ничего не строила. Прожила век на заимке, в поле робыла да по хозяйству. А как горе случилось, как в лютую зиму похоронили обоих моих ребят под Москвой, оставила я заимку — тоска меня и привела сюда, к людям. (*Всплеснула руками*). Ох, что же это я?! Присаживайтесь, гостюшка дорогая, на диванчик. С дороги-то, наверное, все косточки ломит.

Надежда Карповна. Нет, что вы, мне хорошо. (*Смотрит вдаль*). Просторы, просторы-то какие!

Тетя-мама. На нашей земле живи да радуйся... Что я вас все разговорами ублажаю! (*Подбегает к столу, берет тарелку с пончиками*). Покушайте наших сибирских, тесто на хмельном отваре ставила.

Надежда Карповна. Спасибо. Спасибо... Вот никогда не чаяла, что меня здесь так встретят!..

Входит Ферапонтыч.

Ферапонтыч. Как здоровьице, Надежда Карповна? Отдохнули?

Надежда Карповна. Право, и не знаю, чем я заслужила такое внимание...

Ферапонтыч (*Тете-мате*). У тебя все в аккурат?

Тетя-мама. Аж слушать тебя обидно!

Надежда Карповна. У нас за Волгой про Сибирь и сейчас еще по-разному толкуют. Когда ребят провожали к вам, что слез было! А здесь такие места...

Ферапонтыч. Места особенные. Прошлым летом сижу на курорте, тут тебе и солнышко, и вода, и еда — прямо рай. Нет же, тянет, тянет домой, к уголку! Скажу вам, сила в нем какая-то особенная. А от чего сила — не поймешь.

Надежда Карповна. Расскажите, Ферапонтыч.

Ферапонтыч. Это надо припомнить. Так... Я лампоносом был. Нет, кажется, уже санки таскал, вот тогда. В ту пору на здешних увалах тайга шумела. А уголек-то (*показывает*) вот там под обрывом попервости нашли. Взяли уголек-то, да в Москву, да прямо к Владимиру Ильичу, ему, значит, показать. Ну, он как на наш уголек взглянул — обрадовался.

Надежда Карповна. Обрадовался?

Ферапонтыч. Страсть как! Потом Ильич-то и спрашивает наших ходок: как живете? Темно у вас в тайге, знаю. Ну, наши-то шахтеры начали было: «Не беспокойтесь, Владимир Ильич, понимаем». А он по-своему улыбнулся и сказал: «Хорошо бы машину электрическую вам дать». А где было взять в ту пору? Трудно жилось. Паровозы телеграфными столбами топили, вот. А возле Кремля стоял театр...

Надежда Карповна. Большой.

Ферапонтыч. Конечно, большой. В Москве разве что маленькое есть? Вот Ильич в том театре и нашел динаму, да и отправил ее к нам. Пусть, говорит, пока посветит, а там свои построим. Когда привезли машину, зажегся свет в нашей тайге. С тех пор здешние места и прозываются Веселыми Горками. Полюбуйтесь, какая красота!

Надежда Карповна. Я очень рада, что Андрюша к вам попал, он у меня работающим рос. Не обижаются на него?

Ферапонтыч. Гм... гм... да. Видите ли, Надежда Карповна, у нынешних-то парней... Нельзя сказать, чтобы у всех,

а у некоторых, свой взгляд. Чувствуют себя богачами. Понимают: в советской стране живут. На него двести миллионов людей трудится. Попробуйте такому обед подать с опозданием! Он такое поднимет... всех святых выноси...

Надежда Карповна. Знаю о таких. Но мой Андрюшенька сызмалетства терпеливым, работающим был. Никогда не замечала, чтобы он труда боялся. Везде, бывало, первым норовил быть.

Тетя-мама. Уф, я и память потеряла! (*Берет чашку с груздями*). Вот груздочки! Ферапонтыч до них очень охоч. Кушайте, Надежда Карповна.

Ферапонтыч. Футы-нуты! Груздочки! (*Берет*). Ишь, какой красавец! А похрустывает!..

Тетя-мама. За рекою в березняке брали. Ребята полную корзину принесли.

Ферапонтыч. Вижу, тамошние. Наш-то, сибирский груздь — всем грибам генерал. Угощайтесь, Надежда Карповна. Берите, берите этот.

Надежда Карповна. Спасибо, спасибо. (*Берет груздь, пробует*).

Ферапонтыч. Э, чуть не запаматовал. Угощайтесь тут, побегу. Извините, Надежда Карповна, дела! Я скоро. (*Уходит*).

Тетя-мама. Кушайте, кушайте. Ребята подойдут — тогда и пельмени. А вот и они, легки на помине.

Входят Клим и Семен с охапками цветов. Одновременно подают Надежде Карповне.

Клим. С приездом, Надежда Карповна.

Семен. Примите от нашего шахтерского коллектива.

Надежда Карповна. Ох, уж чего не ждала! Спасибо, милые, спасибо. Вижу теперь: сынок мой в почете, если матери такая честь. А у меня сердце изболелось за него!..

Тетя-мама. Он у них верховод, другой раз и деваться от них некуда.

Надежда Карповна. Молодость — душа нараспашку. Везде-то хочется поспеть: и на лекцию, и на стадион, и в театр.

Входит Нина.

Клим. Задание ваше...

Нина (*делает знак Климу молчать*). Вы не скучаете, Надежда Карповна?

Надежда Карповна. Что вы, что вы! Опомниться не могу.

Нина. А букеты хороши! Люблю цветы.

Надежда Карповна. Кто же цветов не любит!

Нина. Ой, забыла! Тетя-мама, пельмени можно спустить? Все у нас с Феней готово.

Тетя-мама. Это уж я сама. Разве вы знаете, что надо положить? Лавровый лист где я спрятала? Вот память, а? *(Уходит)*.

Надежда Карповна. Где же Андрюша мой, не показывается, не приболел ли? Давеча перед сменой все хмурился...

Нина. Были у него тут неприятности. Но теперь... теперь все хорошо! И друзья у него хорошие. Правда, начальник участка на него сердит... но это пройдет.

Надежда Карповна. Начальник пожилой?

Нина. Пожилой, *Надежда Карповна...

Надежда Карповна. А пожилых уважать надо.

Входит Алданов. В руках у него клетка с бурундуками.

Алданов. Добрый день! Из тайги иду, смотрю, у вас праздник. Думаю, дай загляну, как мои воспитанники веселятся.

Нина. Пожалуйста, Порфирий Парамонович.

Алданов. Характер у меня, сами знаете, общественный: то одно, то другое. Но раз у нас гости, значит... *(Надежде Карповне)*. Любопытно, из которых мест?

Надежда Карповна. Курганова. Сына приехала проведать и нарадоваться не могу на ваши места. С Волги я...

Алданов. Места у нас, славу богу, жить можно, если с соображением человек.

Нина. Покажите Надежде Карповне своих зверюшек.

Алданов. А, велика невидаль! Бурундучишки! *(Ставит клетку на стул)*. Изжога у меня с самого утра. Мучаюсь.

Нина *(наливает стакан квасу)*. Пожалуйста, пейте.

Алданов. *(берет стакан, вертит перед глазами)*. Не то, да ладно.

Надежда Карповна. Красивые... Как вам удалось поймать?

Алданов. Как? Обыкновенно — хитростью. Бурундук самый доверчивый в тайге, его как угодно обманешь.

Надежда Карповна. Теперь вы их куда?

Алданов. Известно — на базар.

Нина. Там у нас средняя школа. Есть уголок живой природы. Порфирий Парамонович над ним шефствует. Вот он и наловил.

Алданов. Гм... Гм... Шефствую.

Надежда Карповна. *(любуется бурундуками)*. Ах, какие мордашки, как раздувают щечки!

Алданов. За щечками они орехи таскают в гнезда. Хотите, покажу, как крота ловить?хлопотно, правда, ходов у него много извилистых. Поймать — терпенье надо.

Нина. Ребята мне говорили, что вы им обещали и белку и лисенка.

Алданов. Да?.. Не помню что-то. Может быть.

Нина. Не удивительно, Порфирий Парамонович. У вас столько забот! Вы торопитесь в школу, ребята там ждут с нетерпением.

Надежда Карповна. Вот будет радости! Глазенки у них забегают, затормошат с расспросами: как поймал да где поймал, какие у них повадки да как кормить? Завидую, Порфирий Парамонович, сколько получите удовольствия!

Алданов. Что ж, я конечно... Не знал раньше. Спасибо, надоумили. *(Со вздохом)*. Придется нести. Бывайте здоровеньки!

Нина *(продолжает)*. Заходите на досуге, Порфирий Парамонович, заходите!

Надежда Карповна. Какие у вас люди — с душой... Недаром про сибиряков добрая слава.

Нина. Люди всякие есть... Много и хороших.

Входит Тетя-мама с тарелками пельменей.

Тетя-мама. Заморили гостью. Сейчас все готово. Где это мужики не идут? Ребят тоже надо кликать.

Входят Ферапонтыч и Бугров.

Нина *(Надежде Карповне)*. Вот и Потап Кондратьевич! Знакомьтесь! *(Бугрову)* Я уже рассказывала про вас Надежде Карповне.

Бугров. Что рассказывала? *(Подает руку)*. Бугров.

Надежда Карповна. Про дела ваши... *(Бугрову)* Курганова.

Бугров *(оторопел)*. Курганова, значит, мать... Так, так...

Надежда Карповна. Она, она самая! Сынок-то у меня... не обижаетесь?

Бугров. Сын? Что ж... всякое бывает... *(Тетя-мама подает квас)*. Знаешь, чем меня с ног сбить. Сколько не уговариваю себя — не могу пройти мимо. Ваш квас... Родятся же люди с такими золотыми руками!

Тетя-мама. Всегда хвалите, Потап Кондратьевич.

Бугров. По заслугам, по заслугам...

Входят Курганов и Клим.

Клим. Честное слово, Андрюша, надень же костюм. Такой важнецкий костюм.

Курганов. Жарко, Клим, я и так обойдусь.

Нина. Клим, будет тебе шуметь! Садитесь, Андрей...

Курганов. Мама, нам надо поговорить с тобой.

Тетя-мама. Да что это к спеху-то! Садитесь за стол.

Надежда Карповна. Ох, забыла, Андрюшенька, я ведь привезла тебе обновку. Даша шила. Ступай нарядись. Рубашка наверху, в чемодане. Наверное, малость примялась.

Нина. Даша...

Надежда Карповна. Она у меня такая рукодельница. Сама-то я больше все в саду работаю. Двадцать гектаров сад-то...

Курганов. Мама! Нам надо поговорить... *(Идет в комнату)*.

Нина. Вы сидите, Надежда Карповна, я верну Андрея.

Ферапонтыч. Несговорчивый он парень. Чуть что и...

Надежда Карповна. Он и маленький такой был. Помню, лет шесть ему было, забрался в овраг. Мы искать, все село на ноги подняли. Нашли уж под вечер. Отец к нему. «Не тронь, сам поднимусь!». До темна ждали. Так ведь сам и выкарабкался. Бывало, что порвет на улице, ни за что не покажет, закроется в чулане и сам починяет. Теперь гляжу на него — ничего не растерял.

Ферапонтыч. Точно, что не растерял...

Вбегает Семен с газетой.

Семен. Здорово нас расписали!

Бугров. *(испуганно)*. Что, что!

Входят Клим, Курганов, Феня.

Семен. Слушайте... *(Читает)*. «Горняки участка Бугрова впереди. Пятилетний план выполнен досрочно!»

Надежда Карповна. Поздравляю, Потап Кондратьевич! Поздравляю!

Нина. Отвечайте же, Потап Кондратьевич *(смеется)*. Вас поздравляют!

Бугров. Что отвечать-то... *(важно)*. Могли больше дать уголька, потому что народ знает свои обязанности... Сознательно работают, о государстве помнят. Такая наша шахтерская заповедь.

Надежда Карповна. Вы-то крепко это помните. *(К ребятам)*. А как наши ребята?

Бугров. Я так скажу, Надежда Карповна: на шахтерское дело — смотри смело. Ну, другой раз и не выходит, а вообще на участке порядок!

Надежда Карповна. Вот и ладно... рада за вас. *(Сыну)*. А ты что нос повесил?

Бугров. Он парень ничего. Гм... Подтянется со временем. Гм...

Курганов *(мрачно)*. Никуда я пока не подтянусь...

Бугров. Вы посмотрите на него!

Надежда Карповна. Зачем ты так, Андрюша?

Нина. Заботы у нас тут, Надежда Карповна...

Бугров. Верно, забот полон рот.

Нина. Решили на участке пускать сложную машину — комбайн называется...

Бугров. Кто решил?

Нина. Да, как же. Все мы сообща решили. Потап Кондратьевич создает бригаду из молодых шахтеров...

Бугров. Гм, гм...

Надежда Карповна. Кому же, как не молодым да смелым...

Нина. Андрея вот хотят поставить бригадиром... Так ведь, Потап Кондратьевич?

Бугров. Хотят поставить?

Надежда Карповна. Спасибо, Потап Кондратьевич! За честь, за доверие...

Курганов. Мама!

Надежда Карповна. А ты, сынок, благодари. Да оправдай доверие.

Клим. Семен, слышишь?

Семен. С такой, как Нина, — не пропадешь!

Курганов. Мама, да вы послушайте меня! (Нине). Этого я не ожидал!

Надежда Карповна. Успею еще и тебя послушать и порадоваться...

Бугров. Слушай, Курганов, воспитатель дело говорит... Что, если и на самом деле? А? А ну, подвигайся ко мне.

Клим. А как мы, Потап Кондратьевич?

Бугров. Вы? Это на усмотрение начальства.

Семен. Тогда порядок!

Бугров. А-а, женишок! Ну, нет, до порядка у тебя далеко! Заявление твое — вот оно!

Семен. Потап Кондратьевич, отдайте!

Бугров. Потом, чтобы по всем правилам. А теперь давайте за пребудущие успехи! Ферапонтыч!

Ферапонтыч. Каждое новое дело по старинному обычаю окропления требует.

Наливают, чокаются, пьют.

Нина. Феня, а фотоаппарат?

Феня. Ой, как же я забыла!?

Убегает, скоро возвращается.

Клим. Как в сказке!

Феня. Только свет неподходящий. Пойдемте в сквер, всего на одну минутку.

Нина. Командуй, Феня.

Все, кроме Тети-мамы и Ферапонтыча, уходят.

Тетя-мама. Слава богу, все как у людей вышло! И пончики и пельмени подмели, как метлой. Так и беспокоилась, шум войдет какой-нибудь. Бугров-то ныне покладистым вышел. Прямо — благодать!

Ферапонтыч. Ловко она его на счет бригадира подцепила!

Тетя-мама. Да уж молодец девка, больше ничего не скажешь!

Ферапонтыч. Бугрова-то как обошла! Ей-богу, эти женщины и коллегия министерства в угол загонят. Кондратьевич какие слова сказал!

Тетя-мама. А по мне, его слова — пузыри в корыте. *(Уходит)*.

Входит Бугров.

Бугров. Видал, как мне шампанское в голову ударило, а?

Ферапонтыч. Что, Кондратьич, маловато? Можем продолжать.

Бугров. Нет! Сладкого помаленьку, горького — не до слез. Ты своей помощницей доволен?

Ферапонтыч. Молодец девка! Комсомолия!

Бугров. Поймали старого воробья на слове. Расчувствовался, а?

Ферапонтыч. Ничего, ничего. Все образуется.

Бугров. Удивляюсь... Даже перестаю себя узнавать.

Ферапонтыч. Нет уж, Кондратьич, восьмерку поздно крутить. Предела этим ребятам мы еще не видели.

Бугров. Ладно. Пойду отдыхать. Бывай здоров! Ну, окрутили! И кто? Девчонка! Вот тебе и умен. старый Бугров!

Ферапонтыч. А ты не сомневайся — мне тоже на пряники рикошетом. Пойдем по добру по здорову... *(Уходят)*.

Входят Нина и Надежда Карповна.

Нина. Что с вами, Надежда Карповна? Устали?

Надежда Карповна. Нет, со мной ничего. Спасибо вам за все. Не таким я Андриюшеньку чаяла видеть...

Нина. Присядьте, Надежда Карповна.

Надежда Карповна. Вижу я, дочка, все вижу! Любит тебя Андриюшенька мой.

Нина. Любит!? Меня! Вы ошибаетесь!

Надежда Карповна. Материнское сердце не обманешь.

Нина. Но у меня тоже сердце! Его тоже не обманешь! Андрей или любит кого-то, или никогда не полюбит.
Входит Андрей. Увидев Нину, он пытается скрыться.

Надежда Карповна. Андрей, ты почему все молчишь?

Курганов. Мама, я хотел поговорить с тобой... об'яснить...

Нина. Вы говорите, я всего на минутку... (*Уходит*).

Курганов. Мама!

Надежда Карповна. Все поняла. Как же это, Андрюша?

Курганов. Я сразу хотел все сказать. Тяжеловато... мне. Многого сразу не понял. Обижался. Грубил. Хотел бежать. А потом... Видите, какая она... светлая. И сердился я на нее, изводился... Но я теперь все равно буду шахтером! Буду! Тебе не придется за меня краснеть.

Надежда Карповна. Верю, Андрей! Сколько у тебя друзей! Держись за них.

Курганов. Спасибо, мама. За все спасибо.

Надежда Карповна (*смахивает слезу*). Пойдем, вихрастый мой. Отдохнуть мне надо, устала...

Курганов. Что с тобой, мама?

Надежда Карповна. Ничего, ничего! Все хорошо будет.

Курганов (*поддерживая*). Будет, мама. (*Уходят*).

На веранду поднимается Ферапонтыч, за ним Нина.

Нина. Вы не сердитесь на меня, Ферапонтыч?

Ферапонтыч. Я на себя фыркаю... А на тебя, за что? Ты свои песни петь только начинаешь.

Нина. А песню нелегко сложить...

Перед верандой показываются Семен с гитарой и шахтеры. Поют:

На глубоких подземных дорогах
Весело нам, товарищ, вдвоем,
Где моторами мощных комбайнов
Мы заветную песню поем.

Выйди, любимая, вечером,
Взгляд урони на копры —
Наша шахтерская звездочка,
Ярче небесной звезды.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Шестая картина.

Августовская ночь. В раскрытые окна большого зала раскомандировки льется лунный свет. Справа, в углу, винтовая лестница, ведущая в диспетчерскую, которая помещается на верхней площадке. Видны громоздкие аппараты, сигнальные лампы. Через каждые две—три минуты дежурный включает селектор, спрашивает информацию, дает короткие указания.

В левом углу на скамейке сидят Клим и Семен.

Семен. Готовились, спорили, учились, а все равно тревожно.

Клим. Не тебе одному. Молчи.

Семен. Молчу. Решительная битва! Пять предметов! Сдадим — на щите! Провалим — под!..

Клим. Сдадим. Молчи.

Семен. Молчу. Черта с два сдадим! Комплексный метод! Засыпят на комплексном! Ты знаешь, кто принимает? Начальник шахты! Он с Кургановым уже в забое.

Клим. Помолчи. Дай про себя повторить.

Семен. Давай вместе. Скажем, приходишь ты на участок. Что делаешь?

Клим. Ты чистый репей, Сенька!

Семен. А ты — ерш!

Клим. А ты... помолчи!

Семен. Уже.

Клим (*мечтательно*). Домой бы сейчас, на Волгу, в колхоз! Теперь там хлеба жнут. Все в поле. Комбайны плывут, плывут... Позапрошлый год я на «Сталинце» штурвовал. Старшим у нас дядя Егор. Такой суматорный... Без дела минуты не постоишь. Только и переведешь дух, когда размечтается. Это любил. Встанет, бывало, посередине площадки, приложит руку к бровям и смотрит на поле. Потом обмахнет лицо рукавом и скажет: «Гляди, Клим, просторы-то! И все наше с тобой!». А потом как гаркнет: «Чего бездельничаешь? А ну давай!» Когда провожали на шахту — слезу уронил. Обнял и говорит: «Ты смотри, Клим, не постыди нашу землю...» Легко сказать — не постыди! Домой бы теперь...

Семен. Перед экзаменом всегда к маме хочется!

Клим (*всматривается*). Кто-то маячит.

Семен. Громов! Он-то что?

Подходит Громов.

Громов. Здорово, буквари! Звездочку на копре погасили, такая темь на руднике...

Семен. Ты же бюллетенишь, кому работать?

Громов. Я бюллетеню, а вы в носу ковыряете?

Семен. Мы работаем!

Гро м о в. А слава кому? Курганову. Разинь глаза! Вы ночи не спите, всю душу вкладываете, а как преодолете — все достанется одному Курганову! Бригадир! Кого будут фотографировать? Его. А посылать в заграничные командировки? Его. Вы же для него тройка борзых... Вывозите Андрюшку.

Се м е н. Короток твой аршин, Боря.

Гро м о в. Зато мой, по соседям не занимаю, за спину девчонкам не прячусь!

Се м е н. Что ты оправдываешься? Сыграл труса, ну и гуляй, гуляй мирно...

К л и м. Пойдем, Семен! Видали мы громобоев! (*Уходят*).

Вбегает Феня.

Ф е н я. С утра ищу, Боречка!.. Бюллетенчик тебе организовала на три дня. У тебя ведь сильный припп.

Гро м о в. Что вы меня с дядюшкой медом обмазываете? В батраки меня наняли? Понял я теперь.

Ф е н я. Не любишь ты...

Гро м о в. Где больничный листок?

Ф е н я (*подает*). Возьми, пожалуйста.

Громов берет листок и разрывает на мелкие клочки.

Гро м о в. Вот моя любовь! Тебе понятно? Всю биографию мне испортили. Дурачка из меня сделали. (*Уходит*).

Ф е н я (*подбирает клочки бюллетеня*). Все растоптал. Дура я, старалась...

Входит Алданов. За ним вслед идут Семен и Клим.

И вы все со своей допотопной наукой. Ни любви, ни счастья от вашей лопаты. (*Убегает*).

А л д а н о в. Сдурела девчонка! Я и без того страсть разболелся! Врач говорит: лежи в постели. Ну, где тут лежать! Не с моим характером. Погодка-то на шахте...

Се м е н. Погодка — да... Барометр добычи подает. Разве алдановы будут лежать?!

А л д а н о в (*не понимая иронии*). Меня все хорошо знают на шахте.

Се м е н. Еще бы не знать Порфирия Парамоновича! Мастер...

А л д а н о в. Я уж говорю врачу: раз на то пошло — выпиши мне трудовой бюллетень. Под землей нельзя, так на шахтном дворе буду приносить пользу.

Се м е н (*тихо Климу*). Смотри, как я его куплю. (*Алданову*) Порфирий Парамонович, видали Бугрова? Он вас раза три спрашивал. Да.

А л д а н о в. Мне-то бы как раз нужно. А не слышал, за чем?

Семен. Разве он скажет! Вон Клим говорит: подвалило лаву. Надо разрезную печь. Срочно. Положение-то, видите, какое... А кто возьмется? Да Кондратьич и не пошлет туда кого попало. Зато он уж и денег не пожалеет... Наверное, и спрашивал затем.

Алданов. Говоришь, лаву?.. Не слышал. Там, будто бы, в порядке все...

Клим. Так это ж только что случилось! Шахта ж—не аптека!

Алданов. То правильно.

Семен. Эх, если б я умел такие аварии распутывать!.. Вот они и денежки бы! За такую работу Бугров меньше тысячи не заплатит. Шахта в прорыве!

Алданов. Вот, видите, сразу и тон другой. Кто выручать будет? Ох! *(хватается за поясницу)*. Костолом меня прямо со свету сживает, занедужил крепко... Где Бугров-то сейчас? Раз звал, надо откликнуться. Помогать надо шахте, помогать...

Клим *(кричит)*. Диспетчер! Где Бугров?

Семен. Кондратьич на подеме.

Алданов. Пойдем туда. Шахту выручать надо. *(Уходит)*.

Входит Нина.

Нина. Как экзамены?

Семен. Сдали на пять, начинай все сначала опять.

Нина. Ничего не понимаю. Что вы молчите?

Входит Бугров.

Бугров. Собрались? Хорошо. Экзамены отменяю. Надо давать уголь, уголь и уголь.

Нина. Потап Кондратьевич, а комбайн?

Бугров. Опять не понимаешь меня. Чего доброго, вслух трахнешь: Бугров против новой техники. Боже меня спаси! Я за новую технику горой. Учтите обстановку. Обязательства надо выполнять. Понимаете — обязательства! Порадуем народ сверхплановым угольком и примемся за комбайн. Комбайн — не лошадь, овса не просит, постоит малость.

Нина. Как постоит?

Бугров. Одеяло у нас короткое, Нина Артамоновна. На голову натянешь — ноги голые, и так далее. Качнулись с добычей, нажимать приходится. Вижу, сердишься. Говори, говори, не обижусь.

Нина. Что вы, Потап Кондратьевич! Я никогда с собою сердитых слов не носила. Разве вы виноваты? Вы, как загнанная лошадь, ходите по кругу, с надрывом тянете привод огромной машины...

Бугров. Лошадь, лошадь...

Нина. Простите, если я не так выразилась.

Бугров. Во, во, во! Наконец-то вы начали понимать, в каком хомуте мы, угольщики, ходим. Слышали! Мотайте на ус. Она как в воду глядит.

Семен. Слышали.

Бугров. Опять за свое!

Нина (*достает фото*). Ох, чуть не забыла... Потап Кондратьевич, посмотрите, пожалуйста, какие славные снимки вышли. Комитет комсомола вынес решение, а партком поддержал...

Бугров (*рассматривает фото, читает*). «Первая молодежная комбайновая бригада шахты «Веселые горки», организованная по инициативе Потапа Кондратьевича Бугрова...» Что комитет решил, а партком поддержал?

Нина. Организовать на центральной площади рудника витрину горных комбайнеров...

Бугров. Хорошо! А эти снимки куда?

Нина. Они будут в центре витрины.

Бугров. У всего мира на глазах...

Нина. Конечно. Эти снимки есть уже в редакции комсомольской газеты.

Бугров. Их опубликуют?

Нина. Обязательно. В комитете ждут газету.

Бугров. А партком поддерживает?

Нина. Да, партком поддерживает инициативу Бугрова.

Бугров. Ох, хо-хо! Значит, эти снимки обнародуют?

Нина. Ну, хватит, Потап Кондратьевич, комедию играть! Надел ты уже всем со своей мещанской хитростью.

Бугров. Что? Авторитет подрывать?

Нина. Ха! Авторитет! Да мы тебе создали его своей доверчивостью. Ты хотел, чтобы и они (*показывает на Клим, Семена*) так же, как и Громов, работали только на тебя, а не на государство? Что ты всегда говорил: «Постарайтесь, ребята, в поте лица рубайте уголек, как бог на душу положит, только перевыполняйте план, а уж чины и житейское благополучие ко мне придут» Грязненькая философия, товарищ Бугров!

Наверху в диспетчерской резкие телефонные звонки. В сигнальных лампах — красный свет.

Диспетчер (*в трубку*). Что? Что? Девятый Север? Курганов... Девятый Север! Девятый...

Все, затаив дыхание, подняли головы, слушают.

Бугров. Видали! Вот вам и комбайн! Натворили дел. (*Убегает*).

Нина быстро поднимается в диспетчерскую.

Нина (*в трубку*). Да, да. Где Андрей? Что с ним? Девятый Север, Север! Молчат. (*Диспетчеру*). Дайте мне пропуск в шахту.

Диспетчер. Вам пропуск? Сейчас? Что вы выдумали?
Нина. Конечно, я понимаю... Я прошу. Вы представляете, что будет?

Диспетчер. Нам представлять по штату не положено. Инженеры разберутся. Можете освободить помещение. (Звон). Что? Что? Врача? Сей минут. Феня, сумку на плечо — марш на Девятый Север. Там встретят.

Нина. Ну, что там? Курганова...

Диспетчер. Всякое происшествие на шахте есть тайна государственная. Понятно? Что вы меня заставляете разглашать государственную тайну! Панику на руднике хотите поднять?

Нина уходит из диспетчерской.

Семен. Теперь пиши — все пропало. Не видать нам комбайна, как своих ушей!

Клим. Эх, Андрюша, Андрюша!..

Входит Ферапонтыч. Он только что из шахты, весь пропылен.

Ферапонтыч. Ох, денек! Жарко! Волнуется? Это хорошо... (Подходит к Нине, обнимает). Красавица ты наша!.. Рудничная! Спасибо, научила старика!

Нина. Что с ним, Ферапонтыч?

Ферапонтыч. Не в нем суть. Ты, дочка, сделала дело. Человека на ноги поставила. Да, человека! Какой мастерище из него вышел! А не ожидал... Нет, каюсь, не верил я, пока своими глазами не посмотрел. Понимаешь, какой характер! А все ты... Нет, ты не обманулась! Правильный у тебя взгляд. От души радуюсь твоему счастью, от души...

Нина (нетерпеливо). Что там случилось?

Ферапонтыч. Что случилось? А то случилось, что шахтерская жизнь началась по-новому. Годков бы двадцать мне с плеч, я бы пошел к нему в помощники. Молодцы ребята! А как он ловок! Представляешь, дочка, не работа, а масляница. Ну, ловок твой Андрей!.. С крепью отстали малость, немножко закупило, посыпалось за воротник, — я и глазом не успел моргнуть, как твой Андрюшка заслонил собой всех, метнулся и поставил стойку. Много я на своем веку видел работяг, но таких смелых и решительных, помилуй бог, не видел! С таким не пропадешь! Теперь можно сделать окончательный вывод: верю я тебе, настоящую жизнь ты в корень видишь. Да... Царапнуло твоего Андрюшку малость. Ну, заживет до свадьбы.

Клим. Заживет? Да?

Семен. Значит, все в порядке. А я перепугался насмерть. Уф, черт!

Входит Бугров, за ним Алданов.

Бугров. Что ты за мной ходишь, как именинник? Некогда мне с тобой рассуждать, товарищ Алданов. Оталданил ты свое. Никаких я аккордных работ не сулил. У меня теперь есть

на кого опереться. Когда правильно руководишь людьми, оно правильно и получается. Так ведь, Ферапонтыч?

Ферапонтыч. Как бы так, а то этак! Долго я, грешный человек, тебе верил. Оказывается, верить-то... одна глупость выходит.

Бугров. Постой, постой, как понимать?

Ферапонтыч. Сверху казался — герой, а изнутри-то тнилой. Вот так и надо понимать.

Бугров. Не будем ругаться, Ферапонтыч.

Ферапонтыч. Нет, будем, товарищ Бугров! Будем не ругаться, а делать выводы.

Бугров. Выводы, выводы!..

Ферапонтыч. Долго я веровал в твой авторитет, Потап Кондратьевич. Очень долго. По глупой привычке. А ты, оказывается, пылил мне в глаза своими заботами о шахте. Ты ведь не о шахте думал, а только о себе, своей персональной пенсии. Ты, брат, жабрей на шахтерской полосе, вредная колючка...

Бугров. Умом своим и горбом наживал свою славу. Ох, хо-хо!

Ферапонтыч. Не прикидывайся, видим теперь. На шахтерском энтузиазме славу-то себе накопил. А ума твоего и раденья не видно. Потерял ты дорожку к шахтерскому сердцу, потерял, товарищ Бугров!

Нина (*Бугрову*). Где же Курганов?

Бугров. Придется Курганову выговор дать.

Нина. За что, Потап Кондратьевич?

Бугров. Для порядка, чтобы не торопился, не подставлял голову.

Входит Курганов, на голове у него свежий бинт. За ним Феня.

Феня. Ушиб — совершенный пустяк. Даже в книгу травматизма не стоит записывать.

Нина (*подбегает к Курганову*). Что с тобой, Андрей?

Курганов. Погорячился. Ну, мы все равно будем водить машину на четвертой скорости! Семен, вот иди, слушай, что надо предусмотреть...

Бугров. За смелость, спасибо, а за повязку выговор...

Нина. Позвольте, товарищ Бугров...

Бугров. Чего чего... кто виноват?

Ферапонтыч. Ты виноват!

Курганов. Что ж, Потап Кондратьевич, выговор так выговор. Записывайте. Только уж теперь вы никого на руднике не обманете, не досидеть вам до персональной пенсии.

Бугров. Так я и чувствовал. Они меня прогонят.

Уходит.

Ферапонтыч. Ты уж, Курганов не шуми. Своего ты характера скоро не переделаешь. (*Обращается ко всем*). Хочет-

ся мне сказать от всего сердца: солнечные вы мастера! Настоящие шахтеры! Шагайте, дружки мои, вперед, без оглядки на всех этих бугровых, да и меня туда же...

Нина. Впереди у нас есть и грозы, и бури, и слякоти всякой под ногами.

Семен. Пройдем!

Курганов. Пройдем хозяевами по землей своей!

Нина. Как я вас всех люблю. (Курганову). А тебя чуть-чуть больше. (Целует). Уж мы такие, и с нами ничего не сделаешь. Вперед, друзья!

Семен запевает:

...Выйди, любимая, вечером,,,
Взгляд урони на копры —
Наша шахтерская звездочка
Ярче небесной звезды.

Занавес.

У НАС В ПОСЕЛКЕ

(Из лирической поэмы)

Живут у нас в поселке
Два друга-пареньки.
На шахте новичками
Считают их пока.
Считают, а напрасно:
Три месяца подряд
На самом видном месте
Портреты их висят.
Иметь бы в каждом деле
Таких вот новичков! —
Дай срок, заткнут за пояс
Бывалых горняков.
И нету в этом чуда,
Один простой секрет:
Ребята молодые,
Всего по двадцать лет!
Да только ли в работе
Удача молодым?
Небось, девчата вскоре
Начнут вздыхать по ним...
Давайте в клуб шахтерский
Попутно завернем —
Мы всех, кого нам надо,
Сегодня здесь найдем.
Как жалко, что попали
На шапочный разбор!
Уже баян выводит
Знакомый перебор.
Вот лектор с толстой палкой
К дверям спешит бочком —
Райкомовский товарищ,
Он каждому знаком.
Давайте к баянисту
Подсядем. Так верней!

Вот новенький, тот самый,
Один из тех парней.
Смотрите, как девчата
«Стреляют» все в него:
Мол, славно ты играешь,
И сам ты ничего...
Но что-то, знать, сегодня
Не в духе наш Степан.
О чем-то неизвестном
Грустит его баян.
— Сыграй нам польку, Степа!
Платочек подарю!..
— Включите радиолу,
Пока я покурю. —
Сердито чиркнул спичкой
И замер, глядя в пол,
Как будто не на танцы,
А к поезду пришел.
Неладно со Степаном!
Пожалуй, в первый раз
На шумное веселье
Поднять не хочет глаз..
Давно ли он со всеми
Смеялся и шутил,
Забавно, по-актерски,
Незримый ус крутил?
Тряхнет, бывало, чубом,
Плечами поведет,
Кому-то улыбнется,
Кому-то подмигнет,
И так рванет тугие
Зеленые меха —
Ей-богу, раскачает
Любого старика!..

Окурок смял. Поднялся
Неловко, как на льду.
— Пускай под радиолу
Танцуют... Я пойду. —
Высокий, стройный, сильный —
Хоть ставь на пьедестал, —
Он даже с виду нынче
Каким-то жалким стал.
Идет, сутуля плечи...
А сбоку, позади
Кричат ему девчата:
— Степан, не уходи! —
Но вот и дверь закрылась.
Он вышел на крыльцо.
Смолистым ароматом
Повеяло в лицо.
На парочку в сторонке
Взглянул Степан, и вдруг
Померкли, потемнели
Все лампочки вокруг.
— Степан! Одну минутку.
Есть спички? Выручай. —
Подходит друг-приятель,
Тот самый, Николай, —
Румяный, белокурый,
Фасонистый слегка,
С гвоздикой белоснежной
В петлице пиджака.
На шутки, разговоры
Он так неуютим,
Что девушка любая
Скучать не будет с ним.
— Ты что?—спросил со смехом,—
Дай спички, говорю!
А он сует мне «Север»...
Ну вот... Благодарю.
И к девушке вернулся.
Степан — как в землю врос.
Рассеянно смотрел он
На пачку папирос...
Затем привычным жестом
Засунул их в карман,
Тряхнул беспечно чубом
И вскинул свой баян:

Мол, счастливо оставаться!
Нас вы не тревожьте.
До рассвета целоваться,
Миловаться можете.
Мы пойдем своей дорогой,
Тропкой неприметной,
Со своей мечтой-тревогой.
С музыкой заветною...

Пальцы бегают проворно,
Плечи не сутуляются...
Эх, подгорна, ты, подгорна,
Широкая улица!..

А улица в поселке —
Не видно ей конца...
Притихли молчаливо
Те двое у крыльца.
Вдруг девушка спросила,
Степану глядя вслед:
— Давно его ты знаешь?
— Давненько. С малых лет.
А что?

— Да так я просто...
Какой-то он чудной!
Едва меня завидит —
Обходит стороной.
— По-моему, боится,
Что влюбится в тебя... —
Задумалась Наташа,
Косынку теребя...
Потом опять с вопросом,
Прищурясь в полутьму:
— А ты не знаешь, Коля,
Кто нравится ему? —
И, словно спохватилась,
Добавила тотчас:
— Немало ведь хороших
Есть девушек у нас... —
В душе у Николая —
Обиды горькой ком.
— Быть может, потолкуем
О чем-нибудь другом? —
Наташа рассмеялась.
— Уже приревновал!
Скажи, какой Отелло...
Ну, что ты замолчал? —
Мужское сердце слабо,
Чего греха таить!
За нежную улыбку
Готово все простить.
Одно прикосновенье,
Один приветный взгляд —
И снова счастлив парень,
Как пять минут назад.
— Вчера я стих составил, —
Промолвил Николай,
Наташа оживилась:
— А ну-ка, прочитай! —
Недавнюю обиду
Совсем забыть успев,
Читал он, как поэты, —

Немного нараспев.
 Стихи, признаться, были
 Шершавы, как метла,
 Но девушка ни разу
 Его не прервала.
 Лишь там, где с медным тазом
 Он сравнивал луну,
 Она, как строгий критик,
 Сказала: «Ну и ну!»
 Умолк и ждал смущенно:
 Сейчас начнет ругать.
 — А Степа все играет... —
 Услышал он опять.
 Такого поворота
 Не вынес Николай.
 — Чего тебе он дался!
 Беги к нему! Ступай! —

Ступай... Да разве это
 Хотел сказать он ей?
 Но слово не поймашь,
 Оно — не воробей.
 — Прости, погорячился, —
 Взмолился Николай.
 Но девушка сквозь слезы:
 — Не тронь меня!.. Прощай!
 — Куда же ты, Наташа?!
 Наташенька! Постой! —
 Один остался парень
 На улице пустой.
 Как тихо, мрачно стало...
 И где-то в тишине
 Звучал напев баяна
 В заречной стороне.

☆☆☆

Любой из нас, конечно,
 Встречал в пути грозу —
 Кто в уличной шумихе,
 Кто в поле, на возу...
 Безветренно, спокойно.
 Палит нещадно зной.
 Два облачка на небе
 Сияют белизной.
 Глядишь, наплыли тучи,
 Откуда ни возьмись.
 Вот молния шальная
 Стрелой пронзила высь.
 Вот страшный треск раздался
 Над самой головой,
 И сразу дождь ударил —
 Тяжелый, проливной...
 Любовь приходит так же
 Внезапно, как гроза:
 Прожгут молниеносно
 Нас чьи-нибудь глаза,
 Спыхватимся, да поздно —
 Уж грянул в сердце гром:
 Как ливень благодатный,
 Кипит волнение в нем.
 Не ждал Степан, не думал,
 Что в шахте, у клетки
 Какая-то девчонка
 Возникнет на пути,
 Что ласковой улыбкой
 Согреет, а сама
 К другому повернется.
 Сходи теперь с ума!..
 Когда кого-то любишь
 И знаешь, что любим, —

Ты всех сильнее на свете,
 Ни в чем непобедим!
 Но где же взяться силам,
 Коль сам себе не рад?..
 На днях портрет Степана
 С Доски почта снят...
 Уехать от позора!
 Махнуть на все рукой!
 Ни шахте, ни девчонке
 Не нужен он такой.
 В те дни не замечала,
 Как был ему почет,
 А чем ее вниманье
 Сейчас он привлекает?
 Уехать с глаз подальше!
 Куда? Куда-нибудь...
 Недолго холостому
 Собраться, выбрать путь.
 На рынке потолкался,
 Распродав все Степан.
 Единственную радость
 Оставил он — баян.
 Хоть сам не знал, в какую
 Податься сторону,
 Придумал повод веский:
 «Решил на целину»...
 Расчетный лист — в кармане.
 Под вечер — на вокзал...
 Впервые Николаю
 Ни слова не сказал.
 А тот, узнав случайно,
 На миг остолбенел.
 Как был в шахтерке, в каске,
 Он в комнату влетел.

— Степан, так это верно?
В своем ли ты уме?
— Допустим, так. А что же
Прикажешь делать мне?
С работой неполадки,
Насмарку все пошло.
И вообще, я вижу,
Мне здесь не повезло...
— Подтянешься, я знаю!
Я первый помогу.
Ведь то ли дело — вместе!
Останься!

— Не могу...
Степан сидел угрюмый,
В окно глаза скосив,
Наигрывая тихо
Излюбленный мотив.
— Так...
— Николай в раздумье.

Прошел к столу, присел.
Зачем-то огляделся,
Сняв каску, вновь надел,
Графин к себе подвинул,
Налил воды в стакан
И жадно, залпом выпил.
— Останься! Слышь, Степан?
Ни разу не бывало
Раздора меж друзей.
Молчали, как чужие,
Всяк с думою своей.
— Н-да... Николай поднялся, —
Какой же ты чудак...
Конец, выходит, дружбе?
— Ну, что ж. Выходит, так —
Хотел Степан открыться, —
Раздумал. Для чего?..
Несчастье — за несчастьем:
Был друг — и нет его...

☆☆☆

Прощай, сторонка славная, —
Копры да терриконики!
Прощай, родная улица, —
Цветы на подоконнике!
Прощай, семья шахтерская, —
На редкость люди стойкие,
И вы, ребята brave,
И вы, девчата бойкие!
Прощай и ты, Наташенька,
Коварная насмешница!
Едва ли нам когда-нибудь
Еще придется встретиться...
Быть может, выйдет,
сжалится,
Услышит грусть-тоску мою...
«Она о нем печалится,
А я о ней все думаю»...
Не только, видно, в книгах
Бывают чудеса:
Мелькнула за калиткой
Наташина коса.
Ведь вот народец вредный!
Куда еще вредней! —
Узнала — скрылась в доме...
Скрывайтесь! Вам видней.
Степан прибавил ходу,
Минуя дом и сад.
Спешил, но с каждым шагом
Душа рвалась назад.
Какой знакомый голос! —
Наташа за спиной:

— Далеко ли собрался?
Не по пути со мной? —
Как будто кучер крикнул:
«С дороги! Берегись!»
Так парень растерялся,
Что ноги отнялись.
Застыл, моргая часто,
Не зная, что сказать.
Решил ответить шуткой:
— Отсюда не видать.
А по пути ли с вами —
Смотря куда идти...
Коль с кем-то на свиданье,
Тогда не по пути. —
По тону, вроде, шутит,
А взгляд... печальный взгляд.
— Нет, правда, вы далеко?
— Куда глаза глядят... —
Уже дома все реже,
Вблизи простор полей...
Смешно глядеть на робких,
Застенчивых парней!
Смешно, когда вы сами
Семейные давно,
А каково герою?
Ему-то не смешно!
Идет Степан, потупясь.
Нелегкий, братцы, путь!..
Боясь задеть Наташу,
Идет поодаль чуть.
А мог бы сделать проще:

Взять под руку ее,
 Признаться откровенно,
 Что счастье в ней твое.
 Оно не за горами,
 А рядышком с тобой —
 В цветистом легком платье,
 В косынке голубой.
 Твое оно — от длинной
 Каштановой косы
 До белых босоножек,
 Промокших от росы.
 Не потому ль Наташа
 Травинку все грызет,
 Что хочет скрыть волнение
 И ждет чего-то, ждет?..
 Еще одно мгновенье —
 Все выскажет Степан.
 Невольно шаг замедлил..
 Эх, пан или пропал!
 Но память в это время,
 Как будто невзначай,
 Услужливо шепнула:
 «А как же Николай?»
 Поморщась от досады,
 Он глухо произнес:
 — Ну, счастья вам желаю!..
 Вон... кличет паровоз. —
 Рывком пожал ей локоть
 И грузно зашагал
 Туда, где свет вечерний
 Над полем догорал.
 Решись он оглянуться
 Хотя б на краткий миг, —
 Он понял бы: Наташа

Едва сдержала крик.
 Стояла на дороге,
 Ладонь подняв ко лбу..
 Казалось, провожала
 Любовь свою, судьбу..
 И долго так стояла,
 Вся в розовых лучах.
 Подбитой птицей билась
 Косынка на плечах..
 Вот он свернул направо,
 Как в воду, канул в рожь..
 Иди домой, Наташа,
 Чего еще ты ждешь?..
 Тихонько повернулась,
 Пошла. Быстрой, быстрой..
 И вот уж побежала,
 Да так, что пыль за ней.
 Мешают босоножки —
 Долой! И босиком
 Вприпрыжку, без оглядки —
 К поселку напрямик.
 В какой-то двор метнулась
 На фары «Москвича»
 И двери распахнула,
 Взволнованно крича:
 — Скорее, дядя Ваня!
 Машину мне... Скорей..
 — Наташа, что случилось? —
 Шахтер-хозяин к ней.
 — Уедет!..
 — Кто уедет? —
 Шахтеру невдомек.
 Но снял с гвоздя фуражку
 И тут же — за порог..

☆☆☆

А Николай тем часом
 Подушку мял, курил.
 За выпад свой ревнивый
 В душе себя корил.
 К стихам прилил! Растяпа!..
 Степана проглядел!
 Ведь даже распрошаться,
 Как надо, не сумел!
 И с девушкой, и с другом
 Порвал, выходит, нить..
 Сходить к Наташе нужно —
 Проверить, уснуть!
 ...Бродил он по поселку,
 Покинутый поэт.
 Был в клубе, на квартире —
 Нигде Наташи нет.
 На окнах пламенели
 Закатные лучи..

Куда она девалась?
 Хотя в каждый дом стучи..
 Бродил, и незаметно
 К околице пришел,
 Где буйная крапива
 Скрывала частокол.
 Нежданно в ту крапиву
 Попал он, сторонясь, —
 Стремительная, с ревом,
 Машина пронеслась.
 Ожоги потирая,
 Дивился Николай:
 Какой дурак сорвался?
 Напился, так и знай.
 Глядел он на дорогу,
 Ругая лихачей.
 А там лишь пыль клубилась
 И таял сноп лучей..

Владимир МИРОХИН

ШЕФЫ

Рассказ

Чуть брезжит рассвет. В морозном воздухе скрипят полозья, пофыркивают лошади. В передних санях сидит дед Спиридон. Из-за воротника мехового полушубка торчит его побелевшая от инея борода. Густые брови сдвинуты, кожа на лбу собрана в глубокие морщины. Правит лошадью председатель колхоза Матвеев. Следом — еще три подводы с на-родом.

— Да не журись, Спиридон Степанович! — пытается ободрить старика Матвеев. — Нам только до места доехать. Та-кой артелью в одночасье столько отдушин наделаем — весь лед на пруду всковыряем.

Дед вскидывает седые брови, — в глазах тоска, — и го-ворит с укоризной:

— Какой толк после времени-то!

Матвеев виновато отводит глаза:

— Неужто и задохнулась рыба?

Спиридон Степанович сам бы хотел об этом поскорей уз-нать, поэтому он только глубоко вздыхает.

— Ну, если случилось непоправимое, — через некоторое время заводит разговор Матвеев, — придется весной вновь запросить этих самых мальков. Привезут.

Спиридон Степанович привстал, посунулся вперед, на пред-седателя:

— Как это ты так легко говоришь, «привезут», а?! Загу-били мальков, а теперь — «привезут»!..

— Но не нарочно же, всякие случаи бывают, — оправды-вается Матвеев.

— А они не должны быть, случаи-то! Их предвидеть и пре-дупреждать надо. Да... Был бы ты вчера трезвым...

— Выходит, мне нельзя и Новый год встретить, как всем прочим людям?

— Как тебе сказать... — дед усаживается на прежнее место, колючие глаза его смотрят в упор на раскрасневшееся слегка припухшее лицо председателя. — Расскажу я тебе одну притчу, а что к чему — сам разумеи.

Матвеев зло ударяет вожжей по крупу лошади, настораживается: уж дед скажет что-нибудь такое...

— Н-да, — смахнув с усов иней, продолжает Спиридон Степанович. — Случалось, думаю, тебе в летнюю пору наблюдать такую картину. Жара, дышать нечем, а на курах, известно, и летом зимняя одежка! И не мудрено, скисли они, в пыль закопались, глаза закрыли, всякую предосторожность забыли. Потому, истомы их совсем допекла. А для петуха будто тебе погода другая: стоит бодрый, ровно бы солдат на часах. Головой ворочает туда-сюда, наблюдает. Чуть где ястреб в небе запарил, сей же час: «К-р-р» — предупреждение подает. Петух — глупая, можно сказать, птица, а вот поди ж ты! Куры в изморе, он в дозоре. Разумеешь?

Матвеев улыбается, но улыбка — кислая.

...Мальков сазана весной в колхоз на самолете забросили. В пруд спустили. Наблюдать, ухаживать поручили Спиридону Степановичу. Лучшего человека не подыщешь, пристрастие к этому делу имеет с малолетства. Шефствовать из'явили желание пионеры во главе с Витюшкой Матвеевым — сыном председателя. Помогли деду досчанник проконопатить, затончик выкопать, где мальков стали подкармливать. Ну и другое что, только дед намекнет, мигом исполняют.

К осени сохранились, подросли сазаны. Еще год — и вылавливать бы можно. И вдруг беда обрушилась, да когда! В самый канун нового года! Мечется дед по деревне, никого из руководителей не сыщет. Контора, и та на замке: сторож Андрон не усидел, отлучился к сватье самодельной колбасы отведать.

Куда теперь? Решил к самому председателю на квартиру итти. «Все равно не отступлюсь, — рассуждал сам с собой Спиридон Степанович, торопко шагая вдоль улицы. — Оно и неудобно беспокоить, да уж пусть не гневается. Потому, дело такое, малейшего отлагательства не терпит, каждый час дорог...»

Вот и дом председателя. Обмахнул с валенок снег, зашел в хату. И сразу понял: напрасно время терял. За столом Витюшка маску из бумаги мастерит. Сегодня вечером елка у них в школе, вот он и готовится. На печке бабка дремлет. За печкой сверчок трещит.

— А где же хозяин?

— Нетути, к свату Никишке в гости ушел, — отозвалась бабка. — Свадьба у него: сына женит. И Новый год встречают.

— Свадьба!.. — упавшим голосом повторил Спиридон Степанович, мешковато опускаясь на лавку. Устал. Не шутка: на пруд сходил, по деревне уже сколько бегаёт! От быстрой ходьбы в груди покалывает, дышать трудно.

— А что у вас случилось, дедушка? — участливо спросил Витюшка.

— Беда, парень! — Спиридон Степанович опустил седую голову, взялся за грудь, прокашлялся. — Беда! — повторил он. — Вода в пруду испортилась. Не стало в ней этого самого газа — кислорода. Задыхаются рыбы.

— Задыхаются?! А что нужно делать?

— Лунки рубить, отдушины. Пойду твоего отца разыскивать. Пусть людей посылает.

Дед взял свой батожок и снова зашагал вдоль улицы. А Витюшка отодвинул незаконченную маску, положил русую голову на ладони и задумался. Потом разом сорвался с лавки, накинул шубейку, рукавички достал из печурки, и не успела бабка спросить: «Куда ты?», — его уже след простыл...

Спиридон Степанович, опираясь на батожок, преодолевая супробы, продолжал свой путь в самый конец села. На минутку остановится, переведет дух и снова топает.

У Никиты гулянка в самом разгаре. На все лады ревет гармонь, стонут половицы под ногами подгулявших гостей. Деда к столу потащили, брагой угощают. Но он заотрез от всего отказался: не за тем он! Ему до крайности председатель нужен по неотложному делу.

Матвеев подошел, выслушал, пообещал:

— Будь спокоен, старина, пошлю людей. Иди отдыхай.

— А пошлешь?

— Сказано — будет сделано...

Но сказанное осталось несделанным. Охмелел Матвеев и забыл свое обещание...

И вот теперь терзается, совесть его мучает. Не забудет, не простит ему этой оплошности Спиридон. Отчетное собрание скоро, — непременно выступит с критикой, а то и в газету напишет. На весь район ославит. Больше Матвеев и не пытается оправдываться, гонит коня, — поскорей выяснить хочется, нельзя ли еще дело поправить.

Наконец и солнце вылезло из-за далекой сопки, яркими звездочками загорелись снежинки. А они уже с берега спускаются, приехали. Смотрят — что такое? На поверхности пруда холмики изо льда и снега. Спиридон Степанович глаза протер, не мерещится ли ему? Нет, не исчезают. Слезли с саней, скоренько подходят: лунка, в коричневой воде сазаны морды,

жабры, словно мехи, раздуваются. Помахал дед батожком — мигом исчезли, и тут же на их место другие подплыли.

— Живые! — воскликнул радостно Матвеев.

— Живые, точно! — повторил изумленный дед. — Но кто же отдушины наделал?

— А это я тебя должен спросить, как заведующего рыбным хозяйством.

Спиридон Степанович только руками развел.

Следом остальные подводы подехали. Все столпились возле лунки, дивятся на сазанов.

А в это время бегут по полю на лыжах Витюшка Матвеев, Славик и два Жорика — активисты отряда. Торопятся! Вчера всем отрядом до полуночи рубили лед, а всего пять лунок сделали. Помогло это или нет — скорей узнать хочется. Скатились с берега на лед, а там столько людей — даже растерялись! Стоят, переминаются...

Первым заметил ребят Матвеев. Толкнул локтем деда:

— Смотри, Степанович, мы с тобой гадаем — кто? Кто же, как не шефы, пришли тебе на помощь?

— Вот уж, и в мыслях не было! — признался Спиридон Степанович. — Потому, как зима. Думал, непосильно для ребят. К тому же, елка у них в школе, такой праздник раз в год!..

— М-да-а, — неопределенно промычал себе под нос Матвеев. Опять укор ему. Ребятишки и с праздником не посчитались.

— Сын-то, видно, не в батьку, не променяет дела на гулянку, — заметила Авдотья Проскурякова.

Матвеев густо покраснел. Покосился исподлөбья на Авдотью, заметил улыбки на лицах колхозников и промолчал. Нечего было сказать ему...

Николай ИСАЕВ

ЛЕТЧИК

Рассказ

У механика участка Василия Ивановича Саймова гости: старый шахтер Семен Григорьевич с женой Прасковьей Давыдовой, молодожены Леонид и Зиночка, бухгалтер Федор Лукич и начальник участка Алексей Михайлович.

Поздравили хозяина с днем рождения. Разговорились о жизни, о событиях, которые произошли в горняцком поселке за последние дни. Только Алексей Михайлович сидел молча, опустив свои массивные плечи. Наконец он поднял большую голову и, обведя гостей задумчивыми глазами, проговорил:

— А вы знаете, Скворцова, начальника орс, с работы сняли...

— Вот удивил! Первого, что ли? — шмыгнула вздернутым носиком Зиночка.

— Ничего особенного, конечно, — согласился Алексей Михайлович. — Но вот почему жена после этого от него ушла — не пойму...

— Дебет с кредитом человек свести не может, — поправив большие очки на горбатом носу, сказал Федор Лукич. — Всегда так: муж в почете — жена с ним, сняли с работы — бросила.

— Не согласен, — возразил Леонид. — По-моему, от хорошего мужа жена не уйдет. Зарабатывает он деньги — чего еще нужно?

— Эх, молодежь! — вздохнул бухгалтер. — Ты, Леня, видал: идет женщина, на которой разных шкурок дорогих нашито где надо и где не надо?

— Встречал.

— Кто она? — говорят о такой.

— Как кто? — вместо Леонида ответил старый горняк. — Лицо его, усеянное мелкими синеватыми точками, выражало недоумение. — Артистка знаменитая или ученая женщина.

— Не то, не то, Семен Григорьевич! Не артистка, а жена начальника, говорят. Вот как! — и Федор Лукич поднял длинный сухой палец. — У нее ни имени, ни положения общественного. Всего только и есть, что жена начальника. Отними у нее мужнину славу да сними шкурки-овчинки, и... пустое место останется.

Все замолчали, не находя, что возразить Федору Лукичу. Некоторое время молчал и хозяин, Василий Иванович. Потом лицо его вдруг озарила загадочная улыбка, от глаз побежали веселые морщинки:

— Знаешь что, Федор Лукич? Я тебе историю одну расскажу. Рассуди. Она, правда, старая, но к сегодняшнему разговору подходит.

— Давай, — нехотя проговорил бухгалтер, — меня не переубедишь...

— А я и не собираюсь.

— Где уж тебя, Лукич, переубедить! — махнула рукой грузная Прасковья Давыдовна. — После того, как в войну жена от тебя ушла, так ты всех женщин ненавидеть стал!

— Ну, давай, рассказывай, Василий Иванович, что у тебя там, — попросил старый горняк.

Все умолкли. Саймов, вздохнув, начал:

— Когда я призывался в армию, меня в ВВС зачислили — в авиацию, значит. Пришел я домой, в колхоз, и говорю друзьям: «Летчиком буду!» Все, известное дело, позавидовали мне. Только мать-старушка по-другому восприняла мою радость. Перед отъездом отвела меня в угол, перекрестила три раза и со слезами на глазах проговорила: «Летать-то летай, сынок, но христом-богом прошу — пониже да потише. А то, не дай господь, разоб'ешься».

День отъезда пришел быстро. Как говорят, не успел собраться — и в путь пора. На глазах слезы... То ли от радости, что в авиацию еду, то ли от разлуки с родными. А тут еще война началась. «Может быть, и не вернусь?» — не раз приходило мне в голову.

Но поезд пошел не на запад, а на восток. Через три дня мы уже были в школе, только не в летной, а в технической. Что тут было — вы представить себе не можете! Как только мы не возмущались! Между собой, конечно...

«Да знают ли они, кто я! — колотил себя в грудь парень из Томска. — Я от природы летчик: и рост подходящий, и вес небольшой. Да и крылья есть, даром что их не видно».

Не понравился и мне такой оборот дела. А потом понемногу все притихли, успокоились, — как никак, а все-таки авиация!

С неделю мы были в карантине, отдыхали, пока занятия не начались. Вот тут-то трудненько пришлось! Каждый день строевая подготовка, стрельба, техническая учеба — по 10—12 часов в сутки занимались. Один преподаватель приходит, говорит о каких-то стрингерах, шпангоутах, нервюрах, другой — о диффузорах, жиклерах. Ну, думаю, если все выучу — наверняка полысею! Хорошо, что память моя, спасибо ей, выручала: сегодня слушаю, а завтра забываю. А потом ничего, полазил по самолету, покопался в моторе, посмотрел да пощупал эти самые детали и названия их запомнил. Втянулся в учебу и не заметил, как экзамены пришли, а там выпуск из школы.

Присвоили мне звание сержанта. Аккуратно приколот к петлицам два угольника и птичку, и к командиру взвода: «Товарищ лейтенант, отпустите в город: сфотографироваться крайне надо, мамаша просит». Лейтенант согласился. Тут попутчик нашелся. Он где-то фуражку с капустой достал (так в авиации кокарду называют). Сфотографировались. Выкупаю через неделю — и не узнаю себя: прямо-таки настоящий **летчик!** И вот я одну карточку мамаше послал: смотри, мол, каков сынок у тебя! А вторую — подруге детства. На обратной стороне карточки подпись сделал, да не просто, а стихами:

Парю над сопкой в облаках,
Привет тебе, привет!

А дальше что-то про любовь и «на много лет» еще добавил.

Через месяц мотористом приехал в часть, в корректировочную авиаэскадрилью, и стал «летать». Утром начинал с винта, а к концу дня с тряпкой и ведром благополучно приземлялся на лопатки под хвостом самолета.

Среди гостей послышался смешок. Саймов закурил, разогнал рукой дым:

— Механиком на самолете был Витя Снегирев, тоже сержант, хороший парень! Я как-то рассказал ему, что хотел быть летчиком, а не механиком. «Я тоже, — говорит, — мечтал когда-то об этом, а теперь вижу, и техником быть неплохо. Мы большое дело делаем. Авиация без нас, что часы без пружины». А нужно сказать, материальную часть он знал, как дорогу в столовую. По слуху любую неисправность в моторе определит. С ним-то я быстро освоился. «Быть тебе механиком! — говорил Виктор. — Надо только литературу кое-ка-

кую изучить да экзамены сдать. Я тебе помогу». И Виктор достал нужные книги, но только готовиться мне не пришлось. Прошел слух, что в Читу, в командировку, должна выехать группа техников нашей эскадрильи, и, как часто бывает, слух подтвердился. Выделили троих, в том числе и меня.

Я так и подпрыгнул, от радости обнял механика. Ну, сами понимаете, что значит из безлюдной степи попасть в большой город!

Стал собираться в дорогу. Всякими правдами-неправдами волосы сантиметра на три отрастил, у младшего лейтенанта сапоги выпросил. А то неудобно как-то выходило — авиатор, и в обмотках...

— Вы, гости, кушайте. Его не переслушаешь, — сказала жена Саймова, Галина Николаевна, ставя на стол тарелки с пельменями.

— Подложи-ка мне, мать, — потирая руки, сказал Семен Григорьевич. — За границей, рассказывают, устрицы какие-то едят, и нравятся им эти ракушки. А я думаю, это потому, что русских пельменей не пробовали. Чкалов великий летчик был, и тот в Америке от устриц этих отказался, а про пельмени вспомнил.

— Не мешай слушать! — одернула его жена.

Саймов улыбнулся и продолжал:

— В Чите я познакомился с одной девушкой. Забавно получилось!

— Вот-вот, ты давай ближе к делу — не отвлекайся, — вставил Федор Лукич.

— ...Приходим я и еще двое в городской сад. Девушек там уйма! Ну, думаю, отхвачу себе, чтобы друзьям завидно было. Обвел глазами кругом и нашел. Стоит одна у барьера, ничего, вроде, — и фигурка ладная, и лицом смазливенькая.

— А может быть, помятче выражаться можно? — поправила Саймова жена.

— Ну, а если скажу просто — хорошенькая, подойдет?

Жена с улыбкой пожала плечами. Саймов хитро подмигнул.

— Я к ней, к этой девушке. Сделал, что называется, разворот и руку ей подаю; успевай, мол, а то опоздаешь.

— Вот такие парни нравятся мне! — оживилась Зиночка.

— Не то, что ты, — она толкнула в бок Леонида. — Только и танцешь, когда пьяный, да и то живости нет. Вертись вокруг тебя, как вокруг столба какого...

— Ладно тебе! — пробурчал Леонид.

— Что ладно? Учись хорошему обхождению!

Глаза у Зиночки заблестели. Пухлые губы вытянулись. Вздернутый носик сморщился.

Саймов нарочно помедлил.

— А она, девушка эта, посмотрела на меня внимательно и говорит: «Что это вы, как козел прыгаете?». «А как нужно?» — спрашиваю. «По-человечески», отвечает.

Улыбку с лица Зиновки как ветром сдуло.

«Ну, не беда, что отбой дала, — рассудил я, — другую найду». Подхватил какую-то девушку и пошел вальсировать. На следующий танец пригласил другую, потом — третью. Танцевать-то танцую, только сам не свой! Охлаждение ко всему получилось. Она тоже танцевала, но с девушками больше. Ребят мало было. Заело меня немного, да и заинтересовало. Через некоторое время снова подхожу, но теперь уже с робостью — куда смелость девалась! Пригласил честь по чести, как положено. А она говорит: «Вот это правильно, и первый раз так бы нужно было». Весь вечер я танцевал с ней, а потом и до квартиры проводил. На другой день в кино ходили. После стали встречаться часто. Но все-таки робел я перед ней...

До сих пор помню я один разговор. В саду опять же дело было. Девушка посмотрела на мои петлицы и спрашивает: «Вы в авиации служите?». «Да, в авиации», — отвечаю. «И летать приходилось?» «Не без этого». «Хорошо, наверно? Расскажите о первом своем полете. Вы о нем, конечно, лучше помните». Ну, решил я, попал в штопор! Что ей скажу? Ведь за всю жизнь летал только раз, да и то с березы. Выше второго этажа не поднимался. А тут надо врать, да складно, чтобы поверила... Сознаться, что не летал на самолете, как-то уже неудобно было. Другой я бы напел чего-нибудь, а перед ней растерялся. «Ничего особенного, — говорю. — Вот самолет бежит, поднялся и летит. Смотришь, вверх — небо, вниз — земля».

Все рассмеялись. А Алексей Михайлович спросил:

— Как же это девушка твоя поняла?

— Рассмеялась и сказала: «Чудак вы!.. Я вас серьезно спрашиваю». Через несколько дней она уехала.

Встретились мы с ней месяца через два. И знаете где? В артиллерийском полку. Она, оказывается, там телефонисткой служила. Вышла встреча так: мы поехали в полк этот на экскурсию, пушки смотреть. Ну, известное дело, когда встретились, то мне не до пушек было. А знаете, как она меня приветствовала? «Здравствуй, летчик!», говорит, а сама хитро прищурила глаза. Я понял, на что она намекает, и покраснел. Смешками больше от нее не отделаешься! — решил я. Один выход оставался — полетать на самолете. И полетел! Но слушайте, что из этого получилось.

Как-то утром Виктор, механик мой, сказал, что на другой день полетит в зону старший лейтенант Бабко, командир нашего звена. Виктор взялся словечко за меня замолвить. Да и

я рулил возле командира целый день. Бабко сначала не хотел меня брать: полеты по зоне — дело серьезное, а потом согласился. Человек он был хороший, как и большинство летчиков эскадрильи.

И вот на второй день я помог технику звена подготовить машину к полету и первым забрался в кабину.

...Вырулили на старт. Дежурный по полетам поднял вверх флажок, что значит — внимание! Потом вытянул руку в сторону взлета. Мотор взревел, самолет затрясло! Он сорвался с места и побежал вперед. Земля замелькала, как оборванная лента на экране, потом стала быстро удаляться. Набрали высоту. Чувствую себя бодро, петь хочется! И вдруг самолет как в яму провалился. У меня так все внутри и похолодело... Уцепился за сидение, чтобы не выскользнуло. Потом самолет подбросило кверху, и все стало на свое место. Не успел я опомниться, как машина свалилась на нос и земля быстро стала приближаться. Я от страха закрыл глаза. Пропал, думаю! Открываю глаза — и чудо: земля вынырнула откуда-то из-под хвоста и, пролетев над головой, точно сорванная ветром крыша, ушла под крыло. И с этой минуты ее стало бросать из стороны в сторону. То она впереди окажется, то на ребро станет, то опять вверху! В голове у меня закружилось и интерес к полету пропал...

Сели. Прирулили на стоянку. Смотрю, народу много, и не наши, а чужие какие-то. Помогли мне вылезти из кабины, добраться до землянки, дали воды и покурить. А вечером те, что в Чите со мной были, и говорят мне: «Знаешь, что на аэродроме подружка твоя была, видела, как тебя за ворот из кабины тащили? Нечего сказать — летчик тоже!».

Гости рассмеялись.

— Ой, как нехорошо! — покачала головой Зиночка. — А летчик, Василий Иванович, наверно, орлом выглядел?

— Конечно. Ему-то было не привыкать... Через несколько дней от девушки письмо получаю, приглашает в кино. Не пошел. Думал, специально зовет, чтобы посмеяться. Получаю второе, третье. Пошел — страшнее, чем в полете, не будет! Заглянул в зал клуба, вижу такую картину. У стены стоит подружка моя и улыбается, а младший лейтенант Колосков — летчик нашей эскадрильи — кружит вокруг нее, как самолет над аэродромом, которому посадку не разрешили... Махнул я на все рукой и обратно зашагал.

— Летчик — вот и другая статья получается! — одобрил Федор Лукин.

— А потом нашу эскадрилью в другое место перебросили. А там и война с Японией началась...

Саймов умолк.

— И все? — покачал головой Семен Григорьевич.

— Нет. Сдал я на механика, стал работать самостоятельно. Летать чаще приходилось, теперь уж я лучше себя в воздухе чувствовал.

— Не об этом я тебя, Василий Иванович, спрашиваю, — недовольно перебил Семен Григорьевич. — Мой интерес: с подружкой встретился или нет?

— Встретились в Порт-Артуре, когда она на пароход садилась. Вот тут-то я ей все и выложил. Она слушала меня, слушала, а потом посмотрела так, прямо в глаза, и сказала: «Ничего ты не понимаешь, Вася!». Пароход ушел. Я остался на берегу один...

Саймов опять замолчал.

— И разошлись, как в море корабли... — подвел итог Леонид.

— А как же иначе? В армии то же самое: девушки смотрят на тех, у кого звездочек побольше да у кого покрупнее они. Обычная история! Не пойму, к чему ты только рассказывал? — Сказав это, Федор Лукич снял очки и начал старательно протирать их, как будто подвел баланс.

— Конечно, — сказала Зиночка. — Что толку в человеке, если у него никакого авторитета! Вот мой Леня прилично зарабатывает, а «Победу» купить не можем. А будь он инженер или начальник какой, казенную машину дали бы. И не стала бы я в магазины да на базар пешком бегать.

— Да, история... Забурилась, значит, любовь твоя, Василий Иванович! — вздохнул Семен Григорьевич и, помолчав немного, спросил: — Ну, а хоть письмо написала тебе?

— Зачем писать? Она здесь, каждый день видимся.

— В городе?!

— Да нет, дома. И за столом с нами сидит...

Все посмотрели на смущенную Галину Николаевну. После некоторого замешательства из-за стола поднялся Алексей Михайлович и, покосившись на Федора Лукича, произнес:

— Давайте выпьем за Галину Николаевну, за всех, кто не по расчету, а по любви в жизни сходится.

Руки гостей потянулись к рюмкам. Только Федор Лукич сидел неподвижно, опустив голову...

Василий ДУБСКИЙ

БЕРЕЗКА

Рассказ

...И все-таки баян мне больше по-сердцу. Я так считаю: все эти балалайки, гитары и разные там домры в музыке то же самое, что на шахте мелкая механизация. А вот баян — это совсем другое, это, я бы сказал, музыкальный комбайн!

Да стоит ли ходить далеко за примером! Жил у нас в общежитии один забойщик, Федя Горшков. По комплекции его скорее всего можно было принять за штангиста или борца; физиономия, как говорят, без лирики. Однако на баяне играл ловко. Выйдет, бывало, вечером на улицу, растянет малиновые меха да как фванет «Яблочко», глядишь, — и посыпали ребята из комнат, и разгорелся сыр-бор до поздней ночи!

Замкнут, неразговорчив был Федя — лишнего слова от него не добьешься. Но мы его уважали.

Только однажды случилось с ним вот что.

Был тихий августовский вечер. В скверике, перед фасадом молодежного общежития, по обыкновению, танцевали.

И вдруг из шумного потока танцующих выбежала невысокая девушка в голубом платье и белых босоножках.

— Федя! Сыграй «Березку»!

— Что? — А-а... может быть, лучше... «На сопках Манчжурии»?

На щеках баяниста вспыхнул яркий румянец. Дело в том, что Федя не играл «Березку», не давалась она ему как-то...

— Извини. Я думала, ты все умеешь! — в голосе девушки прозвучала, как ему показалось, явная насмешка.

Катя Снегова работала мотористкой на том же участке, где и Федя. А жила она в соседнем общежитии, поэтому частенько приходила с подругами к нам на огонек. Танцевала она с увлечением, легко, красиво. И, что греха таить, многие хоть чуточку, да были влюблены в Катю! А Федя Горшков — больше всех.

И вот эта самая Катя обидела парня. Конечно, едва ли она догадывалась о фединой любви...

«Эх, Катя, Катя! — говорил иногда пристальный федин взгляд. — Неужели ты ничего не замечаешь?»

— Разрешите, я им сыграю «Березку», — вежливо попросил незнакомый парень. Федя увидел рослого черноглазого парнишку в синей гимнастерке ученика школы ФЗО.

— Попробуй... Он отдал баян и медленно побрел из сквера. А черноглазый ловко закинул на плечо ремешок, сел на фединое место, пробежал быстрыми пальцами по клавишам и улыбнулся Кате:

— Значит, «Березку»? Попробуем!..

Баян в его руках буквально повеселел, голосистей, напевней стал, он выговаривал каждую нотку! Его звуки, то спокойные, задумчивые, то беззаботно стремительные, вели в поля, в бескрайнюю ширь хлебов, где безоблачная синь августовского неба и... березка, нежная, стройная...

Катя танцевала с упоением, чуть-чуть откинув голову.

Я стоял в сторонке и любовался Катей. «Такая не сразу любит, — почему-то решил я. — Но уж если полюбит, то всей душой, на всю жизнь!»

Мне стало вдруг немного жаль и Федю, и себя, и всех, кто также украдкой смотрел на девушку.

А на другой день черноглазый незнакомец пришел на наш участок проходчиком. Действительно, он только что окончил ФЗО и теперь, как говорится, начинал свою шахтерскую жизнь. И надо же случиться, что работать его послали вместе с Федей Горшковым! Звали новичка Игорь Капустин.

— Ну как, нравится тебе напарник? — спросил Горшкова начальник участка.

Федя хмуро оглядел новичка и ответил:

— Поработаем — увидим...

До самого участка они шли молча. Федя вообще терпеть не мог всякие лишние разговоры, а Игорь не решался начать первым: сердитый вид Горшкова не располагал его к откровенной беседе. Но когда пришли в забой Второго Параллельного штрека, где им в этот день предстояло работать, Федя неожиданно спросил:

— Значит, Игорем звать?

— Игорем.

— Из интеллигентов, что ли?

— Нет, из рабочих...

— Ага! Так, так... Ну, вот что, Игорь, возьми у привода по-
рожний бидон из-под масла да сходи на основной штрек за во-
дой. Рештаки мыть будешь...

— Рештаки мыть? Это зачем? — улыбнулся Игорь.

— Нужно, раз говорят, — пряча глаза, ответил Горшков.
Но скоро нашелся: — Про угольную пыль слышал? Так вот,
чтобы не было взрыва и прочее...

— А лопаты? — осторожно спросил Игорь.

— Что лопаты? — не понял Федя.

— Лопаты не нужно мыть? Они ведь...

— А ты, видать, образованный! — усмехнулся Горшков. —
Молодой специалист, так, что ли?

— Так точно! — весело отчеканил Игорь.

Но Федя вовсе не думал шутить.

— Тогда вот что, товарищ Морковкин, — уже деловито ска-
зал он. — Пойдешь сейчас лес таскать...

— Только не Морковкин, а Капустин, — поправил Игорь.

— А, дело не в этом! Брюквин ли, Тыквин ли!.. Привык-
нем... Пошли, я покажу, где лес находится...

Не попадись им навстречу Катя, Федя, конечно, отменил бы
свое решение: поднимать стойки на Второй Параллельный од-
ному, да еще новичку, было очень нелегким делом. Но Катя...
Катя испортила все!

— Как! Вы... на нашем участке?! Вот хорошо-то! — вос-
кликнула она, увидев новичка.

А что Катя именно обрадовалась, а не просто удивилась,
Федя очень хорошо понимал. И бедному Капустину суждено
было в первый день самостоятельной работы потрудиться, как
говорят, до семи потов. Но он оказался на-диво упрямым! Весь
лес на Второй Параллельный был доставлен им в точно указан-
ное время.

— Ну, как? — спросил Федя, когда они возвращались до-
мой. — Это, небось, потруднее «Березки»?

— Ничего, осилим!

«Скажи, какой! — подумал Горшков. — Ну, погоди, ягод-
ки ты еще не видел!..»

Назавтра Федя заставил своего напарника грузить уголь.

— За два часа надо управиться, иначе...

Игорь окинул взглядом десятитонную груду угля и, не за-
думываясь, ответил:

— Управлюсь!

Проводив Горшкова, который отправился бурить просек,
Игорь поправил на голове каску и, помахав лампочкой мото-

ристке, чтобы та включала конвейер, взялся за лопату. Вначале она показалась ему легкой, послушной, но помаленьку становилась все тяжелее, черенок скользил в его руках и часто куски угля падали мимо рештаков.

Игорь сделал небольшую передышку. Потом снял пиджак и в одной майке снова принялся за навалку. А через десять минут вновь вынужден был отдыхать. По разгоряченному лицу его струился пот, во рту пересохло — страшно хотелось пить...

«И здесь нужна привычка», — с огорчением подумал Игорь. Прошло уже более часа, а куча угля, казалось, не убывала. Тогда Игорь решил делать передышку только после ста бросков лопатой, но уже на пятьдесят пятом снова обессилел.

«Ни черта! Жми! — убеждал он себя. — Другим еще не так достается. Пятьдесят шесть. Пятьдесят семь...»

И вдруг перед глазами Катя...

— Не узнал меня? — улыбнулась девушка. — Дай-ка я покидаю.

— Не уж, я сам, — заупрямился было Игорь, но Катя решительно потянула у него из рук лопату.

Игорь уступил. И сразу же залюбовался ее ловкими движениями.

— Для «Березки» ручки-то бережешь?! — услышал Игорь за спиной голос Горшкова.

— Хотя бы! — ответила Катя, отбрасывая лопату. Потом посмотрела на Горшкова и ушла из забоя.

Выехав на-гора и даже не помывшись, Игорь зашел в кабинет начальника участка и настойчиво попросил:

— Переведите меня куда-нибудь к другому забойщику.

— Это почему?

— Не сживемся мы с Горшковым. Недоволен Федя моей работой.

— Недоволен?

— Да.

— Хорошо. — Начальник участка внимательно посмотрел на усталые глаза Игоря. — Иди отдыхай. Придумаем что-нибудь.

Игорь не помнить, как пришел тогда в общежитие, как, не раздеваясь, лег спать. Проснулся он уже часу в одиннадцатом вечера от толчка в спину. Щурясь от яркого электрического света, приподнял тяжелую голову. Глаза его встретились с сердитыми глазами Горшкова.

— Кто тебе сказал, что я недоволен твоей работой? — спросил Федя.

— Не мешай спать, — попросил Игорь и хотел отвернуться к стене, но цепкие руки Горшкова удержали его.

— Ты не вертись, а говори: откуда взял, что мы не сживемся?

— Отстань, Федор! Ты же сам знаешь, что я сказал правду.

— Правду! А ну, слезай с кровати. Живо! Сейчас я покажу тебе правду...

Он сгреб Игоря в охапку, приподнял и, усадив, совсем беззлбно сказал:

— Ни черта вы не понимаете! Тоже мне, психологи!..

— Послушай, Федя... — начал было Игорь.

— Молчи! Не перебивай! Судите вот. А вы заглядывали ко мне в нутро? Вы проверяли мое сердце?.. Да, может быть, я...

Федя махнул рукой, отвернулся. Потом вышел из комнаты, а через минуту появился вновь, уже с баяном в руках. Протянул его Игорю:

— Сыграй... «Березку»...

Игорь отстегнул ремешки и тронул привычными пальцами легкие, послушные клавиши. Федя сел рядом, обхватил руками большую темноволосую голову, задумался. И как будто поняв невеселую думу Горшкова, заплакал, завздыхал баян. И опять о том же — о степном раздолье, о ясной голубизне безоблачного неба, о милой, ласковой березке...

Федя выпрямился, положил руки на баян.

— Знаешь, а Катя... полюбит тебя, увидишь. Парень ты хороший, настойчивый, красивый...

— Поздно, — вздохнул Игорь.

— Что поздно?

— Катя уже полюбила другого.

— Это кого же?

— Видимо, того, чье имя выгравировала на своем приводе: «Федя»...

Горшков вскочил. Несколько секунд он с удивлением смотрел Игорю в глаза, точно не узнавал его, потом рванулся к нему и стиснул его в своих объятиях.

— Бери баян. От всего сердца дарю!

— Да, ты что? — растерянno пробормотал Игорь. — Я не возьму...

— Отставить разговоры! Сказано — сделано. Точка! Играй лучше «Березку», черт!

В Б У Р Ю

Рассказ

Посредине реки бесшумно скользит плот. С берега ночью он почти незаметен. С плота доносится приглушенный разговор:

— Река, брат, что человек: свой характер имеет. Есть реки неприметные, тихие, текут себе помаленьку — никому ни вреда, ни пользы... Другие—бурные, быстрые, несутся сломя голову. Смотришь на такую — аж дух захватывает. И гордые есть реки, красивые, широкие... Скажем, горная река, хотя и мелкая, а ступи — живо снесет. Иная, к примеру, наша Омка, наоборот, — течет ровненько, гладенько, а доброго от нее не жди. Как разгуляется, как разбушует, всем чертям тошно! Так-то!.. И течет она, анафема, хитро, петлями. Деревеньку вчера проплывали, видел?

— Ага! — слышится в ответ.

— К обеду сегодня в ней будем.

— Как же так? Не понимаю. Она ведь у нас позади осталась?

— А тут и понимать нечего. Вечор мы поглядели ее с задов, а сегодня прямо с улицы любоваться станем.

Морозный ветерок мягко шелестит кустами, проносится над рекой, словно заигрывает с ней; со звонким хрустом ломается прибрежный ледок.

— Дедко, а почему у нас плоты без гребей? Недавно я читал книжку... Там описывают: на плотах кормовые гребни. Так, по-моему, лучше, — на мель уж никогда не сядешь. Хорошо бы, дедко, и нам гребни, а?

Светлячок-трубка, стремительно слетевшая вниз, обрывает молодой голос:

— Ну и чудак ты, Кузьма! Давно пора понять, что река реке рознь. Человек и приспосабливается к каждой по-разному, как ему лучше. В книжке-то, поди, писали про быструю реку... а? То-то. Там, брат, без этих самых гребей нельзя. Вода, брат, сила, она и горы крушит...

Восток понемногу начинает румяниться, через некоторое время вспыхивает туманом огненно-красная заря. В розовом сумраке светлеет река. На плоту, прислонившись спиной к стойке, уже сидит, попыхивая самодельной трубкой, Егор — широкоплечий бородатый старик. Одет он в брезентовую куртку, рыбацкую шляпу и прожированные бахилы.

Против Егора, у самой воды, на ворохе кедровых зеленых веток лежит, заложив под голову руки, Кузьма. На вид ему лет восемнадцать. Он, как и Егор, широк в плечах. Стеганая куртка и такие же шаровары делают его еще крупнее. Светлый волос выбивается из-под мерлушковой шапки, небрежно сдвинутой на затылок. Худощавое скуластое лицо с возбужденно блестящими глазами покрыто загаром, полно какой-то непонятной сосредоточенности. Он не мигая смотрит на Егора, на его красное, обожженное весенним ветром морщинистое лицо, на сильные жилистые руки, всем своим видом выражая неуклонное желание во всем быть похожим на старого, опытного плотовщика.

Вот уже сорок семь лет старик водит плоты, а попрежнему крепок, как сибирский кедр.

Прищурясь, смотрит он из-под белых лохматых бровей на охваченный багровым пламенем восток, где за темной полосой еще прячется солнце.

— Ветер будет сегодня, большой ветер! Без грозы бы только... Первый гром сильный. Целую зиму копит силы, а потом как тряхнет, только держись, брат!

— А откуда ты знаешь, дедко?

— Гляди, — кивком головы показывает Егор на зарево. — Гляди, как огнем полыхает... Верный признак.

В необычайной тишине из-за леса поднимается солнце, и, поиграв серебром росы на зеленеющих полях, заливает светом спокойную, ровную воду. Гладкая, точно отполированная, лежит она огромным зеркалом, в котором на недостижимой глубине синее опрокинутый купол неба. Течение до того спокойное и плавное, что кажется — плот стоит неподвижно. И только медленно уплывающие назад берега со склонившимися в легкой, прозрачной дымке утра березовыми перелесками, говорят о том, что плот движется...

Егор не ошибся. Гроза, действительно, пришла. И пришла в то время, когда меньше всего можно было ожидать — в

жаркий полдень. Солнце стояло высоко в небе, какое-то расплывчатое и дымчатое, точно охваченное белым пламенем.

Нагретый воздух млеял, качался, дрожал над оранжевой степью. Становилось душно. Белая, как снег, чайка одиноко мелькала в синем небе. Егор стоял на кромке плота, отраженный и опрокинутый в зеркале воды. Приложив ладонь к глазам, он вглядывался в белое пушистое облачко.

Кузьма готовил щепки, собираясь разжечь костер, чтобы зажарить к обеду леща. Он был в веселом настроении. Погода ли действовала на него так живительно или на это были какие-нибудь другие, ему одному известные причины, только он даже запел что-то вроде «Летят перелетные птицы...» Но взглянув на деда, который с заметным беспокойством осматривал горизонт, Кузьма насторожился.

Облако он заметил. «Ну, и что тут такого? Обыкновенное облачко. Много еще предрассудков, у стариков», — думал Кузьма. — «Вечно у них найдутся какие-нибудь приметы, признаки. Что же тут...»

Размышления Кузьмы прервал повелительный голос Егора:

— Кузьма, приготовь снасти, спускай лодки на воду. Да доживей!

И, не дожидаясь, пока Кузьма примется за дело, он схватил кольцами сложенную снасть, бросил на дно лодки.

— Ну, чего стоишь? — на ходу прикрикнул он на Кузьму, недоуменно следившего за суетней плотовщика. — Давай, торопиться надо. Если не успеем первые плоты нагнать вовремя, то на Чертовом повороте их разобьет или на мель в заливе выбросит. Тогда с ними провозишься два—три дня, а лес, брат, как хлеб, нужен — ждут...

Кузьма хотел что-то возразить, но, взглянув на облачко, которое попрежнему одиноко плыло по небу, не предвещаая ничего опасного, промолчал.

Спустя несколько минут плотовщики, торопливо работая веслами, быстро неслись вниз по течению, к Чертовому повороту. Река была попрежнему спокойна. Лишь изредка на поверхности ее можно было заметить круги — это играла рыба. Егор легко и ловко орудовал веслом, и Кузьма, чтобы не отстать, тоже старался изо всех сил.

Но силы у него быстро иссякли. «Ничего, не отстану!» — подбадривает себя Кузьма, изредка бросая утомленный взгляд на раскрасневшееся, полное нескрываеваемой тревоги лицо Егора. Желание быть хоть немного похожим на деда, сильного и неутомимого, придавало Кузьме бодрость и силы.

Но облегчение уходило также мгновенно, как и появлялось. И снова та же мучительная усталость, тупая боль в висках, жаркая дрожь... С распаренного лица крупными каплями сте-

кал пот, рубашка под курткой стала мокрой, труднее становилось дышать.

— Ну как, Кузьма? — усмехнулся старик, зная о том, что такой проплыв не так-то легко дается новичку. Сам когда-то испытал это. — Может, приотстанешь от меня? А я один как-нибудь, а?

— Что ты, дедко! Я ничуть... Руки вот немножко...

До плотов, пожалуй, еще километра три с гаком, а тучи вот-вот солнце закроют. Кузьма до сих пор не верил, что погода может так быстро меняться. Такой жаркий день, такое ясное небо, и вдруг...

Река начала хмуриться, по ней побежали синие полосы мелкой ряби. Плотовщики торопились, а навстречу им уже неслись живые холмы туч со свинцовым отливом; и казалось, из-за горизонта всплывают с грохотом и треском сизовершинные горы.

С беспокойством поглядывая на небо, вспарываемое молниями, Егор не переставал думать о двух плотях, которые течением несло к Чертовому повороту. Это самое опасное место на реке. Течение там из плавного превращается в бурное, стремительное, река неожиданно круто ударяется в сторону и мощный поток идет не по руслу, а обрушивается на затопленный левый берег. Часто, особенно в бури, упругая струя воды забрасывает далеко в залив сплотки леса, и тогда их никакими усилиями не вытащишь оттуда.

Перед глазами Егора забежали темнофиолетовые круги — наконец старик начал сдавать. Он оглянулся: Кузьма плыл немного позади, пригнув к груди голову. Стеганка была распахнута, по судорожным, суетным движениям Егор определил, что молодой плотовщик уже выдохся и только силою воли заставляет работать одеревеневшие руки.

«Молодчина — с гордостью подумал старик. — Молодчина!»

В это время с неба сорвался ветер, прошумел в прибрежных кустах и захватил в свои могучие объятия реку. Она шумно вздохнула. От неожиданности Кузьма перестал грести. Он со страхом смотрел на взбудораженную реку... А черное плотнище туч уже краем прикрыло солнце и кругом потемнело, словно набегали сумерки.

— Держись поперек волн! — услышал Кузьма окрик Егора. Но было уже поздно: вода с силой била в борт, не давая выправить лодку.

В нескольких метрах впереди Егор заметил плот, который то показывался из воды, то вдруг, захлестнутый волнами, скрывался вновь. Где-то впереди еще один, последний... Он крикнул:

— Кузьма, перебирайся на плот!

И утлая посудина, захваченная бешеным течением, запрыгала на волнах. Ее бросало из стороны в сторону, но Егор, казалось, и не замечал этого. «Только бы успеть, пока не поздно, пока не подошел к Чертовому повороту», — мысленно твердил он.

Вскоре показался обрыв. За ним метрах в 50 ниже — и Чертов поворот. Первое, что увидал Егор, — это плот.

Его крутило в водовороте, как щепку. Волны свирепо налетали на него — и над ревушей рекой вздымались только боковые стойки.

Егор приободрился: «Теперь лес спасен!». Но когда до плота оставалось не более тридцати метров и, казалось, цель была достигнута, страшный вал с грохотом ударился в борт лодки. В тот же миг мощная струя холодной воды подхватила Егора и понесла.

Водоворот все ближе, ближе... Егор уже чувствует, что он вот-вот захватит его, закрутит, завертит, и тогда — конец!..

«Неужели и впрямь конец?» — с горечью подумал Егор. За полвека работы на сплавах не раз приходилось ему вступать в поединок с рекой, побеждать. А теперь?.. «Неужели конец?..»

Над рекой вновь прокатился страшный грохот. Длинная зигзагообразная лента огня рассекла тяжелую тучу и обильный ливень хлынул на землю.

Перед глазами Кузьмы явственно вставала картина гибели деда, человека, прошедшего через жизнь твердым шагом неутомимого труженика. И вот он, которого, как отца, полюбил Кузьма, тонет, захлебываясь в волнах...

— Дедка-а! — с отчаянием закричал Кузьма.

«Нет, нет! — сквозь стиснутые зубы шепчет он, встрахивая обнаженной головой. — Неправда!»

Река несла и несла его плот. Ветер бросал в лицо холодные струи воды. Кузьма изо всех сил всматривался в мутный шквал.

— Дедка-а-а!

— А-а-а... — сквозь шум воды и ветра донеслось до слуха.

— Эге-ге-ге-ге-е-ей, — сложив рупор ладони и приставив их ко рту, кричал Кузьма. Голос звучал глухо: рев бури заглушал все.

— Кузьма-а-а!.. ивязы-ва-а!..

Теперь уже никакого сомнения — Егор услышал его.

Набежавшая волна, захлестнув, повалила Кузьму, но не смыла.

— Дедка! Жив?!

Старик отозвался не вдруг:

— Жив, жив, ядреный корень! Куда же я денусь...

Обуреваемый радостью, Кузьма, подняв над головой весло, закричал навстречу буре:

— Го-го-го!

Повторилось эхо над бушующей рекой.

ПРОЕЗДОМ НА САХАЛИН

Рассказ

Направо тайга, налево тайга. Редкие селения по тракту да иногда, среди леса, одинокая заимка с клочком обработанной земли. В небе майское солнце, но с севера дует холодный ветер.

— В этом году поздняя и сырая весна! — замечает ямщик, когда тарантас сваливается на бок.

Пассажир только покачивает головой; до Сахалина еще недели две на лошадях добираться, пока удастся сесть на амурский пароход.

«Да, Сибири так нужна железная дорога!» — уже не в первый раз говорит он про себя. И когда лошади идут шагом, он время от времени вынимает записную книжку и что-то быстро записывает.

На почтовой станции в деревне Под'ельники меняли лошадей. Станционный смотритель громко крикнул в ямщицкую:

— Платон, запрягай в готовый экипаж!

Приземистый, широколицый, с русой бородкой ямщик вывел тройку лошадей, быстро справился с упряжкой.

— Садитесь, господин, теперича к городу дорога пойдет глаже.

Пассажир надел кожаное пальто, уселся в тарантас и, поправляя пенсне, спросил:

— Какой впереди город?

— Мариинск, приискательский городок, слышали, небось?

Пассажир усмехнулся.

— Не слышал...

В конце улицы, на выезде из деревни виднелись телеги с поднятыми оглоблями, заморенные лошаденки и люди в лох-

мотях. Об'езжая рытвину, тройка замедлила ход. От крайней телеги отделилась женщина и трое детей. Они тонко, в один голос протянули:

— Христа ради, на кусок хлеба...

Когда деревня осталась уже позади, ямщик обернулся к пассажиру:

— Напрасно деньги даете, ваше благородие! Всех не ублаговорить. Столь этих переселенцев тянется по тракту, прямо без конца. На том краю Мариинска слободы есть, Пристанями называются, вот там уж много этих самоходов скопляется. А несчастья разного там — глаза бы не глядели. У кого конь пал, у кого в семье мужик или хозяйка умерли, дети сиротами остались, иные обнищали до последнего, дальше некуда... А сколь народу голодает, болеет, умирает, особенно детей малых! Как это земля столь горя людского терпит, право!

— Помогает ли кто переселенцам?

— Мало кто. Казна самоходам не помогает, а тутошние жители притерпелись к чужому горю, можно сказать, одеревенели. Переселенцы, арестанты, приисковые рабочие — тоже вроде каторжных, да и своя нужда. Конечно, есть сердобольные, помогают куском хлеба, одежкой, но разве такая помощь нужна голодным да голым?!

— А что, если твои слова и рассказы я вот в свою тетрадку запишу, на память? — спросил пассажир.

— Записывайте!

Дорога пошла сухим песчаным пригорком. Ямщик поднялся на козлах, подстегнул пристяжных. Зазвенели, захлебываясь, колокольчики.

— И-эх, столбова больша дорога
Да вся слезами вулита —

запел возница негромким голосом, но сразу оборвал и сказал, показывая кнутовищем вперед:

— Заговорились мы, господин честной! А вон и Мариинск...

Справа тянулась речная долина, покрытая густым темным лесом, за ним поднимались невысокие горы, а около них блестя крыши и виднелся крест.

Обогнали партию арестантов.

— Часто такие встречаются?

— И-и, почитай круглый год цепями дорогу меряют...

Лошади медленно тащили тарантас через грязную лощинку, ямщик обернулся к седоку:

— Видно, кому какой фарт в жизни... Пофартит — живешь! А не пофартит, так идет этапом, или околеваает в руднике.

У самого города переезжали большое болото, которое тянулось к городскому центру. Тройка едва тащила тарантас по густой грязи. Пассажир внимательно оглядывал низкие домиш-

ки городской окраины, утопавшие в рыхлом торфянике. Вынул было записную книжку, но нечего и думать о записи — тарантас мотало из стороны в сторону.

— Вот и Суворовская пошла! — кивнул ямщик, когда выбрались на мостовую. — А это дом князя Трубецкого, — показал он на домик с пятью окнами на улице.

— Трубецкого, Сергея Петровича?! Декабриста? — ожил пассажир, но ямщик нахлестывал лошадей, чтоб лихо под'ехать к станции.

Пассажир отметил в станционной «книге приезжающих», условился о времени отъезда, заказал обед и сел писать письмо.

«25 мая 1890 г. Маринск

Дорогая Маша!

Весна начинается, поле зеленеет, деревья распускаются, поют кукушки и даже соловьи. Было сегодня прекрасное утро, но в 10 ч. подул холодный ветер и пошел дождь. До Томска была равнина, после Томска пошли леса, овраги и проч... Дорога отвратительная. Плаваниям моим нет конца: утром плавал два раза да ночью придется плыть 4 версты. Я жив и совершенно здоров. Будьте здоровы. Ваш Антон».

В тесной комнатке для приезжающих ходит из угла в угол молодой офицер. От Томска они едут вместе.

— Идемте, поручик, смотреть город?

— Ничего в нем интересного нет, Антон Павлович, — лениво ответил офицер.

— Ну, нет! Ведь здесь сама жизнь. Сибири!.. Да... Сибирь. Где здесь почта?

— На углу Барабинской и Московской, около Соборной площади. А на площадь не советую вам ходить, там сегодня гольтепа приисковая гуляет, шваль, варнаки, от них всего можно ждать.

Проезжие шли по узкому тротуару одной из главных улиц, поглядывая по сторонам. Центр города, как полагалось, был несколько благоустроеннее окраин: здесь стояли двухэтажные дома, кирпичные особняки золотопромышленников; посреди не площади—соборная церковь, а по сторонам тянулись торговые ряды, мелкие лавчонки и купеческие особняки с магазинами в нижнем этаже. Бросалось в глаза обилие крупных и мелких торговых предприятий и питейных заведений. Однако прохожих было мало, и поручик заметил:

— Торговцев здесь, кажется, больше, чем покупателей.

Несколько раз попадались навстречу и обгоняли их пролетки, запряженные рысаками, старомодные рыдваны. В некоторых сидели чиновники в форменных мундирах, но в большинстве случаев были, повидимому, купцы и золотопромышленники. Иные — насупленные, бородатые, в картузах, в сапогах; другие же, наоборот, были выбриты, одеты по моде, в цилиндрах.

— Вот они, сибирские воротилы, соль земли! Смотрите, Антон Павлович, что ни фигура, то денежный мешок. А самодовольства, самомнения! Будете о них писать?

— О них скажу немного. А о Сибири я писать уже начал.

— О болоте? — пошутил офицер.

— О богатствах природы надо бы писать и о том, что в Сибири живет трудовой, жизнеспособный народ.

— Бездельничает этот... как его... э-э... трудовой народ!

В ответ Антон Павлович лишь улыбнулся печально.

Они проходили по площади и обратили внимание на какое-то особенное оживление. В разных местах виднелись небольшие группы любопытных, кое-где из магазинов вышли хозяева и приказчики, а по одной стороне торговых рядов некоторые торговцы закрывали на замок свои лавчонки. По середине площади прохаживались двое полицейских. Были равнодушны лишь крестьяне, стоявшие группой около телег и занятые каким-то своим делом. Из дальнего угла площади, где красовалась большая вывеска с надписью «Трактир», вдруг с шумом и гамом вывалилась большая толпа. Во главе ее двигался гармонист, а рядом с ним отплясывали камаринскую два бородача. Двое несли в ведрах водку, а третий, держа в каждой руке по кружке, угощал водкой всех, кто попадался навстречу. Толпа гудела и можно было разобрать лишь отдельные фразы:

— Эй, эй, гуляй, братцы, пируй, рабочий люд!

— Пропивай, легче идти будет!

— Угости-ко, парень, вон тех полицейских...

— Жирно им будет нашу водку пить!

— Пусть хозяева угощают!

— С нашего-то угощения, чего доброго, лопнут!

— Хо-хо-хо!..

Мужикам поднесли.

— Пейте, челдоны, может, и сами в нашей шкуре когда-нибудь побываете!

Те выпили по кружке, а седой мужик попросил еще одну, крякнул и сказал за всех:

— Кто знает, всяко бывает... А от суммы да от каторги не зарекайся.

Веселый раздатчик зачерпнул две кружки и подбежал к Антону Павловичу и его спутнику:

— А ну-ко, тяпните за здоровье приискателей!

— Ага, отказываются! — крикнул из толпы высокий широкогрудый бородач. — А ну-тка, кто это такеи-и?

— Тебе что нужно? В полицию? — выкрикнул офицер.

— Мне... ничего, а ты нас полицией не страшай, и так на каторге живем, хуже не будет, некуда! — Великан был в лаптях, без шапки и без рубахи, в армяке, одетом просто на голое тело. Он в упор поглядел на офицера и решительно засучил рукава.

— Не трожь их, Филипп, это проезжие, а другой-то, Антон Павлович, на Соколинный остров едет, будет смотреть, как там наш брат живет.

Антон Павлович узнал голос ямщика Платона.

— А, такое дело, — тряхнул волосами великан, — значит, ошибка получилась. Загуляли мы и перегуляли, ну понятно, не разобрал. А гуляем потому, что завтра на прииски, за Чумай, в чертову дыру идем. Не от радости пьем. Прощевайте, без обиды чтоб...

Толпа зашумела и двинулась дальше.

— Идемте, Антон Павлович! — сказал офицер, явно раздраженный. — Эти оборванцы и в самом деле могут любую неприятность доставить.

— Не волнуйтесь, поручик, с нами ничего не случится.

— Вы все шутите!

— Какие уж тут шутки...

Возвращаясь на почтовую станцию, они увидели двухэтажный особняк с вывеской над дверью в нижнем этаже: «Контора золотых приисков». Антон Павлович остановился.

— Зайдемте, поручик, и выясним, нет ли здесь поблизости приисков. Хочется побывать там. Как вы?

— Собственно, я равнодушен, но вам охотно буду сопутствовать.

У дверей конторы находился вооруженный стражник.

— Приказано никого не пускать, — сонно проговорил он. Проезжие переглянулись. Поручик сделал строгий вид.

— Доложи, что офицеру нужно по делу.

Их впустили.

Контора представляла большую комнату, разделенную барьерчиком. По ту сторону его виднелись столы, шкафы, среди них уткнулись в бумаги трое служащих. Передняя же часть комнаты была совершенно пустая. Очевидно, приходящих сюда не приглашали садиться, а кого нужно — проводили во внутренние комнаты.

Наших знакомых встретил хорошо одетый человек, с военной выправкой, с подстриженными по-английски усами...

— Что вам угодно? Я управляющий приисками.

Офицер изложил суть дела:

— Хотелось бы ознакомиться... Вот со мною писатель... — начал было офицер. Но управляющий бесцеремонно перебил его:

— Однако я должен отказать вам. Прискорбно, но вынужден. Можно только с разрешения владельца, а его нет. А я не могу, не правомочен. — Он отвернулся к окну и стал смотреть на улицу.

Поручик, повидимому, не ожидал столь решительного и грубого отказа, переглянулся с Антоном Павловичем, пожал плечами.

— Ну вот и повидали приисковую верхушку, — проговорил Антон Павлович, когда они вышли из конторы. — А вам для полноты представлений рекомендую прочитать рассказы Наумова о приисках, он, повидимому, бывал там лично.

Поручик молчал, и лишь когда подошли к станции, заговорил:

— Вертеп с хищниками. И хозяин, не сомневаюсь, дома, за дверью, наверное, подслушивал. Контора-то какова, а, черт возьми? Вертеп!

— Я же говорил вам, поручик, что подлинную жизнь увидим.

После обеда, пока закладывали лошадей, Антон Павлович присел к уголку стола с записной книжкой. Между другими мыслями и впечатлениями было, сегодня записано вот что:

«...многое я видел и многое я пережил, и все чрезвычайно интересно и ново для меня не как для литератора, а просто, как для человека».

Вечерело. Запряженная тройка стояла на пароме, и Антон Павлович, опершись на перила, смотрел на реку, на живописную картину весеннего вечера. Река разлилась широко по лугам, подошла к самым домам набережной улицы, затопила изгороди, сделала островом пригородную слободу, и торопливые весенние волны набегали шумно на берег, плескались у бортов парома. По реке плыли бревна, там и сям виднелись лодки, слышались голоса людей. За поворотом выделялся возвышенный берег, покрытый зеленеющим березняком.

Но на душе не было радости. В мыслях были и обнищавшие переселенцы, и приисковые рабочие, и многое, многое другое.

— Давай трогай, да по-ладному там привали! — сказал суровым голосом седой старик, отдавая чалку парома.

— Будет сделано, дядя Григорий! — весело ответил ему молодой паромщик, и паром медленно начал отходить.

В это время с подмостков пристани донеслись голоса:

— Ваня, смотри, ведь на пароме-то Чехов, ей богу! Чехов Антон Павлович! Событие-то какое!

— Не может быть! — отозвался другой голос.

— Нет, нет! Это Чехов — автор «Пестрых рассказов», «Хмурых людей», «Степи», замечательной «Степи»... Это он!

— А ну, узнаем...

Они вбежали к станционному смотрителю:

— Какие пассажиры у вас сейчас были? Да скорее говорите, паром уже отошел, и мы можем опоздать, пожалуйста, поскорее!

— Не торопитесь, господа, никто такой особенный не проезжал. Был господин офицер, да с ним едет какой-то... — смотритель заглянул в книгу проезжающих, — какой-то Чехов.

— Не какой-то, эх вы! Ведь писатель Чехов был у вас!

— А мне поди-ко што из этого!..

Паром уже пристал к другому берегу, тройка выехала на дорогу и тут с реки раздались громкие взволнованные голоса:

— Антон Павлович! Антон Павлович!

Кто-то и на пароме подхватил густым басом:

— Антон Павлович!

Коляска остановилась.

— Дорогой Антон Павлович, это вы? Как мы рады!

— И я рад, друзья мои. Рад, что у меня здесь есть такие хорошие знакомые, — отозвался Чехов.

Он приподнялся и стал махать рукой группе людей, собравшейся на подмостках.

— Антон Павлович! Счастливого пути!.. — несло над весенней рекой.

Аида ГАЗУКИНА.

БАСНИ

Номенклатурный еж

В лесу районного значения беда случилась: Дрозд заболел. А ведь он по такому лесу — фигура немаловажная, укомплектованием птичьих гнезд ведает.

Как быть? Что делать? Где замену срочно найти? Смотрят — Еж по дорожке бежит.

— Куда ты, Еж?

— Да вот новую кочку оборудую...

— Ах, кочку? Новую? Оборудуешь?.. Ну, так быть тебе главным по укомплектованию гнезд.

— Помилуйте, братцы, да я сроду ни одного гнезда и в глаза не видывал!

— Нет, говорят, — иди, принимайся, руководи. С иголками ты неплохо справлялся, так и с гнездами справишься.

Ну, как Ежу быть? Хотел было отказаться... А потом как подумал: квартира, оклад, машина персональная... А тут еще жена сбоку подкалывает: Не будь дураком! Согласился.

Руководит. Вот только что ему делать нужно, никак точно усвоить не может.

Прилетят к Ежу птицы, зачирикают, крылышками затрепещут:

— Летим, брат, пора!..

А куда улетим, на чем?.. —

Махнет лапкой да под пеня на весь день завалится.

Сначала, правда, смущался малость, — не в своих иголках себя чувствовал. А потом привык. К положению привык, к

окладу, к машине... даже «Победу» на «зим» сменил, до того привык! Совсем Дроздом держаться стал.

Только вот беда: Утке на сосне гнездо отводит, а Орлу — на болотную кочку путевку выдает.

Так напутал, что в конце концов птицы и сами перепутались: кто из них кто, за что отвечает и каким голосом петь должен.

Узнал об этом Медведь. Заревел:

— А подать сюда этого Дрозда немедленно!.. Я ему такого дрозда пропишу!

Подали.

Как грохнет Медведь лапой по дереву, аж все листья на землю попадали:

— В приказ! Сегодня же убрать!

— Куда прикажете? — вертит хвостом Лиса.

— М-м-м... перевести... на рыбу. В Выдры!

Еж уже было совсем рот открыл, сказать хотел, что он в Выдрах не сможет, что ему, Ежу, лучше всего обратнсь бы на иголки... да вспомнил о машине, об окладе, дачу жалко стало... Зевнул... и рот закрыл.

Занялся Еж рыбой... Нет, никак из него Выдры не получается! Перевели тогда Ежа в Зайцы — лесную почту вверили. Не выходит из Ежа Зайца. Откомандировали его в Дятлы... Потом в Куницах Еж два месяца ходил... После Куниц — в Кроты перебросили...

Так до сих пор номенклатурный Еж и мается: нето в Барсуках, нето в Снегирах... только в Ежи обратно никак не попадет. А все потому, что... ну, вы сами понимаете!

Мой папа — Лев!

У Льва сын родился.

Мама-Львица сразу же заявила, что ее сын талантлив.

Папа-Лев, придя к знакомым, тоже расхвастался:

— Р-р-разумный, паршивец, ничего не скажешь. Нянька ему: — «Не балуй». А он ей: «Мой папа—Лев!..»

Так и пошло.

Захочет Львенок муравьиный дом разорить, — мама в восторге:

— Ах, у него уже архитектурные способности!...

Провизжит Львенок что-нибудь вроде:

У тетки-Куры
Цыплята дуры,
А Лев — мой папа —
Побьет их лапой!.. —

папа снисходительно по плечу его потреплет:

— Ты, брат, кажется, поэтом будешь, ловко зарифмовал!..

А Львенок чем дальше — тем больше... развивается. Сначала только няньку да близких знакомых тиранил, а потом и за прочих лесных жителей принялся. Чернобурую Лису перекисью облил — рыжей стала. К Белке в кладовую мышей напустил. У соседа Барсука детишкам носы поразбивал...

А в школу пошел — учителям жизни не стало.

— Не хочу, — кричит, — задачи решать! Мой папа — Лев!

Мама с папой с лап сбились: и до чего же трудно талантливому ребенку нормальные условия для роста создать!

Мама даже в припадке материнской любви одну Синицу прямо в учительской с'ела.

А папа, так тот директора-Енота к себе вызвал:

— Если моего сына не перестанут нервировать, я пр-р-ри-му мер-р-ры!!!

...И принял. Не сразу, правда, лет через десять, но принял. Он заявление написал в милицию:

«Прошу избавить меня от этого выродка. Пьет, курит, грубит, недавно мне ножом угрожал, если денег не дам... Связался с компанией отъявленных шакалов. И сыном его я больше не считаю... Не могу одного понять: как получилось, что вырос он на меня, на Оsla — тьфу... на Льва совсем непохожим?..»

КАРА ОДЫН ТАШ

Алтайская легенда

Много-много лет назад был у нас хороший охотник — богатырь Шор-кижи. Он был великий мастер ходить на лыжах. Станет на лыжи, двинет одной ногой — полверсты катится, двинет второй — опять полверсты. Хоть на гору или под гору — все равно катится.

Если поверите, так даже по воздуху летал он на своих лыжах. Давно это было, а было! Славный был Шор-кижи... Всем добро делал, всегда заботился, чтобы людям жилось хорошо, и даже о зверьках не забывал.

Случалось, что нет в тайге ореха, белка голодает, — Шор-кижи всегда знал, где хороший орех.

—Эй, белка! Переходи на полдень!

Белка идет, куда указал охотник, и живет хорошо.

А охотился-то Шор-кижи за теми только зверьками, которые нарушали закон тайги. Больше всех медведю попадало:

— Попробуй ты у меня порядок нарушить, так я тебя по всей тайге за ухо проведу, чтобы вся тайга знала, что ты нечестный! А не то купцу продам, — грозил Шор-кижи медведю.

Вот как делал Шор-кижи!

Ходил он как-то по тайге, устал. На нем вся одежда вымокла от пота, полы обмерзли сосульками. Спустился Шор-кижи в глубокий овраг и разложил костер, чтобы просушить одежду и отдохнуть мало-мало.

Сидит богатырь у костра, думает: «Хорошее у меня занятие. Сколько я сделал добра! Ишь, как славно живет тайга! Что сделать бы такое, от чего людям бы жилось хорошо?»

Поднялся он с этой думой и пошел расставлять кулемы на волков. А когда вернулся к костру, то даже удивился, будто встретил зимой серого зайца: бурелом, сучья, какие он клал в костер, давно уже сгорели, а огонь горит, не гаснет.

— Что же это горит? — чесал он затылок. — Земля? Нет. Что же?

Присел на корточки, выкатил из огня горящую глыбу, расколотил ее, — камень. Нашел рядом недогоревшую, рассмотрел, покрутил, — камень. Черный, блестящий камень! Бросил в огонь — горит.

— Ай, да камень! Ай, да кара одын таш! Вот железо бы варить на таких дровах!

Но только хотел он развязать мешок, салхын так толкнул его в бок, что Шор-кижи откатился от очага на десять сажен. И снег поднялся, закружился в воздухе, что даже темно от этого сделалось. Хорошо, что Шор-кижи был сильный и догадливый: он ухватился за пень и удержался.

— Как же это получилось, что салхын толкнул меня с ног? Неужели он меня сильнее?

А когда немного стихло, Шор-кижи опять пошел к огню. Но салхын опять зашумел, засвистел, готовый все перевернуть вверх обувками.

— Что же не пускает меня салхын к огню, как медведица к своим медвежатам?

Шор-кижи начал догадываться: не этот ли камень он караулит?

Визжал салхын, стонал, бросал снег в лицо охотнику, сыпал в фукава и за пазуху, но Шор-кижи не уступал. Собьет его салхын с ног, — он на четвереньках карабкается к очагу. А салхын воет, как сто голодных волков, и толкает охотника из стороны в сторону. Потом так заревел, что деревья затрепещали! Но Шор-кижи и этого не испугался:

— Какой ты страшный, салхын! Только со мной можешь не играть, я бояться не умею!

Тут сразу стихло. Шор-кижи вытряс из-за пазухи снег, застегнулся получше, лег у очага спиной к валежине, заснул. Салхын опять зашумел. Вначале помаленьку, потом шибче, и занесло охотника снегом в сажень глубиной. Напоследок салхын так заревел, что земля закачалась. И богатырь проснулся.

— Вот айна, салхын! Совсем закопал. Неужели он хочет заставить меня здесь умирать? А мне умирать нельзя: вот когда камень этот укажу людям, тогда можно...

Понатужил он силу богатырскую, распрямился и разнес снег кругом себя на полверсты.

А салхын застрял где-то в ветвях березы, кричит оттуда:

— Не старайся, охотник! Клад тебе не взять, не на тебя он закопан... У клада завет есть.

— Кому же завещан он? — спросил Шор-кижи. — Кому приходить за ним?

— Всем! — слышался голос. — Вот когда придет тот самый Всем, ему я и отдам клад.

— Эх, калак-кокуй! Может, это я и есть Всем?

Вдруг в ветвях березы поднялся шум, свист, рев, и береза начала махать ветками, будто лететь собралась. Потом все ветки обвили вокруг березы винтом, и дерево закачалось, зашкрипело и пригнулось вершиной до самой земли. С верхушки прыгнул салхын; он долго еще кружился вихрем, поднимая столб снега. Снежный крутящийся столб расширился внизу, а вверх сузился и стал похож на юрту. Из этой юрты вышел маленький конек, с недельного жеребенка ростом. Шерстка на нем гладкая, масть голубая, гривка кудрявая, а у холки маленькие крылышки.

Подходит к охотнику он и говорит:

— Упрямый же ты, приятель! Не отступил. На тебе за это ключ от кладовых, владей богатством.

Принял Шор-кижи серебряный ключ от конька, полюбовался им и положил под шапку, и у него как-то голова даже будто другая стала и силы прибавилось.

Шагнул богатырь к высокому яру, и перед ним с шумом и треском раскрылась пещера больше сажени шириной. Ходит тихими шагами Шор-кижи, любит богатством, щупает искрящиеся стены, камешки пробует на зуб и хвалит. Глядит, посреди пещеры юрта стоит на восемь углов, и сделана она из самого хорошего одын таш. В юрте тоже все из одын таш: казан, таган, только араха течет настоящая. Казан будто жемчугом усыпан — светится, брызжет искрами — смотреть на него глаз не может!

Тут, откуда ни возмись; конек явился и говорит:

— Ну, приятель, я все сделал. Оставайся теперь, хозяйничай. Пусть кузнецы, железоварильщики славят имя твое!..

— Эх, крылатый! — обрадовался богатырь. — Золотые говоришь слова. Сказки, песни мы про тебя выдумывать будем.

Вышел Шор-кижи из пещеры и народ созвал. Но вместе с народом пришел человек, брюхо у которого с кожаную сумину и борода большая да рыжая, как огонь.

Вначале этот брюхо-борода ходил, что-то высматривал, заглядывал везде, а потом с чего-то вдруг напустился на людей:

— Вы что же к чужому добру подобрались? Вас за это всех к мировому надо бы! Да уж ладно, заставлю отработать...

Люди переглянулись и думают: «Что-то неладно говорит борода. Шор-богатырь сказывал совсем не так». Но не подчиниться не посмели.

— Вот какой мошенник, — покачал головой богатырь Шор-кижи. — Ладно. Сам буду говорить с бородой. Тогда узнает он, чей клад!

А бородатый подслушал разговор и думает: «Эе! Этот черт хитрый и, видать, не боязливый. Но нам не впервые!»

Сунул он за пазуху мешок серебра, в карман штоф араху, а за голенище острый нож.

— Я покажу тебе, кто хитрее! — бормотал он. — За серебро-то, чай, схватишься, да и араху любишь лопать, ясашное рыло!

И он пустился бегом, аж брюхо затряслось, будто арчимах с тряпьем, а борода огненная развевалась во все стороны, как пламя от ветра.

— Отдам ему серебро-то, он и скажет, что я хозяин клада. А когда пойдет отсюда — в первом же овраге и укокошу.

Подошел к пещере, где стояли люди, и начал кланяться богатырю:

— Здорово живешь, славный Шор-кижи! Что нового в лесах? Вижу я, не богато у себя запасов-то, по штанам догадываюсь. Кстати ты пришел. Награда ждет тебя здесь, а ты где-то запропастился. Царь-батюшка подарочек тебе прислал. — Вынул он мешок и сунул его богатырю. — Бери, бери, дружка, так и велено из рук в руки передать.

У рыжего душа сорокой застрекотала, когда богатырь принял мешок: «Ловко я его об'ехал!»

А тот ощупал мешок, взвесил его на руке, да и передал старичку-сородичу, велел разделить копальщикам одын таша.

— Ну вот. Деньги людям заплатил за работу, а сам теперь уходи! — сердито сказал богатырь — Не то плохо будет!

Борода было араху достал, хотел потчевать, но богатырь и не смотрел на него.

— Вся тайга знает — не люблю я мошенников. Медведя по тайге за ухо важивал, чтобы пристыдить его... А ты человек, тебя за ухо брать мне самому стыдно. Уходи!

Потом обратился к остальным:

— Вы — народ честный. Вам нечего бояться. Такими будьте всегда.

Поклонился сыну своему:

— Запомни, сын, вот там-то, там-то есть погреб с кладом, везде я метки положил. Может, я не доживу, так ты укажешь те места людям, которые будут заботиться не о своей шубе, а о всех жителях земли!

Но до того времени, которого ждал богатырь, не дожили ни внуки, ни правнуки его. А память о добром охотнике и его погребам с приметками сохранилась до праправнука Ак-гуша.

Приехали на то место какие-то люди, безбородые все. На одном острая шапка со звездой. Ходят

они, ковыряют землю, что-то ищут. Ак-гуш догадался, что им надо, и говорит:

— Эй, дружка! Я вас узнал. Вам кара одын таш надо? Мой прапрадедушка называл: «Камень-счастье», а скажите, кому... кому...

— Ну, кому... Всем!

— Вот, вот, самый такой есть завет...

И Ак-гуш все рассказал людям, только юрту крылатого конька не мог вспомнить, где она...

Потом как-то утром, когда вставало солнышко, Ак-гуш увидел — на пригорочке стоит тот самый конек, о котором идет сказ от прадедов. Только он стал большой-большой, шея колесом, грива золотая на обе стороны, а крылья по сажени.

Ударил крылатый серебряным копытом землю — искры брызнули, и сказал Ак-гушу:

— Зачем ты, делая людям добро, не зовешь меня на помощь? Не забывай слова Шор-богатыря... Ходишь, думаешь, где же моя юрта, а она вот здесь, подо мной. Отдай и ее людям. Мне больше хорониться не надо. Я хорошо гуляю по всей земле твоей!

Встряхнул конек золотой гривой, расправил крылья сажени и помчался навстречу солнцу.

Ак-гуш обрадовался и крикнул на все горы и долины:

— Радуйся, Шор-кижи, все исполнилось!!!

-
1. Кара одын таш — черный горячий камень.
 2. Аараха — самогон.
 3. Калан-кокул — восклицание.
 4. Салхын — ураган.
 5. Айна — злой дух.
 6. Ясачный — плативший царю ясак.
 7. Арчимах — кожаная сумка.

Вл. ИЗМАЙЛОВ.

ПАРТИЯ

Ты родилась в беспросветной мгле
Солнцем начала двадцатого века,
Новую эру открыв на земле —
Эру борьбы за права Человека!
Бросивший вызов жестокой судьбе,
Ленин стоял у твоей колыбели.
Крепла, росла Ты в неравной борьбе,
Шел за Тобою народ к светлой цели!

Дел Твоих славных не перечесть,
Сила Твоя росла год от года.

Партия — ум,

Партия — честь,

Партия — совесть родного народа!

Встал весь народ в грозном Октябре,
В битве решающей и великой,
Сбросил последнего из царей
И кровопийц-угнетателей клику.
Ленин повел Тебя в новый бой
С дикой разрухой и запустеньем.
Ты увлекла весь народ за собой
К первым победам и достижениям.
Крепнут Советы — разносится весть
Сквозь злобу врагов и нытиков вздохи:
Партия — ум,

Партия — честь,

Партия — совесть нашей эпохи!

Волей Твоей, коллективным умом
Весь наш народ сплочен воедино,
Ленинским светлым шагает путем, —
Мир удивляют шаги исполина!
Верой в Тебя безграничной сильны,
Мы по Твоим замечательным планам
Строим и счастье родимой страны,
Строим и мир всем народам и странам
Дел Твоих славных не перечесть,
Сила Твоя растет год от года.

Партия — ум,
Партия — честь,
Партия — совесть родного народа!

Зная, что страны есть на земле,
Где трожествуют мир и свобода,
В битву за мир вступают смелей
Разных племен и наций народы.
Им, в справедливой, нелегкой борьбе
Легче от мысли, что есть Ты на свете.
Знают Тебя и верят Тебе
Честные люди на всей планете.
Если такая Партия — есть,
Значит, дела угнетателей плохи.
Партия — ум,
Партия — честь,
Партия — совесть нашей эпохи!

ОДИН ИЗ ТЕХ, КТО ОТСТОЯЛИ МИР

Прижав к плечу свой верный автомат,
Он лег в кустарник у лесной опушки,
И вслед друзьям ушедшим бросив взгляд,
Спокойно взял толпу врагов на мушку,
Прижав к плечу свой верный автомат...

Он точно бил, он бил наверняка,
Не пролетели пули мимо цели
И желтый горб осеннего лужка
Усеяли зеленые шинели, —
Он точно бил, он бил наверняка!

Он знал: должны разведчики пройти!
И языка доставить невредимым!
И для того на вражеском пути
Он встал преградой непреодолимой,
Он знал: должны разведчики пройти!

И вот с последним он покончил диском
И, приподняв из зарослей лицо,
Увидел, что враги подходят близко,
Берут его в железное кольцо,
А он с последним уж покончил диском...

...А было парню только двадцать лет,
Но, зная, он много видел на веку,
Коль увидав, что уж спасенья нет,
Он к сердцу, где хранится партбилет,
Прижав гранату, выдернул чеку.
...А парню было только двадцать лет!..

Как будто это сердце взорвалось
От напряженья боя и от гнева
И на земь алой кровью пролилось
Из раны, что в груди зияла слева...
Как будто это сердце взорвалось!

Враги здесь не могли пройти никак —
Он намертво закрыл дорогу им,
А те, что уводили «языка»,
Прошли спокойно через фронт к своим,
Враги их не могли настичь никак!
...Таковыми вот и был повержен враг!..

☆☆☆

Герой войны, что ненавидел войны,
Мой доблестно погибший командир!
Твоей священной памяти достойны,
Мы мир храним!
Ты можешь спать спокойно,
Один из тех, кто отстояли мир,
Герой войны, что ненавидел войны!..

Геннадий МОЛОСТНОВ

ВЕСЕННИЕ МОТИВЫ

☆☆☆

Февраль не сдал позиций:
То иней, то мятель!
Гостит за морем птица —
Болотный журавель.
Еще белы просторы,
Задумчив дальний лес
И, холодны моторы
В районных МТС.
Зари восходной алость
Не греет кровь пока,
Но сердце отозвалось
На запах тальника.

☆☆☆

Видел я на улице Советской,
Где шумливый «Гастроном» у нас,
Как впервые, жарко, не по-детски,
Встретились две пары юных глаз.
Застыдилась вроде недотрога,
Вспыхнул парень, словно красный мак...
Старичок тут бороду потрогал,
Улыбнулся, кашлянул в кулак,
Распрямылись старческие плечи,
Батожок проворней застучал...
Не в такой ли предзакатный вечер
Он свою когда-то повстречал?..
Для того и солнце ярче светит,
Чтоб цветенье повторялось вновь...
Для того и рождены на свете
Близнецами юность и любовь...

☆☆☆

Опрокинулся до доньшка
В синеве золотой кувшин:
Прямо под ноги льется солнышко —
Брызжет яркое из-под шин.
Голосистые, речистые,
По дорогам бегут ручьи,
Ходят важные и плечистые,
Как начальники, грачи.

☆☆☆

Говорят, об'явила газета:
Нынче свадебный год.
Ходит слух: не влюбленным до лета
Запретят на Весеннюю вход,
На Притомском — ходи по линейке,
Если друга-подруги нет,
В горсаду им всего две скамейки
Разрешил городской Совет.
И приказ по милиции строгой
Будто отдан уже давно,
Чтоб влюбленных никто не трогал,
Пусть целуются хоть в кино.
Я не знаю, насколько верно
(Кто бы, право, подумать мог!),
Будто с марта такой непомерный
Безлюбивый будет налог.
Вобщем, явно — одни лишенья,
Это вроде: быть или не быть!
Так какое же примем решение?
— Ну, конечно, любить!

Петр МАРКОВ

ЮНОСТЬ

Курносый вихрастым мальчишкой,
До зорьки на печке читая,
Мечтал быть таким я, как в книжке
Василий Иванович Чапаев.

А утром, когда спозаранку
Отец уходил на работу,
Мне снилася храбрая Анка,
Лежащая за пулеметом.

С отвагой геройской в груди я
Лез в самое пекло драки...
Тут мама меня будила:
— Пора за уроки, вояка!

И вскакивая без шума,
(Эх, детские сны хороши!)
Крылатую думку думал —
Когда же стану большим!

Вперед бы нестись на тачанке!
Идти коммунистом в бой,
Чтоб храбрая девушка Анка
Всегда находилась со мной!..

А годы летели, как птицы...
И вот я в солдатском строю.
В иконе у самой границы
Был ранен в первом бою.

Массивы горящего хлеба,
И прямо над головой
С кровавого дымного неба
Проклятого «мессера» вой.

Родная Отчизна в пожарах,
Полки отходили назад.
Усталых солдат провожали
Солдаток сухие глаза.

Бессонные долгие ночи,
Окопная слякоть и жуть...
Чужие кресты у обочин
И неба свинцовая муть...

Погибших друзей могилы.
И горькие слезы сирот
Подняли могучую силу
Единым, бесстрашным: Вперед!

И шли мы, броню разбивая.
Как сердце стучало в груди!
Был с нами в атаке Чапаев
На белом коне впереди...

Рычали тяжелые танки
И гром орудийный гремел,
Суровая девушка Анка
Фашистов брала на прицел.

Так в битве с врагом заклЯтым
Мы шли безудержно вперед.
А в солнечном сорок пятом
Добился Победы народ!

И нынче, сидя над книжкой,
Я вспомнил, до зорьки читая,
О том, как мечтал мальчишкой
В атаку итти с Чапаем.

ТОПОЛЬ

Это было давно-давно...
Был тогда я вихрастым мальчишкой.
Тополь, росший под нашим окном,
Мне казался высоким слишком.

Я мечтал: вот бы дому иметь
Неизмеренный рост тополиный!..
Даже камень не мог долететь
До шумящей листвой вершины.

И еще я мечтал той порой
(Много детство счастливое хочет):
Хорошо бы потрогать рукой
Самый близенький к небу листочек...

А сейчас уже город не тот!
Но у нового светлого дома
Тополь детства, как прежде, растет,
Только меньше стал старый знакомый.

На балконе мой мальчик играл
Шелестящей вершиной под нами...
Я припомнил, как в детстве мечтал,
И погладил листву руками.

Ефрем СЕВЕР.

ДЖИМ

I.

Начну эту историю
С того... как юный негр
В Кейптаун из Претории
Предпринимал побег.

Далеко до Кейптауна!
Но, говорят, туда
Бежать стали недавно,
Коль свалится беда...

Отец с алмазных копей
Не возвратился, нет!
И всех сестер в Чикопо
Пропал, пропал и след...

Ну что могло стрястись там?
Мать с горя умерла,
А с силачом-артистом
Власть круто повела:

Сняв отпечатки с пальцев,
Скрутить его взялась...
Иглою начал паяться
В него филерский глаз!

Но никакой политической
Не увлекался Джим.
Ловчась под тяжелой плиткой,
Давал он классный жим!

Зеваки и штангисты
Дивились в цирке «Гном»,
Как он работал чисто
Под грубым чугуном.

Казалось, и не хлипкий
Рухнул бы, чуть жив,
А он стоял с улыбкой,
Груз рядом положив.

Улыбка Джима черного
Плантаторов бесила:
В ней... водопада горного
Недюжинная сила!...

И вот однажды в баре,
В каком бывал и Джим,
Подкупленные твари
Схватились драться с ним.

На что
ему надеяться?
Джим — в темень со всех ног...
На станции
Путейца
Немой кивок помог.

Потом он слышал ругань...
В жаре готов сопредить,
Под паровозным брюхом
Джим прибыл в порт Альфред.

Оттуда напрямик он —
Водой, на грузовом.
Над палубою — гомон,
А в трюме — холод, вонь...

В Кейптауне, причалив,
Судно все стоит...
И от него вначале,
Знать, требуется «вид»?!

Иметь бы «вид» и Джиму —
С печатью, как положено.
Звучит под бубен шимми...
Таиться
Невозможно!

Но и меж белых
Братя
Нашлись по судьбе.
Старались Джима ради.
И:
— Паспорт есть тебе!

II.

Джим
Докером горбачил;
Похлопав по плечу,
К нему шотландец Байчил:
— Открыть глаза хочу!

Коль будешь, Джим, младенца
Доверчивей во всем,
То за век
Не одеться...
И станешь есть назем!

Обрадовался супу
Из порченных бобов?
Улыбку белозубую
Ты к нам принес с собой.

Но знай, что улыбаются
Здесь парни кой-когда...
И зубы вышибаются,
Коль в гневе господа.

Не с кротостью теляток —
Свое у них берем
И стачкой на проклятых,
Сплоченные, встаем!

Ты не был в профсоюзах?
Вот то-то и оно...
Твой круг познаний узок,
Но жить тебе дано!

III.

Сообща борясь два года,
Портовою братвой
Джим в комитет был
Избран:
— Боевой! —
О нем с усмешкой теплой
В рядах все шире, шире...
А Джим под выкрик «Оп-ля!»
Брал двоянные гири
В обе руки разом
И, выжав, кдал их наземь.

Хоть некуда деваться
От яростных оваций, —
Спокоен Джим по виду.

Гирляндами увитый!
Но раз в облаву жуткую
Попал в листовкой Джим...
А все ж и за решеткою —
Улыбка та же с ним!
Пытали так и эдак —
Улыбка не ушла...
Холуев-марионеток
Во сне она трясла!
И вот, когда он вышел,
Не сломлен, из тюрьмы, —
Он стал как будто выше...
Повыше
С ним
И мы!

Его опять ловили,
Но — дудки! — не смогли:
Унюхав в Брокен-Хилле,
Теряли в Кемберли...

И бьют хоть нас жестоко,
Но больше, что ни год,
Победных забастовок,
А ссадины — не в счет...

Наш Джим был послан в Вену..
Со всеми на Конгрессе
Он осудил презренный
Дух гнета и агрессий.

Поведал об упорной
Борьбе за мир навек
С улыбкой непокорной
Достойный человек!

МАТЬ-ЗЕМЛЯ

Сумрак и звезды
Ушли незаметно.
Река начинает
Поблескивать медно.
Чуть веет прохлада,
Хлеба шевеля.
Счастливою матерью
Дремлет земля:
Заря — изголовьем,
А небо — покровом,
И нива — дитятею
русоголовым..
До облачной глуби
Стоит тишина...
Как сторож в тулупе,
Над нивой — сосна.

Геннадий МОЛОСТНОВ

ПОБАСЕНКИ

МАНЕКЕН

Не на витрине, в жизни было:
По улицам ОНО в безделии бродило
(Хоть на себе тыщ на десять носило)
И скромность прочих поносило,
И то пищало, то басило:
— Я — сила!
Навряд, — с улыбкой люди говорят. —
Коль снять с тебя наряд
Да молвить честно...
Тебе цена известна.

СИЛА ПРИВЫЧКИ

Одна жена наделала
вина,

Чтоб муж ее
к ларькам
не «прикладывался»,

Когда домой
с работы
возвращался.

Но все равно,
лишь в форточку,
через окно

Он принимал
домашнее вино.

О БЕСКРЫЛЫХ

«Собака промышляла, а мимо чайка пролетала.
— Зачем ты роешься в помойке, пес? —
Морская птица задала вопрос.
— Да крыльев нет! —
Последовал ответ.

БЕЗДОМНИЦА

Занес же бес
Ту птицу в лес! —
«Не так поете,
Не этак гнезда вьете,
От современности отстали»,

И так, и дале...
Ругает всех и вся
От Пеночки и до Гуся.
И яйца, мол, мелкие,
Белы белки,
Желты желтки,
И будто бы на елке
Не так растут иголки...
Да что это за птица,
Интересно знать,
Коли умеет лишь
Крити-ку-ку-ковать?!

АЛ. ОЗЕРСКИЙ.

ЗАБОТЫ КУЗНЕЦКИХ МЕТАЛЛУРГОВ

Очерк

1. Пути-дороги

О кузнеческой стали говорят: она всюду.

Если вы, читатель, отправляетесь в путь из Москвы, вас долго провожают высотные дворцы столицы, — их каркасы собраны из кузнеческой стали.

Стучат на стыках рельс колеса вагона, — рельсы кузнеческие! Их столько положено на путях страны, что хватило бы опоясать землю несколько раз. И вагоны из стали, и паровозы!

Большой путь прошли кузнеческие металлурги за 24 года. Домны дают теперь чугуна в два раза больше, чем в первые годы. Блуминг кузнеческий достиг производительности наивысшей в мире.

А сталевары! Признано: если бы все сталеплавильщики страны работали, как кузнечане, Родина получала бы ежегодно дополнительно более двух миллионов тонн стали.

Главное у кузнечан — это новаторство, постоянные поиски нови для совершенствования технологии, борьба против косности, рутины, отживших правил. Среди тружеников комбината 80 лауреатов Сталинской премии. Десятки тысяч ценных предложений новаторов, внедренных в производство за два десятилетия, дали государству экономии сотни миллионов рублей.

Кузнеческие доменщики, как известно, первыми в стране внедрили дутье постоянной влажности.

Как к этому пришли доменщики?

Большая температура в печах создается при помощи дутья через фурмы нагретым воздухом. Резкое колебание влажности воздуха летом и зимой, днем и ночью, особенно в Сибири, мешало ровности хода домен. И доменщики Кузнечка решили паром регулировать постоянство влажности воздуха. Увлажненный воздух не только выравнивал ход печей, — он ускорил процесс. На увлажненное дутье расходуются в сутки сотни кубов воды, а вода эта дает прибавки в сотни тонн чугуна.

Кузнечане резонно ждали от Министерства черной металлургии одобрения оригинальной находке в технологии и дождалось... запрещения такой «крамолы». Доменщики не послушались, они продолжали работать по своему методу — тайком. Более двух лет продолжалась эта позорная тяжба доменщиков с работниками министерства за передовой способ.

Чем только не пугали мастеров металла! Пресловутые «флокены» — мизерные капли водорода искали в чугуна всеми доступными способами, строга­ли его вдоль и поперек. И когда уже всем стало ясно — металл чист, люди из кабинетов угрожали: будут, будут эти «нарывы», покажут себя! А потом пришлось все же техническому управлению, которое возглавлял тогда инженер Равдель, дутье постоянной влажности узаконить.

Еще дольше длилась борьба за выплавку чугуна с пониженным содержанием марганца и фосфора. Жила в инструкциях догма: в чугуна должно быть столько-то марганца (вера в чудодейственную силу марганца была фанатична). Ради этого кузнечане разрабатывали много лет плохой рудник — Мазульский и бедную железом, но марганцевистую руду валили в домны, как мусор. Много было шлака, меньше — чугуна.

И долго кузнечки новаторы допрашивали представителей технического управления министерства: зачем, для чего обеднять шихту плохой рудой? Ведь марганец все равно потом выгорал в мартеновских печах. Просьбы и уговоры не помогали. На свой страх и риск начали доменщики работать без мазульской руды, и сразу дело пошло лучше: производительность печей увеличилась. Маломарганцевистый чугун нашел признание.

Много крупных новшеств у сталеваров!

Вопреки распространенному способу, кузнечане не углубили, как это делалось на многих заводах, а расширили ванны мартеновских печей, чтобы газовое пламя быстро обрабатывало большую поверхность расплавленной массы стали. И они выгада­ли.

Старые ди­на­со­вые своды в печах заменены более жароупорными — хромо­ман­г­не­зи­то­вы­ми. Новые своды позволили повысить температуру, а значит — ускорили плавку. Стойкость сводов увеличилась более чем в два раза, а лучшие мастера достигли наивысшей в стране стойкости: на больших печах — 517 плавов без холодного ремонта, на малых — 713.

Оригинальны шлаковые коробки инженера Климасенко. Их приезжают смотреть представители многих заводов.

Шлаковик в мартеновском агрегате — это камера величиной с дом, где улавливаются частицы шлака, пыли, кусочки огнеупора. Шлак накапливается в камере, спекается в жаре, превращается в твердокаменный монолит, и печь начинает «задыхаться», — ее останавливают на ремонт. Более двух суток, задыхаясь в жаре, люди кромсали раньше этот шлак кислородным пламенем, даже взрывали, нарушая при этом кладку шлаковиков. Теперь шлак оседает в выдвижных коробках. При ремонте передвижной кран вытаскивает коробки, наполненные шлаком, и вставляет пустые.

О кузнечных прокатчиках говорят: они опережают время!

О многом здесь надо говорить, начиная словами: впервые в мире.

Действительно, в обжимном цехе впервые в мире начали удалять из нагревательных колодцев сварочный шлак в жидком виде, т. е. не остав­ляя хода колодцев — камер, где разогреваются многотонные слитки. Кузнечий блуминг — самый производительный в мире: он прокатывает, например, в два раза больше металла, чем однотипный блуминг на Макеевском заводе. И вес слитка у кузнечан увеличен с шести до восьми тонн, а затраты времени и энергии остались те же; предполагается дальнейшее увеличение веса слитка до девяти тонн — стан «пролотит» и такой раскаленный кусок металла.

Прокатчикам в борьбе за секунды пришлось ломать устаревшие каноны.

Инженер-новатор обжимного цеха Борис Петрович Зуев рассказывал так:

— В нашем ведомстве до сих пор почитаются классики металлургии прошлого века — Зибель и Тафель. Когда-то они определили предельный угол захвата слитка валками 22—24 градуса. Никто не смел дерзать

на большой угол! Посмели мы, испытали — пошло. Попросили разрешения в министерстве, а там испугались: не смейте, вы ломаете блуминг! Так мы и работаем тайком несколько лет, блуминг не ломается.

Первыми в стране прокатчики автоматизировали блуминг. Казалось бы, к чему это кропотливое дело? Скорости известных в стране кузнечных вальцовщиков — Сомова, Заварыкина, Меркулова, Бизунова и других — наивысшие.

Но вот подсчитали: за смену вальцовщик производит более 50 тысяч выключений и включений рычагов (один локоть правой руки проходит за смену путь, равный 10 километрам). И высокое мастерство вальцовщиков — это громадное напряжение. Сколько раз бывало, — если вальцовщик приходил на работу не в духе, без должного настроения, не было ни скоростей, ни ритма.

Теперь вальцовщики просто наблюдают за коробками автоматики, унифицированными световыми глазками. Не сразу первоклассные мастера приняли автоматику. В первое время аппаратура работала медленно, часто вальцовщики нетерпеливо выключали ее и сами управляли блумингом. Потом автоматика подтянулась.

Вот еще одно любопытное явление: автоматика теперь работает чуть медленнее, чем мастера-скоростники, а экономия электроэнергии — более двух киловатт на тонну металла. Как это происходит? Присмотрелись, подсчитали: автоматика точнее рук; мастера все же чуть, пораньше включали и чуть позже выключали двигатели. Разница в долях секунды, а в общей экономии — тысячи киловатт-часов в сутки.

Успехи кузнечных металлургов значительны. Но мало кто из них считает, что все вершины достигнуты и больше стремиться не к чему. Наоборот, чем больше побед, тем больше запала, задора, устремлений вперед, шире замах!

В дни обсуждения в цехах проекта Директив XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану люди выступали горячо, пламенно, остро; за время обсуждения новаторы внесли более тысячи ценных предложений.

2. Думы доменщиков

Трудно представить, сколько у домен понадобилось бы рабочих — скажем, с тачками и лопатами, чтобы поднять лишь на одну печь шихту с многих поездов. На обширном, как поле, рудном дворе, кроме железнодорожников, — всего семеро доменщиков. Они с помощью машин обеспечивают шихтой все домы.

Никого нет в подбункерном помещении. Здесь по длинному коридору среди двадцати бункеров ходят по рельсам «самостоятельно» вагоновесы с высоко приподнятой площадкой, на которой таинственно мигает огоньками робот автоматики.

А можно вспомнить, как в первые годы жизни комбината в подбункерных трудились сотни рабочих; в суровых сибирских морозах руды смерзались и люди ковыряли глыбы кайлами, ломami. Потом инженер Дорофеев и мастер Цитович придумали обогревать бункеры паром. И как хорошо теперь иметь дело с влажной теплой рудой! — зимой она не смерзается, а летом меньше теряет пыли, ровнее распределяется по конусам печи при загрузке.

Мастер Герасимов стоял среди машин, вслушивался в их сдержанный рокот, спокойно наблюдал, как ловкие и быстрые контакты, непрерывно двигаясь в голубых молниях искр, вызывали вращение тяжелых валов с толстыми тросами — они поднимали и опускали скиты.

Мы поздоровались. Герасимов грузно опустился на стул, вздохнул озабоченно, огорченно махнул рукой:

— Что рассказывать! Плохо. Отстаем от Магнитки!

— Что же так мрачно? — попытался я начать спор. — Сколько у вас на счету сверхпланового чугуна?

— Есть такой! — невозмутимо ответил мастер. — А было бы куда больше!..

Лука Тарасович Герасимов — ветеран. Он зажег первую кузнечную домну. В жарком трудовом соревновании доменщиков он, один из лучших мастеров цеха, награжден многими орденами, медалями. Встречались мы с мастером и раньше, — бывал я гостем в его доме, что в старом Кузнецке, под Крепостной горой. И всякий раз наши житейские беседы с любого начала приводили к главному интересу жизни Герасимова — к домнам.

Так было и в машинном зале. Начав разговор, он повел его широко и страстно:

— Какой у нас агломерат? Пыль! Пока везут его из Мундыбаша поездами, спружают в бункеры, в карманы вагоновесов, в скипы, получается одна пыль. Как тут увеличивать выплавку? Агломерат должен быть крупным, прочным, с равным содержанием железа, с постоянным содержанием извести. А руда с колес. Вот на Магнитке условия! Агломерат там идет в печи горячим, прямо с лент фабрики, с постоянным содержанием железа и извести. А у нас? Неровно идут печи, приходится нам все время крутиться, выравнивать ход. Вот беда наша — фабрика агломерационная, рудники! А почему? Спокойно жили. Сидели на привозной магнитогорской руде, на свои рудники внимания не обращали. А потом магнитогорцы нам сказали: хватит, у вас свои рудники есть. Начали мы хлопотать в министерстве, в главке, — надо же развешивать рудники, нужны средства, техника!

Замолчал мастер. Обошел неторопливо хозяйство, послушал у мраморных щитов щелчки контактов, вернулся.

Зазвенел телефон. Мастер бегом взглянул на ручные часы, поднял трубку, ответил коротко: «Да. Сейчас» и поднялся.

— Пошли на литейный, — предложил он.

Литейный двор — это площадь под кровлей. В синеватом полусвете горновые заканчивали неторопливо желоба. Затем старший горновой пробил электробуром летку, и в каскаде искр, в выплесках пламени из горна вырвался бурный поток тяжелого металла.

Минут сорок лился чужун. Затем горновой повернул массивную электропушку, навел ствол на летку, — порция влажной глины влетела, вдавилась в отверстие. И это напоминало выстрел, сопровождаемый грохотом, сверканьем, клубами пара!

— Видали? — спросил Герасимов, когда у горна стало темно. — Устала наша пушка, бунтует у нее печь. Давление газа повышенное, а в пушке давление на поршень тридцать тонн. Маловато. Менять будем.

Он задумчиво постоял на площадке, где в сумерках двора все еще дышали жаром и остывали красноватые змейки в желобах. Сколько раз вот так стоял он над потоками чугуна, любясь! Потом мы вернулись в газовую будку. Я продолжал расспросы о видах на будущее, а мастер увлеченно отвечал:

— И виды есть. Хорошо! Видали на Кондоме, под городом, новая аглофабрика строится — Абагурская? В стройке и рудник для нее — Абаканский. Сколько лет копошатся там строители! Сил у них мало, министерство не помогает. Вот бы закончить поскорее, тогда к нам агломерат, как на Магнитке, горячим пойдет, прямо с лент. И в Мундыбаше надо порядок навести. Везить надо агломерат горячим, не охлаждать его на складах, не заливать водой. Тогда и пыли не будет. А пыль — это малая газопроницаемость, трудно маневрировать повышенным давлением газа под колошником...

Много рассказывал мастер о том, что наметили доменщики, обсуждая шестую пятилетку. Все домны кузнечские переделаны, увеличен их объем, а воздухонагреватели остались прежними. Сколько раз просили реконструировать воздухонагреватели, — ответ из министерства был один: поспеем!

Теперь доменщики наметили увеличить поверхность нагрева, чтобы температура дутья была не меньше восьмисопятидесяти градусов. Наме-рены они также привести в порядок воздуходувки. Затем автоматика! По-садить роботы на все вагоновесы цеха! Автоматизировать воздухонагре-ватели, воздуходувки, всю домну! Вот тогда...

— Тогда потягаемся с магнитогорцами! Крепко потягаемся! Чтобы не задавались, — опять вернулся мастер к своей глубокой «занозе». — Ведь мы были всегда впереди, а потом они обогнали нас.

— А что, далеко они ушли?

— Не очень чтобы далеко, но и не близко. Вот был у нас из Магнитки инженер Николаев. Пришел к нам, познакомился, походил, посмотрел, а потом сказал: «Да-а, кокс у вас отменный, а расходуете вы его варварски — на сто килограммов больше на тонну чугуна, чем у нас. И чугуна у вас на каждого рабочего на двенадцать процентов меньше, чем на Маг-нитке!» И все в таком роде — и арматура у нас на воздухонагревателях устарела, и шиберы горячего дутья допотопные, и так далее... Говорил он это дружелюбно, а в глазах — бесенята, вроде как бы: ох, провинция! Каково это нам слушать?! Стыдно! Вот какие у нас дела... Ну, погово-рил я с вами, пойду.

И, прощаясь, спросил меня:

— У вас завтра день как, свободен?

— Вечер — да.

— Сыны из армии вернулись оба: Николай — радист, Георгий — тан-кист. Праздник маленький устроим.

— Они прямо из школы в армию пошли?

— Нет, работали. Николай был вальцовщиком, Георгий — газовщи-ком. Это там они занимали новые профессии.

— И куда же они после армии?

— Как куда? На комбинат. Специальности у них золотые. Хотя, конечно, народ самостоятельный, да уж полагаю, что металл не изменят. И ждут их тут, работали они когда-то добре. Ну, ладно, приходите в гости!

Человек средних лет и среднего роста, худощавый на вид, запрокинув голову, пристально смотрел на вершину домны. На приветствие он порывисто обернулся, быстро пожав мою руку, сказал:

— Одну минутку.

Потом закончив, видимо, какие-то свои наблюдения, повернулся:

— Смотрите! Ведь работает домна почти самостоятельно, — остались в смене, кроме мастера, один газовщик и четверо горновых. Домна должна работать одна, автоматически! Вне всякой связи со вкусами и настроениями людей. Домна — это химия, где главное — точность во всем: в секундах, в процентах! Вы бывали в подбункерных других печей? Поинтересуйтесь, как работают машинисты на вагоновесах. Их труд самый напряженный: за три минуты машинист должен набрать в разных бункерах шихту, двадцать пять тонн, затем в одну минуту сыпать шихту в скипы и снова вести вагон по узкому коридору. И в секунды, — учтите, в секунды! — набирать шихту по заданной программе: столько-то агломерата, руды, скрапа... И никакой выдержки, никакой закалки, никаких самых неистощимых сил не хватает живому человеку, чтобы работать безошибочно.

— Как же, до сих пор...

— Да! Работают до крайней усталости, на полный износ, если хотите! А сколько раз бывает, одно забудет машинист, другое повторит. И вдруг начинает разогреваться печь! Или начинает остывать! Или подвисла шихта! Вам знакомо это? Я не виню машинистов, я виню обстоятельства. Да, мы автоматизировали вагоновесы. К нам приезжают гости с других заводов, смотря, признают: «А ведь у вас дело!» Конечно, не сразу у нас получилось...

Не сразу, верно... О том, как пробивался к своей мечте Василий Григорьевич Гурьянов, как подтрунивали над ним маловеры, как к тому же случались неудачи, — обо всем этом можно бы написать книгу.

Один раз скип вышел из повиновения и с грузом заскочил на самый колошник. Пришлось остановить печь на 12 часов.

Были промахи в расчетах, были и другие ошибки. А ошибка на домне — это сотни и тысячи тонн недобора чугуна. Ошибки эти обсуждались на собраниях, изобретателя слушали на партийном бюро, призывали к осторожности. А сколько раз иные ретивые начальники «обещали» Гурьянова немедленно выгнать с работы за всяческие нарушения графика, за срывы...

Было. Теперь все кажется простым и ясным. Вся система, в которой 26 машин, связана взаимно одной цепью. Всей системой командуют шомпола-зонды, опущенные сверху на шихту в печи, уровень которой определяет мастер.

Вагоновесы водит робот — реверсивный магнитный контролер, который умеет считать по заданной программе. Например, вагон отправился к третьему бункеру за агломератом, — робот считает. Точно у третьего бункера вагон останавливается, реле выключает ход движущего мотора. Тут же цилиндры вагоновесов поднимаются для сцепления с барабанным питателем бункера. В секунды в карман вагона ссыпается семь тонн агломерата, стрелка на циферблате весов доходит до цифры «7», и реле выключает набор. Включается расцепление. Включается движение вагона к следующему бункеру.

Так за три минуты робот обходит десять бункеров, точно набирает 25 тонн шихты и возвращается к скипам. Круг завершен.

Автоматика вагоновесов — это творчество Гурьянова и его товарищей, электриков цеха. Они включили в нее много раз испытанную аппаратуру — реле, контакторы — и продумали счетно-решающее устройство — реверсивный контролер. Сконструировал Гурьянов также электровоздушные, пневматические распределители для подъема затворов, для сцепления, торможения вагона.

О самом главном в автоматике Гурьянов говорит так:

— Это культура! Автоматизация вагоновесов потянула за собой постоянно в загрузке бункеров, качество напрузки. Автоматика привлечет, непременно потянет за собой и ровный кусковой агломерат. А затем будем дерзать до домны-автомата. Мы автоматизируем всю домну!

Гурьянов говорил об этом убежденно. У него есть расчеты, опыт автоматизации такого сложного агрегата, как вагоновесы. Своей второй работой он считает воздухоматериалов. На третьей очереди — автоматизация воздуходувки, а затем — всей домны.

— Да, это наша мечта! — сказал в заключение Василий Григорьевич и решительно подчеркнул: — Мечта реальная! Мы ее осуществим!

3. Дерзают сталевары

Говоря о кузнеческих сталеварах, первым среди многих знатных и первых мастеров стали следует назвать старшего мастера Михаила Мойсеевича Привалова.

Привалов — сибиряк. Более 20 лет назад он приехал на кузнечскую стройку, учился в ФЗУ вместе с Гурьяновым. Потом их пути разошлись: электрик Гурьянов пошел в доменный, учился в институте, а Привалов стал сталеваром, учился в техникуме. Крупнейший новатор среди металлургов, лауреат Сталинской премии, Михаил Моисеевич занят общественными и государственными делами: он — член ЦК профсоюза металлургов, депутат Верховного Совета СССР.

Знают хорошо Привалова сталевары Магнитки. Его книги о скоростных плавках, о работе без брака, о скоростном ремонте печей знакомы металлургам страны. Помнят Привалова и в странах народной демократии, где он был желанным гостем и помогал друзьям.

На заводах Чехословакии, например, мастер рассказывал металлургам о своем многолетнем опыте выплавки стали без брака и проводил скоростные плавки. Он показывал также свой способ скоростного горячего ремонта подин в печах. Тогда на заводах Чехословакии были созданы приваловские школы. А в Вене в 1954 году на III Всемирном конгрессе профсоюзов друзья из Чехословакии подарили Привалову его первую книгу «Больше стали отличного качества» на чешском языке. Бывал Михаил Моисеевич и в Англии, и во Франции..

Приваловская школа скоростного ремонта печей — наиболее передовая: Привалов сократил продолжительность ремонта печей до 5,7 процента календарного времени, а ремонт подин составляет всего лишь 0,72 процента. Простой печей здесь в два раза меньше, чем на заводах Челябинском, Макеевском, Закавказском.

Много на блоке Привалова знатных людей, рекордов, достижений. Ветеран комбината сталевар Михаил Васильевич Буркацкий давно уже выдал миллион тонн стали. Он работает на второй печи вместе с товарищами Шабаловым и Кузнецовым. На этой большой печи они дали рекордное число плавков без ремонта — 517.

Академик Бардин мечтал когда-то о печах с годовой производительностью в четверть миллионов тонн. Многие сталевары Привалова выплавляют в своих печах за год стали больше. Они предельно уплотнили операции — завалку, прогрев, плавление. Большинство из них работает совершенно без брака.

От кузнечных сталеваров отстают даже прославленные мастера Магнитки — в плавках, например, на целый час. И часто мастер Привалов выезжает на помощь сталеварам других заводов: в 1955 году он был на пяти заводах.

Читал Михаил Моисеевич свои лекции в Москве: в зале Политехнического музея, в Институте стали. В беседах с учеными он не только отвечал на вопросы, но спрашивал сам, ставя иной раз докторов наук в затруднительное положение.

Конечно, ученые страны во многом помогли сталеварам улучшить качество стали для подшипников, разгадали таинственные микроразрывы в рельсовой стали и устранили их, помогают совершенствовать мартеновские печи. Но многих еще вопросов не решают.

— И выходит, — рассказывал горячо Привалов, — что мы, производственники, пробиваемся сквозь дебри неизведанного, ходим в синяками и шишками на лбу, а ученые где-то позди, ждут, когда их пригласят за праздничный стол. Вот — хромомagneзитовые своды. Хорошие своды, стойкие, а теоретического обоснования нет, не знаем мы и границ их возможностей. Или так: своды стойкие, новые, а насадки в регенераторах, где нагревается воздух, старые. Мы их сами переделываем по-своему, отчаянно спорим, а ученые в стороне. Давно мы спорим о ферромарганце: добавлять его во время чистого кипячения стали или не надо. Мы говорим — не надо, а по технологической инструкции — надо добавлять. Мы спорим, а ученые не говорят ни да, ни нет. Или вот, наши инженеры по-разному

улучшают пламя в печи. Масловский и Зильберштейн включили в головку печи дополнительный канал, а инженер Климасенко обвиняет их в том, что они ослабили конструкцию головки. Сам Климасенко подает воздух в факел пламени через форсунки. А какой способ лучше? Мы — гадаем, инженеры — спорят, ученые — молчат. Ведь, чего мы хотим? Ясности!

Много у мастера Привалова замыслов. Он утверждает:

— Да, завалку можно еще сократить на пятнадцать минут за счет более жаркого прогрева, свод выдержит. Но при этом не следует допускать резких колебаний температуры — хромомагнетитовая кладка не терпит этого.

— Столько же времени можно сэкономить и на завалке железного лома, если работать двумя завалочными машинами. И чугуна жидкий следует заливать в печь одновременно по двум желобам.

— Пора уже увеличить вес плавки на десять тонн — в опытах это проверено. А десять тонн дополнительно в каждой плавке — это десятки тысяч тонн сверхплановой стали!

— Давно пора переработать технологическую инструкцию. При новых сводах плавки ведутся гораздо быстрее.

Одним из первых среди новаторов сталеплавления следует назвать старшего мастера Петра Дмитриевича Никитина. Можно привести примеры смелой выдумки мастера.

При выплавке легированной стали много расходовалось дорогого никеля и хрома. А при дальнейшей обработке стали в отходах оставалось много хромоникелевой стружки. В копровом цехе ее скопились — горы. Никитин предложил использовать эту стружку в качестве легирующих добавок. Но вот загадка: во время плавки хром и никель где-то терялись. Проследил мастер процесс и заподозрил: присадки, добавляемые в шихту при завалке, переходили в шлак. Никитин начал добавлять хром и никель во время доводки стали, и присадки остались в металле.

Про Никитина говорят: дотошный человек, превосходный знаток стали, умеющий «видеть» процессы глубоко! Часто он решает запутанные и сложные вопросы раньше инженеров и выступает с предложениями вопреки узаконенной технологии. И тогда начинаются жаркие споры, в которые втягиваются сталевары, все металлурги; эти споры потом становятся вопросами партийных собраний, конференций в Доме техники.

И в этом сказались упорство, убежденность, напористость мастера Никитина.

История с фосфором волновала весь комбинат почти год. Споры зыкли на заседаниях, собраниях, дома. В страстную полемику втянулись газеты, журналы. Очень уж большую жилку зацепил Никитин!

Фосфор в стали — враг. Достаточно одной лишней доли процента фосфора, и она становится хладноломкой, хрупкой.

Когда доменщики отказались от плохой мазульской руды, в которой много марганца и фосфора, сталевары ожидали — меньше фосфора будет и в стали. Но возникла загадка: в чутуне фосфора стало меньше, а в стали столько же. Где утаивается фосфор?

Никитин предложил руководству:

— Начнем исследования!

Не приняв предложения, сказали: «У нас производство, а не исследовательский институт!»

Начал Никитин сам. Познакомился с трудами профессора Умрихина. Показалось Никитину, что профессор Умрихин в своих трудах допустил ошибку — он не мог оторваться от технологии и опыты свои проводил во время доводки стали.

После долгих раздумий понял мастер, что фосфору можно нанести один решительный удар не во время доводки стали, а в плавлении, сразу же после заливки в печь горячего чугуна. Именно в это время в шлаке скапливается максимальное количество фосфора. Если спустить первичный шлак, а затем при помощи мутьды скачать шлака еще полковник, фосфора в плавке останется столько, что не надо потом в доводке стали добавлять в печь ни извести, ни боксита, а это — большой резерв времени.

Предложил Никитин такой способ инженеру Сахарову. Тот возмутился и назвал предложение мастера сумасбродством. Никитин решил испытать свой способ на свой риск. Договорился со сталеварами Беляевым, Мочаловым, Аверкиным, — они сразу поняли. Начались тайные плавки. И расчеты мастера полностью подтвердились: если в каждой плавке фосфора примерно триста килограммов, то после спуска шлака самотеком и скачивания при помощи завалочной машины оставалось не более шести-десяти. Обошлись без извести и боксита в присадке, а это — сорок минут времени и сотни рублей экономии.

О результатах первых плавков мастер доложил по всей форме начальнику цеха и главному сталеплавильщику. Сахаров немедленно накричал: анархия в цехе! Мастера Никитина вызвал заместитель главного инженера Бородулин и... разрешил еще тридцать опытных плавков. Все плавки прошли отлично, каждая на час раньше времени.

Так мастер Никитин нашел главное, чего не знал Умрихин, — время, когда в шлаке скапливается большое количество фосфора. Он дополнил искания ученого и решил вопрос практически.

Все ли найдено? Нет. Понятно, новые резервы, новые возможности увеличения выплавки металла Петр Дмитриевич продолжает искать в своем цехе, во всех закоулках громадного комбината. Он рассказывает:

— Давно я думаю о наших золотых россыпях, — когда же мы до них доберемся? Я говорю о наших шлаковых отвалах: ведь там миллионы тонн железа вылиты! Я помню, на Урале были такие старички-пенсионеры, они ходили с ведерками и молоточками в шлаке отбивали маленькие корольки — кусочки стали. Ходили с ведерочками, а дома строили двухэтажные, каменные. Выгодно! А мы тут богато живем, миллионами кидаемся. На рудниках руду добываем, размалываем ее, обогащаем, делаем офлюсованный агломерат, а железа в этом агломерате — половина. А тут рядом само железо! Ну ладно, в прошлом его было мало, а теперь! Ведь сотни тысяч тонн стали идет у нас в отвал со шлаком. Скрап возим поездами за тысячи километров, часто нам не хватает этого металлолома, а свои миллионы не трогаем. А пора бы заняться. Да так, чтобы загудел комбинат, до министерства докатилось, до Госплана! Как вы думаете, стоящее это дело?

4. Рассказывает директор комбината

Григорий Иванович Ермолаев в Сталинске более 20 лет. Можно сказать, вся его жизнь связана с Кузнецким комбинатом. Сначала работал в прокатных цехах и одновременно учился в Сибирском металлургическом институте.

Директор знает свой комбинат, как можно знать родной дом, город; любит свой коллектив, как можно любить семью, большую и дружную.

С большим уважением Григорий Иванович рассказывал мне о передовой части своей армии — о новаторах. Комбинат дает государству продукции на миллиарды рублей, одной лишь чистой прибыли дает ежегодно свыше полумиллиарда. И если при таком объеме кузнецкие металлурги наметили увеличить выпуск продукции в шестой пятилетке по валу на

шестьдесят процентов, можно представить, что это такое! Громадный новый завод!

— А что еще нужно для успешного развития металлургии Сибири? — спросил я директора.

— Очень многое. Мы весьма рады решению партии и правительства о преимущественном развитии промышленности на востоке страны. Мы хорошо понимаем, что наш комбинат — крупнейшее предприятие Сибири с законченным металлургическим циклом, а от нас во многом зависит развитие промышленности на Востоке. И потому мы не можем молчать о всех рогатках на нашем пути. Я говорю о министерствах, ведающих черной металлургией и строительством металлургических и химических предприятий. Вот где укрепились недооценка промышленности Востока! В самом деле, ведь если мы даже теперь испытываем затруднения в руде, если мы намерены и будем увеличивать в шестой пятилетке выпуск металла и если в Сталинске будет сооружен новый металлургический завод, разве не ясно, что надо немедленно и всемерно развивать горнорудную базу? В министерствах об этом говорят, много говорят, но разговоры эти декларативны и не подкреплены практическими делами. Не выделяются средства для реконструкции наших рудников, где устарело оборудование. Затягивается строительство новых рудников и заморожено, по сути дела, сооружение новой Абагурской агломерационной фабрики. Отказали нам в средствах и на строительство завода горного оборудования. А без всего этого очень трудно сводить рудный баланс...

Ермолаев рассказывал о том, что строителей держат в черном теле: их базы отстали, а материально-техническое снабжение настолько плохо, что почти все новые сооружения вводятся в строй с большим опозданием. Картина очень тревожная, однако тревоги за это в министерствах нет. За последние годы в Сталинске ни разу не были ни министр черной металлургии, ни министр строительства металлургических и химических предприятий. Хуже того, все приказы по оказанию помощи тресту «Сталинск-промстрой», ведущему строительство на комбинате, не выполняются.

Конечно, трудно ожидать живого, действенного руководства, например, от Главного управления по строительству металлургических предприятий Сибири и Дальнего Востока. У нас, в Кузбассе, не менее половины всех его работ, а сам главк в Москве. В Москве же находится и наш главк, а его основные предприятия расположены на Урале и в Сибири.

Главная беда в том, что многие в Москве еще не знают Кузбасса. В одном из своих выступлений товарищ Хрушев включил Кузбасс в первую пятерку экономически важных районов страны, вместе с Москвой, Ленинградом, Уралом и Донбассом. Такого правильного понимания, к сожалению, лишены многие руководители ведомств.

Бурно растущим городам Кузбасса нужны миллионы и миллионы квадратных метров новой жилой площади, а строятся жилища плохо, медленно. Условия труда у строителей безобразные.

Или такой пример. Во многих, даже маленьких городах европейской части страны построены просторные новые вокзалы, даже дворцы в граните и мраморе — например, в Рязани. А в наших городах — Сталинске, Прокопьевске, Кемерове, в которых разместилось бы десять таких областных центров, как Рязань, вокзалы — барачные, тесные, мрачные. Да что — вокзалы! У нас на каждый кинотеатр приходится по трети миллиона человек населения, а очереди у касс кинотеатров поразили бы воображение самых испытанных фантастов. В большом Кузбассе нет оперного театра, нет своего симфонического оркестра, а театральные здания сооружаются медленно.

Не знают Кузбасса! Не понимают его! Отстали! — вот беда многих руководящих товарищей, обожающих свои московские кабинеты и неохотно их покидающих для редких выездов в места не столь отдаленные, известные и преимущественно южные.

А зря! Надо бы таким сидням поучиться у руководителей партии и правительства, которые, как хорошо известно всем, не считаются ни с расстоянием, ни со временами года.

Металлурги Кузнецка вступили в шестую пятилетку с большими замыслами, с задором и твердым намерением. И они не отступят!

Директор Кузнецкого комбината депутат Верховного Совета СССР Григорий Иванович Ермолаев справедливо высказал все то, что глубоко волнует металлургов Сибири, Кузбасса.

А. ИВАЧЕВ.

СТРАНИЦА ЖИЗНИ

Очерк

— Разрешите войти?!

Миронов, не отрывая усталого взгляда от бумаг, кивнул головой.

В кабинет легкой, пружинистой походкой вошел начальник седьмого участка Иван Михайлович Медведев. За его спиной начальник шахты увидел высокого широкоплечего человека с густой взлохмаченной шевелюрой и смущенным лицом.

Не дойдя до стола, он остановился и, негромко поздоровавшись, застыл в неловкой позе, крепко стиснув в руках шапку. Миронов вопросительно взглянул на Медведева и заметил на его лице то же самое выражение растерянности и смущения.

— Вот, Николай Александрович, к вам... — начал Медведев. — Это — отец Дмитрия Устюжанина.

— Присаживайтесь, — пригласил Миронов и с любопытством взглянул на посетителя. «Похож, — отметил про себя. — Такое же, как у сына, широкое, скуластое лицо с крупным округлым подбородком, такая же литая костистая фигура...»

— Товарищ начальник, — глухо начал Устюжанин. — Я за сына пришел, за Дмитрия...

Он замолчал, словно подыскивая нужное слово, потом, тяжело вздохнув, глухо проговорил:

— Уволили ведь его... сына-то!

— Не уволили, а перевели, — уточнил Миронов. — Перевели на другой участок.

— Так вот и я об этом, — уже более уверенно продолжал Устюжанин. — Я виноват во всем...

Начальник шахты пожал плечами.

— Я виноват... — Устюжанину было трудно говорить. — Я... Три года не виделись с сыном. Встретились. Ну и выпили, как водится, по-шахтерски...

— И пили день, другой, третий, — в тон ему досказал Миронов. Устюжанин, словно под огромной тяжестью, ссутулил широкую спину, и яркий румянец разлился по его лицу.

— Виноват я, — еще тише продолжал он. — Не остановил... забыл... с радости.

Устюжанин поднял голову и, глядя в глаза Миронову, высказал как что-то глубоко прочувствованное и выстраданное.

— Обещаю вам: не будет этого больше никогда. Товарищ начальник, отмените приказ... Тяжело Дмитрию, да и мне...

Миронов наклонил голову, словно собираясь боднуть воздух.

— Нет! — решительно заявил он.

Начальник участка — Иван Михайлович Медведев — сидел неподвижно у стола и с подчеркнутым вниманием изучал темное чернильное пятно на зеленой скатерти. Густые светлые брови его были упрямо сдвинуты, губы плотно сжаты. Было заметно, что чувствовал он себя не особенно удобно. На это у него были свои основания.

Как-никак, а ведь именно он, Медведев, ходатайствовал перед начальником шахты о том, чтобы забойщика Дмитрия Устюжанина за прогул убрали с участка. Зачем же пришел сюда отец Дмитрия? Почему он так настойчиво просит за сына? Понимает ли этот человек, сам проживший, как видно, нелегкую жизнь, какой проступок совершил Дмитрий? Нарушил дисциплину. Подвел товарищей. За это судить следовало, хотя (Иван Михайлович теперь отлично понимал это) суд для Дмитрия Устюжанина был бы менее страшен, чем уход из коллектива.

— Значит, товарищ начальник, не пустите сына на участок? — после долгого молчания каким-то безнадежным голосом еще раз спросил старый шахтер.

— На седьмой? Не пушу, — отрезал Миронов — Пусть поработает там, куда перевели. Поймет — тогда видно будет...

Медведев, не поднимая глаз, кивнул начальнику в знак согласия. Устюжанин, низко опустив голову, вышел из кабинета.

Когда дверь закрылась, Миронов вопросительно посмотрел на Медведева. Под этим взглядом Иван Михайлович поднялся и, отирая платком высокий крутой лоб, медленно приблизился к окну, остановился в раздумье.

— Не знаю, Николай Александрович, — проговорил он наконец. — С одной стороны, все как будто правильно, все верно, а с другой... Не слишком ли мы строго?..

При этих словах Миронов резким коротким движением бросил на стол карандаш, поднялся.

— Это как же прикажешь понимать, Иван Михайлович? Выходит, ты не уверен! Так, что ли?

Медведев покачал головой, но Миронов не заметил и продолжал:

— Участок твой хорошо работает сколько? Полгода? А ты на участке давно? Тоже немногим больше полугода? А что изменилось в условиях работы за это время? Ничего! Это тебе ни о чем не говорит?

— Говорит, — отозвался Медведев. — Дисциплина стала лучше, ну и...

— Вот, вот, дисциплина! — сразу же подхватил начальник шахты. — А ты не припомнишь, что говорил раньше?

Он вернулся к креслу, сел и, хлопнув ладонью по столу, продолжал:

— Давай будем откровенны до конца, Медведев. Когда ты пришел к нам, я спросил: почему участок хромает на обе ноги? Ты ответил: потому, что нет дисциплины. Сознаюсь, я тогда не поверил и с неохотой наказывал горячков по твоим докладным. Я почему-то думал, что ты не выяснил истинного положения дел на участке. Ведь там творилась такая заваруха, что сам черт шею свернет! И вот, как честный человек, сознаюсь тебе — ошибался я. Ты был прав. Ты и сейчас прав, но отступать не дам, понятно?!

Медведев стоял в той же самой позе у окна и невидящим взглядом смотрел куда-то прямо перед собой. Миронов отчетливо видел его профиль: высокий крутой лоб, небольшой прямой нос, плотно сжатые тонкие губы и мягко очерченный подбородок. Невысокий, легкий и складный, он словно застыл, охваченный вдруг волной неожиданно нахлынувших воспоминаний.

Миронов с интересом наблюдал за ним сбоку и тоже молчал. Он понимал состояние Медведева: чувствовал, что сейчас тот перебирает в памяти свои первые шаги на посту начальника одного из самых крупных добычных участков шахты «Чергинская-1», и не мешал ему. Было что вспомнить Медведеву...

Да, это началось немногим больше полугода назад. Иван Михайлович тогда только что приехал на Беловский рудник из Осинников. Там, в Осинниках, осталось милое сердцу, по-хозяйски обжитое место, остались друзья и товарищи, с которыми почти четверть века плечом к плечу «рубили уголек». И если бы не болезнь жены, ни за что бы не покинул насиженного гнезда.

Не дойдя до шахты он выбрал место на обочине шоссе и долго сидел на зеленой щетке травы, думал: что ожидает?..

Миронов встретил его радушно. Трудно сказать, чем руководствовался он в то время: тем ли, что Медведев, техник по образованию, больше двадцати лет руководил участками, или повлиял разговор с управляющим трестом, который заверил, что давно знает Медведева по совместной работе в тресте «Молотовуголь», — только начальник шахты сразу же предложил ему участок. От подробной характеристики коллектива и условий работы преднамеренно воздержался, да и ничего утешительного все равно бы не мог сказать. Был когда-то на шахте один крупный участок с двумя лавами. Потом его разделили на два. Был один отстающий — стало два, только и всего. Добыча падала, комбайны простаивали... Спасибо, вывозили шахтеры, отработывающие мощный Пятый пласт. Как бы там ни было, а показатель за счет этого в среднем по шахте был хорошим.

Во всем остальном новому начальнику участка Медведеву предстояло разобраться самому и сделать выводы.

Выводы оказались мало утешительными.

Знакомство с коллективом Медведев начал прежде всего с бухгалтерии: «Как работаешь, так и зарабатываешь», — говорят шахтеры.

Иван Михайлович перерыл десятки расчетных ведомостей и не мог поверить своим глазам — даже заработок машинистов комбайнов не превышал семисот—восемисот рублей в месяц.

Это сразу же заставило насторожиться, присмотреться пытливей к людям.

Но и здесь начальника участка ждало разочарование. На первом наряде, который проводил помощник, горняки не шумели, не возмущались тем, что кто-то не вышел на смену, что не было порожняка, что два раза рвалась цепь транспортера. На всех лицах Иван Михайлович видел непроницаемое равнодушие. Так же равнодушно, не спеша, люди ушли в шахту.

Как это не было похоже на горняков шахты «Капитальная-1»!

С тяжелым чувством направился Медведев осматривать свое подземное хозяйство. Но и здесь, впервые за многие годы работы, ему пришлось пережить еще одно горькое испытание. Недалеко от лавы и без того заваленный и захламленный главный конвейерный штрек был настолько передавлен породой, что пришлось несколько десятков метров идти на четвереньках. От злости и обиды Медведев вспотел. Вверх по лаве он шел медленно, тяжело дыша. Так вот какой «подарочек» приготовил ты мне, товарищ Миронов!..

Деревянные стойки в лаве стояли густым частоколом, как попало, кривь и вкось, сухо и угрожающе потрескивали. Было ясно, что там, по ту сторону стоек, в отработанном пространстве кровля давно уже «просится» на посадку и удерживают ее только мощные металлические костры.

Люди неторопливо выполняли свою работу, не обращая внимания на эти сигналы.

Не удивительно, что на участке по три раза в месяц лава заваливается! Шахтеры, стремясь хоть как-нибудь добыть уголь, выполнить задание, обрабатывают лаву до тех пор, пока можно. Трещат стойки? Это — не так страшно! Они и вчера трещали — авось выдержат и сегодня. Но наступал момент, когда горные породы начинали оседать и, как спички, ломалась крепь. Не помогали даже костры: они рассыпались и оставались в завале.

Очередная авария! Начинались непроизводительные ремонтные работы, а потом снова повторялось все сначала. Вот почему лава была искривлена, и так сильно, как Медведеву еще не приходилось видеть.

Когда он добрался до середины, справа, со стороны завала раздался глухой треск. Горный мастер Жеребцов, шедший рядом с Медведевым, испуганно схватил его за рукав. Иван Михайлович резко выдернул руку и шагнул к завалу. Луч света скользнул по сероватому ряду стоек и остановился на одной; толстое смолистое бревно, подпиравшее кровлю, не выдержало и, надломившись посередине, медленно сгибалось, с треском разрывались волокна. Соседние стойки дрожали, давая заколы и трещины.

— Почему не производите посадку? — бросил Медведев.

Жеребцов пожал плечами:

— Наряд был на добычу. Уголек нужен, план...

Вверху, то и дело захлебываясь, на первой скорости шел комбайн; по рептам жиденькой струйкой бежал мелкий, обильно смоченный водой уголь. Когда поровнялись с комбайном, машинист выключил мотор: забойщики не успевали ставить крепление — вышел запас стоек.

— Которую смену вы берете цикл? — поинтересовался Медведев.

— Смену? Да уже третьи сутки, — равнодушно ответил комбайнер Петухов.

От неожиданности новый начальник участка только рот раскрыл. Все было ясно: 140 метров за трое суток! Да у него на «Капитальной-1» цикл в такой лаве брали за смену!..

Однако начальнику шахты, когда тот на следующий день спросил о первом впечатлении, Медведев сказал:

— Дисциплины там нет — вот в чем вся беда.

Миронов удивился:

— Присмотритесь получше. Что-то о прогулах я не слышал!

— А я не только о выходах на работу говорю. Нет элементарной горно-технической дисциплины. Копются, извините, как жуки...

И Медведев выложил начальнику шахты свои соображения. Коллектив может работать. Но для этого необходимы условия: выравнять лаву, перекрепить конвейерный и вентиляционный штреки, а тем временем нарезать новую лаву. Старый забой надо осушить, и только после этого...

— Нет у нас сейчас лишних проходчиков, чтобы готовить вам новую лаву, — отрезал Миронов.

Медведев улыбнулся:

— А я ведь не прошу бригаду у вас! Сами сделаем.

...Так начался для Медведева его путь на «Чертинской-1». Это был самый тяжелый период его горняцкой жизни. Снова, как всегда в трудные моменты, он сам проводил все наряды и большую часть суток находился в шахте. Забывал про обед, про отдых. Телефонные звонки напоминали о доме: дочь сообщала, что «с мамой опять плохо». Наскоро переодевался в мойке, бежал проводить семью. Полтора—два часа отдыха, — и снова на шахту. Работы по горло!

Воевал с равнодушными за новое. Забойную полосу продолжали крепить лесом, выкладывая в помощь стойкам громоздкие костры из металла. Это — тяжелый и утомительный труд, который отнимал массу

драгоценного рабочего времени. А в штреках и старых выработках Медведев то и дело находил новенькие стойки металлического крепления.

Как-то на одной из планерок он обратил на это внимание руководителей шахты, но его замечание пропустили мимо ушей.

— Не годится металлокрепление у нас. Пробовали — не получается, — отговорился главный инженер.

«Час от часу не легче, — подумал Медведев. — Как же так? В Осинниках он два последних года вообще не применял деревянных стоек для крепления призабойной линии, а здесь — «не получается»! Что-то не то».

Вскоре он обнаружил на складе целые штабели металлического крепления и велел отгрузить на участок. Очередной смене дал наряд — крепить лаву только металлом, а вместо костров ставить кусты по пять металлических стоек в каждом.

В середине смены он спустился в шахту. Еще издали услышал гулкие, тяжелые удары, перекрывающие шум транспортера, и приглушенный рокот комбайна. Сделал еще несколько шагов, повернул в лаву и замер в изумлении. Забойщики, заранее замерив стойку, закрепляли ее болтом и, подняв, забивали кувалдой под огниво, как деревянную. Железный молот в сильных руках навалоотбойщика гулко ухал, стойка жалобно звенела, пружинила, но поставить ее на место, выпрямить было невозможно.

Медведев не выдержал, закричал:

— Что вы делаете, головы садовые?!

Горняки, сгрудившись, угрюмо молчали, явно не понимая, чего от них еще требуют. Кто-то со злобью швырнул топор, и он с шумом покати́лся вниз. Наступила тревожная тишина.

— Приехал тут наводить порядки... То ему не так, это — не так, — нелюбезно отозвался один из горняков, — А ты покажи — как!

Иван Михайлович наугад взял первую стойку, на глазок прикинул высоту до кровли, раздвинул ее и потребовал:

— Дайте клин.

— Какой клин?!

Медведев выпрямился и огляделся по сторонам. Клина, не оказалось. Мало того, о существовании клина горняки даже и не подозревали.

«Ну и ну, — думал Медведев, поднимаясь на-гора. — как же могло завоевать признание металлическое крепление, если здесь даже не знают, как им пользоваться?».

На другом складе он разыскал злополучные клинья и в ночную смену сам снова пошел в шахту. На этот раз решил показать горнякам, что же все-таки это значит — крепить металлом. Первые три стойки поставил один. А к концу смены горняки уже посмеивались сами над собой: поставить металлическое крепление оказалось не таким хитрым делом. Удар кувалды по клину — и стойка подпирала огниво. Выбил клин — и нет опоры, бери и переноси стойку в другое место.

Прошло несколько дней, и Медведев заявил на наряде, что система подготовки выработок никуда не годится. Разве они сами этого не видят? Вентиляционный и конвейерный штреки опережают лаву на 10—12 метров. Пройдут штреки, укрепят их, а следом забойщики, обрабатывая лаву, опять разбирают крепь и ставят ее за собой кое-как. Поэтому и получается, что все выработки находятся в аварийном состоянии. Забойщикам важен уголек, добыча, а за состояние крепления штреков они не отвечают. Да и сами проходчики вредят себе. Пройдут штрек, вскроют водоносные жилы — и по выработке хлещет вода. Проходит день, другой, и по ней трудно пройти: залило, нанесло всякого хлама и щепок. Разве это работа?

Медведев не хотел одним приказом изменить порядок работы: дескать, было так — будет иначе. Нужно, чтобы горняки сами поняли погрешность старого метода.

— А как же с оплатой? — сразу же возразили горняки. — Уголь в штреке кто будет брать... забойщики или проходчики? А нижнюю нишу нарезать кому?

Иван Михайлович был готов к ответу. Новый порядок прохождения подготовительных выработок меняет лицо бригады: она частично становится комплексной. Нижнюю часть лавы, в том ее месте, где она выходит на конвейерный штрек, отрабатывают и забойщики и проходчики вместе. Если надо — нишу нарезают проходчики. Есть необходимость—забойщики берут уголь в штреке и выкладывают бугровые полосы. Целиков из угля ни в верхней части лавы, ни в нижней оставлять нельзя—это ведет к огромным потерям топлива. Целики может с успехом заменить порода из штреков и завалов. За качество полос и крепления штреков одинаковую ответственность несут обе бригады — очистная и проходческая.

...О новых порядках на седьмом участке заговорили на шахте. Кое-кто посмеивался, кое-кто помалкивал, ожидая, что из этого получится. Но как бы там ни было, а штреки на участке сразу же приобрели другой вид. Иван Михайлович уже начал было чувствовать себя более спокойно и уверенно, как неожиданно обнаружил еще один «орешек», да такой, что он оказался потруднее прежних.

...Как-то на смене он хватился бригадира проходчиков Новикова. Его не оказалось на месте.

— Понес менять штангу, — объяснили ему.

Минут через пятнадцать Медведев снова пришел в забой:

— Не появлялся Новиков?

— Нет пока...

Через полчаса последовал тот же ответ. И вдруг Медведев догадался: бригадира нет в шахте. И самое страшное то, что товарищи его знают об этом и скрывают. Так вот почему начальник шахты не слышал раньше о прогулах на участке— тут круговая порука! Завтра кто-нибудь прямо с наряда пойдет домой, и Новикову ничего не останется, как скрыть это. А ведь Новиков коммунист, председатель участкового комитета профсоюза!

Вот когда Медведеву стало не по себе. После очередного наряда Иван Михайлович вызвал Новикова на откровенный разговор:

— Ты почему не был вчера на работе?

Новиков вздрогнул, словно его ударили.

— Я?.. Это... вы мне?!

— Да, тебе!

— Жена дома заболела. Ну, я и... — начал он, потом поднялся и сказал: — Иван Михайлович, я пойду. Наказывайте, как хотите, бригада меня ждет...

— Подождут, — отозвался Медведев. — А ты сейчас пойдешь на заседание партийного комитета шахты...

Такого оборота дела Новиков не ожидал.

А на другой день на наряде был зачитан приказ о том, что Новиков освобожден от руководства бригадой.

Но этим дело не кончилось. Через неделю сделал прогул бригадир навалотбойщиков Приваленко.

Разжалованный бригадир Приваленко пошел на доставку леса. В лесодоставщики он был переведен на три месяца. Вскоре такая же участь постигла и помощника комбайнера Менакова.

Шли дни, полные тревог, забот и неожиданностей. В июне наконец была готова новая лава. К ее пуску начальник готовился как к трудно-

му экзамену. Хорошо пойдет — значит, он выиграл, не пойдет — проиграл, и грош цена всем его бессонным ночам, всем тревогам, борьбе!

Но лавы пошла. Вот когда металлическое крепление полностью оправдало себя! Раньше помощники комбайнера не успевали возводить крепление за комбайном, даже если машина шла на первой скорости. Теперь они подгоняли машиниста, и комбайн пошел сначала на второй, а потом и на третьей. А следом выросла ровный ряд металлических стоек: удар, другой — и крепление поставлено. По прямому, как стрела, ставу рештаков бежал уголек!

Впервые за многие недели Иван Михайлович увидел на лицах шахтеров веселые улыбки, услышал шутки. Никто уже не ходил вразвалку, как раньше. Люди двигались по лаве торопливо, иногда бегом.

— Давай, давай, Василий Иванович! — стараясь перекричать шум мотора и скрежет цепей транспортера, то и дело покрикивали они на машиниста.

— Поднажми, друг!

— Включай последнюю!

Раньше о плане говорили как о чем-то таком, к чему всегда стремились, но чего никогда не могли достигнуть. Теперь это было не только заветной, но и близкой целью.

Первый цикл взяли за десять часов. Сменились быстро, почти без остановки комбайна. Бодрость и уверенность передались горнякам второй смены. Многие из шахтеров, пожалуй, и не помнили, когда последний раз так успешно шло дело.

150 метров лавы за десять часов! А ведь еще полтора месяца назад они подрубали такую же самую лаву по этому же самому плану. Второму за 50—60 часов.

Когда комбайн дошел до верха лавы, бригадир Караваев предложил:

— Начнем, Иван Михайлович, сходу второй цикл.

И хоть трудно было остановить людей, Медведев раз и навсегда запретил тогда даже думать об этом: кровля такая, что требует посадки после каждого цикла. Нарушить это правило — значит завалить лаву.

— Но ведь долго провозимся с посадкой. Уголек надо давать, — попытались горняки убедить Медведева, но тот только понимающе улыбнулся:

— Уголек теперь от нас не уйдет, весь наш будет. А насчет того, что задержит посадка, — это еще посмотрим!

Медведев знал, что говорил. Раньше горняки в погоне за выполнением плана сразу же после спуска комбайна и заводки его в нижнюю нишу первым делом переносили, устанавливали нижний привод транспортера и начинали «качать» уголь. В это время все крепление сверху лавы доставляли вниз волоком, за 200—300 метров. Не успевали, стоек не хватало, и комбайн работал рывками: то пойдет, то остановится.

Медведев расставил шахтеров по-другому, цепочкой. Как только комбайн был спущен вниз, навалотбойщики быстро разобрали сразу весь рештатный став и перенесли его на новую дорожку, ближе к груди забоя. Когда начали монтаж приводов, посадчики легко и быстро разобрали стойки, убрали кусты, переставили их, и кровля спокойно осела. За это время все привода были смонтированы, цепи натянуты, а машинист с помощником осмотрели комбайн и завели бар. Через четыре часа машина двинулась снова вверх по лаве, а навстречу ей по рештакам пошли деревянные огнива и металлические стойки. И на все это ушло четыре часа, вместо обычных 8—10 часов при прежней организации труда. Комбайн снова шел на третьей скорости, и поток угля лился с конвейеров в бункера.

До бесконечности усталым, почти больным, только через сутки поднялся Медведев на-гора и, придя домой, впервые забылся глубоким и безмятежным сном.

...С этого дня как-будто гора — с плеч. На участке установился порядок, люди стали приветливее и ближе к начальнику, а об участке вскоре заговорили не только на шахте, но и на руднике. Месячный план коллектив впервые закончил без единой аварии; в июле он уже открыл сверхплановый счет, а в августе, соревнуясь за достойную встречу Дня шахтера, горняки седьмого добыли комбайном 14700 тонн угля.

Такого результата на маломощных пластах не добивались еще не только в Кузбассе, но даже в Донецком бассейне. Горняки заработали по четыре, пять и шесть тысяч рублей.

На седьмой участок началось настоящее паломничество. Приходили посмотреть на организацию работ и новые порядки горные мастера и бригадиры соседних участков.

А Медведев уже решил сделать еще один смелый шаг — вызвать на соревнование самый отстающий коллектив.

На одном из нарядов к горнякам восьмого неожиданно нагрянули шахтеры с седьмого участка. Цель такого коллективного визита на восьмом участке никому не была известна, и Медведев не стал испытывать их терпение.

— Как хотите, товарищи, — просто сказал он, — а мы пришли вызвать вас на соревнование...

Кто-то свистнул, и в тесном кабинете раздался смех.

— Нашли кого вызывать!

С трудом водворили тишину, и Медведев пояснил:

— Что сами умеем, расскажем, приходите!

— Учиться к вам пойдем, а кто за нас план выполнять будет?

— Так ведь по одному — по два человека из смены.

— А у нас и один человек дороже, чем у вас. Наковыряет две тонны за восемь часов — и то дай сюда.

Медведев задумался. Такого оборота дела он не предвидел. Выручил забойщик Жарков.

— Иван Михайлович, разреши мне, — попросил он слово. — Я вот о чем: давайте, действительно, не будем обижать их. Пусть они придут к нам на смену, а мы к ним. По два—три человека каждый день...

Медведев вопросительно обвел взглядом всех своих «парламентеров»: «А как, мол, коллектив одобрит такое решение?»

И у каждого в глазах прочел ответ: «Одобрить!»

— Ну что ж, давайте так. Согласны, товарищи?

— Вот это другой разговор, — сразу оживились горняки восьмого участка.

В кабинете атмосфера стала доброжелательнее, теплее. Послышались шутки, смех.

— А может, сегодня начнем? — спрашивали у Медведева.

— А зачем же откладывать? Сегодня, так сегодня?

В этот день Иван Михайлович снова почувствовал за собой могучую силу коллектива. Радовало, что горняки не только охотно поддержали инициативу коммунистов вызвать соседей на соревнование, но и сами проявили находчивость, согласившись для передачи опыта работать в чужом забое. Теперь настало время новых больших тревог и новых успехов. К соседям с передачей опыта поочередно в каждую смену ходили и навалотбойщики, и бригадиры, и горные мастера.

Это было не только соревнование и не столько соревнование, сколько дружеская взаимопомощь и кровная заинтересованность в общем успехе.

И он, этот успех, пришел! К концу года коллектив восьмого участка стал уже достойным партнером в борьбе за первенство, а по отдельным

показателям даже обогнал своих учителей. Работать в этих коллективах теперь считалось большим счастьем. Да горняки и сами, почувствовав силу коллектива, силу дружбы и спайки, оберегали свои ряды от случайных людей. Текучесть рабочих на участках совершенно прекратилась. Шахтеры держались за коллектив, дорожили славой, добытой и завоеванной в упорном труде.

Дмитрий Устюжанин нарушил дисциплину первым и горько поплатился за это, — коллектив не простил.

Да, коллектив! Вот та великая сила, которую сумел создать Иван Михайлович за эти полгода!

От воспоминаний Медведева оторвал голос Миронова.

— Дмитрия мы вернем тебе на участок, но не сразу. Коллектив-то беречь надо, Иван Михайлович!

Медведев оживился, посмотрел на Миронова и виновато улыбнулся. Сколько он простоял у окна — час или минуту, он бы не мог сказать. Так быстро и незаметно прошло время. Было такое чувство, как будто он бегло прочитал страницы с описанием чьей-то жизни, не его, Медведева, а кого-то другого, и поэтому увидел вдруг себя как бы со стороны. Насколько интересна была эта жизнь, он бы затруднился сказать. Пожалуй, она была содержательна, заполнена до краев и, как видно, не бесполезна. В этом — главное!

К. МИРОНОВ.

КУРАЙСКАЯ ИВА

Из опыта садовода.

Флора Западной Сибири и Алтая чрезвычайно богата разнообразием растительных форм. Здесь и ценнейшие древесные породы, множество ягодников, подчас не уступающих качеством ягод культурным сортам, и масса цветов.

Изучать эти растительные богатства и пополнять за счет лучших ди-корастущих форм садовый сортимент не менее важно для садоводов, чем выводит и внедрять новые культурные сорта.

Большой практической интерес представляет найденный в Алтай-ских горах мичуринцем М. А. Лисавенко кустарник, названный им «ку-райская ива».

— Ива, — сообщает тов. Лисавенко, — росла на берегу небольшой речки, на скудной каменисто-галечной почве, на полупустынном высоко-горном плато. Климатические условия здесь очень суровы. Стояла сере-дина первой декады августа, а окружающие степь склоны гор были уже покрыты первым снегом.

Незнакомое привлекательное растение перенесли на опытную делян-ку Горно-Алтайского опорного пункта плодоводства и после испытания стали распространять. Здесь я приобрел три десятка черенков его.

Весной 1952 года черенки были посажены в рыхлую питательную поч-ву в наклон с оставлением над поверхностью земли одной почки. Все они прижились и дали к концу лета хороший прирост. Теперь это — большие кусты с двухметровыми побегами.

Курайская ива отличается декоративностью. Кусты ее с ветвями се-ро-зеленого цвета раскидистые и в то же время густые. При короткой об-резке они дают обильную поросль из тонких, очень гибких побегов, сви-сающих верхушками во все стороны. Покрытые серебристыми удлинен-ными листьями, кусты ивы особенно эффектны на фоне темнозеленой рас-тительности. Очень привлекательны и нарядны они в мае, во время цве-тения, когда побеги покрываются молодыми листочками и нежными блед-нозелеными сережками цветов.

Как красивый быстрорастущий кустарник курайскую иву можно ре-комендовать для декоративного оформления скверов, газонов, аллей, под'ездов приусадебных участков. Зеленые насаждения в сочетании с ней всегда будут выигрывать.

Выгодно выделяясь декоративностью, курайская ива дает ценный ма-териал для плетения. Длинные побеги ее почти одинаковы по толщине

от основания до вершины и очень эластичны. Даже без размачивания они не ломаются, когда ими вяжешь пучки черенков или подвязываешь к кольям саженцы. Для изготовления же корзин, плетеной мебели и других изделий лучших прутьев, чем у курайской ивы, не найти. Хозяйствам, нуждающимся в плетеной таре, это растение может сослужить большую службу, тем более что оно дает хороший урожай лозняка при очень малых затратах средств и труда на уход за ним.

Как было сказано выше, разведение курайской ивы несложно. Черенки следует брать длиной 25—30 сантиметров. Сажать лучше осенью или ранней весной. Весною нужна, минимум, одна поливка.

В моем саду ива занимает несколько пониженное место. Растет она хорошо. Двухлетние кусты, например, коротко обстриженные весной прошлого года, дали к концу лета много побегов длиной до двух метров. И это в такое сухое лето, каким оно было в 1955 году.

Низинные, но не заболоченные места найдутся в любом колхозе или совхозе. Можно использовать под иву участки, неудобные для возделывания других культур. Надо помнить, однако, что хотя бы редкое дискование почвы на плантации с внесением удобрений повысит интенсивность образования и роста побегов. Поэтому расстояния между кустами должны быть не менее чем два метра на два, в расчете на междурядную обработку дисковым лушпильником трактора «СОТ» в конной запряжке или другими конными орудиями.

Характеристика курайской ивы будет неполной, если не отметить, что, взятая в культуру из суровых условий высокогорной Курайской степи, она совершенно не страдает от наших морозов, не подвержена болезням, не повреждается сельскохозяйственными вредителями, — и это, безусловно, является также одним из ценнейших достоинств этого интересного растения.

Л. МАКОВКИН.

ДРУЗЬЯ И ВРАГИ ПЕТРА ЗАХАРОВА

Заметки о пьесе А. Волошина «Цвети черемухе»

*„Деятель, строитель нового
мира и должен быть главным
героem современной драмы“.*

А. М. ГОРЬКИЙ.

Пьеса эта рождалась долго и рождалась в спорах. Автор не боялся выносить на строгий суд будущего зрителя наброски отдельных эпизодов, начерно законченные картины и акты. Он встречался с горняками, с актерами, спрашивал, наблюдал, советовался. И снова — переделки, исправления...

Помнится, около двух лет тому назад состоялось одно из последних обсуждений драмы. В небольшой комнатке читального зала областной библиотеки собрались партийные работники и журналисты, шахтеры, врачи, студенты...

Дискуссия возникла жаркая и закончилась только около полуночи. Стороны сразу разделились на два непримиримых лагеря. Одни браковали пьесу, другие, делая замечания по поводу тех или иных недоработок, не соглашались с противниками, горячо отстаивая свою точку зрения, которую формулировали так:

— Недостатков в пьесе немало. Пусть, даже если положить их на чашки воображаемых критических весов, они перетянут достоинства,

но пьеса может получиться интересной. Автор нашел правдивый жизненный конфликт, пути к проникновению в человеческую психологию. Словом, в произведении, пока что далеко на завершенном, есть рациональное зерно, способное прорасти, дать всходы и урожай. А то, что встречаются длинноты и скучные, не связанные с главным действием разговоры о технологии добычи угля, шероховатости языка и т. п., — все это может быть исправлено.

Нет смысла сейчас воскрешать во всех подробностях ход этой дискуссии. Речь шла о варианте, подвергнувшемся в дальнейшем основательной переработке. Окончательная редакция пьесы, опубликованная в последнем за 1955 год номере журнала «Сибирские огни», очень сильно, а иногда и принципиально отличается от текста, разбиравшегося на упомянутой дискуссии.

Показательно и примечательно другое — сам факт возникновения спора. Пьесу не встретили, как часто это случается, равнодушной снисходительностью. Значит, она, чем-то задела сердце аудитории,

значит, в ней на самом деле было что-то, о чем хотелось поговорить, посоветоваться, подумать. И отрадно — это ее качество, несмотря на переделки, сохранилось в увидев-

шем свет драматургическом произведении А. Волошина, произведении о шахтерах Кузбасса, или, точнее сказать, о людях труда, их дерзаниях, стремлениях, ошибках, борьбе.

I.

Сюжет пьесы развивается, так. Талантливый инженер Петр Степанович Захаров изобрел замечательную машину, «через которую шахтеры-проходчики свет увидят! Перед которой горы на колени встанут».

Во время изготовления конструкции на заводе судьба столкнула Захарова с неким Стрепетовым, рабочником угольного комбината. Стрепетов решил примазаться к чужой славе, обещая через дружков в министерстве продвинуть изобретение на Сталинскую премию. Захаров отказывается от такого соавторства.

Тогда Стрепетов, пользуясь занятостью инженера на шахте, потихоньку вносит изменения в рабочие чертежи...

Наступает день первого испытания машины. Оно заканчивается неудачей. Во время аварии гибнет молодой шахтер — Андрей Черепанов.

Трудно приходится Захарову! Несчастье на шахте, а тут еще уходит жена, ясноглазая Поленка. И с кем? Со Стрепетовым! Ей понравился этот внешне привлекательный, порывистый человек. Он вошел в сердце, показался лучше всех, лучше мужа, «для которого вся жизнь — только шахты, только машины, план...»

Но самое серьезное испытание ожидало впереди. Под нажимом первого секретаря горкома Хуторных, решившего воспользоваться случаем, чтобы свести личные счеты с инженером, принимается решение об исключении Захарова из рядов КПСС.

Коммунисты шахты добиваются пересмотра неправильного постановления. Выясняется подлинная подоплека случившегося, мошеннические проделки Стрепетова.

Захаров снова на шахте. Проходческая машина готовится к повторному испытанию. Оно, судя по всему, будет успешным...

Это, конечно, очень беглый пересказ основных моментов пьесы А. Волошина. Однако даже по нему можно судить о том, что сюжетная канва позволяет автору поставить в центр сценического действия важные темы сегодняшнего дня. Уже сам сюжет дает возможность серьезно разговаривать о тех, кто строит новое, и тех кто мешает его строить. Он позволяет глубоко затронуть вопросы партийной зоркости, силы и неодолимости партии в борьбе с чуждыми ей элементами. Не всякий, у кого в кармане хранится «краснокожая книжница» члена КПСС, имеет право называться ленинцем! Жизнь иногда вносит свои коррективы, проверяет боеспособность, умение правильно разобратся в обстановке, увидеть за внешними поступками подлинное лицо того или иного человека.

И наконец сюжет позволяет рассказать о любви, о том, какие огромные личные и гражданские обязанности накладывают взаимные чувства и как иногда мучительно трудно бывает пронести их незаплатанными сквозь грозы буден. Нередко ценой нелегких душевных страданий приходится расплачиваться за неосознанный порыв и, потеряв право на любовь когда-то близкого сердцу человека, вдруг увидеть, насколько внутренне красив и богат тот, с кем раеаешься, может быть, навсегда.

Как видим, сюжет дает богатый материал, чтобы «сшибить характеры», многогранно прорисовать психологическую атмосферу действий. Но ясно, что как бы ни была удачна сама по себе драматургическая ситуация, какие бы творческие просторы ни давала она авторскому стремлению наиболее ярко и выпукло выявить взаимоотношения персонажей, их личные, человеческие черты и т. п., она все же может с-

таться мертворожденной. Отразившиеся в сюжете характерные реальные столкновения и противоречия должны обрести плоть и кровь, вылиться в правдивые, жизненные образы.

Справился ли с этой задачей А. Волошин? Проник ли он до конца в «диалектику человеческих душ» или только скользнул по верхам, и

содержание исчерпало себя сюжетом, вылившись в несложную мораль: порок наказан, добродетель торжествует?

Познакомимся поближе с героями пьесы, и в первую очередь с положительными, потому что к их судьбе приковано основное внимание писателя.

2.

...Кабинет секретаря горкома КПСС. Только что была решена судьба коммуниста Захарова.

— Таким образом, — подводит итоги голосования Хуторных, — предложение об исключении инженера Захарова из партии... принимается большинством в пять голосов...

— Кончили человека! — бросает реплику старый шахтер — проходчик Афанасий Харитонов.

— Не хныкай, Афанасий Петрович! — горячо возражает секретарь партбюро шахты «Таежная» Шмаков. — Захарова нельзя «кончить» — таких, как он, можно только разозлить на работу, на борьбу... со всем, что нам мешает жить, работать в полную силу!

Хотя речь в этом отрывке идет о конкретном лице, слова Шмакова имеют более многочисленного адресата. Именно они передают основные существенные особенности, внутренние качества положительных героев пьесы Волошина, и в первую очередь самого Шмакова.

Образ секретаря партийной организации шахты «Таежная», пожалуй, самый интересный и запоминающийся в пьесе. Местами он даже на какое-то время отсвечивает на задний план центральное действующее лицо — Петра Захарова, настолько много в нем покоряющей силы и убедительности.

В драматургии последнего десятилетия партийным руководителям довольно-таки часто, мягко выражаясь, не везло. Под пером писателей они превращались из живых людей в сухие схемы, в ходячую энциклопедию прописных истин. На все случаи жизни у них оказывались

припасенными «правильные цитаты». Иной раз просто диву даешься, почему с героями пьес случаются всевозможные неурядицы. Спроси они во-время у секретаря райкома или горкома, как поступить в том или ином конкретном случае, и ошибки не было бы.

Ну вот, поди же! Кажется, что драматург знакомит тебя с замечательным человеком. Он горит на работе, до полуночи не спит, и классиков марксизма-ленинизма изучил досконально, и перспективы видит, как никто другой, и разбомбит яро в нужный момент на собрании или заседании зарвавшегося бюрократа, а зритель или читатель недоволен. Нет, говорит, скучная личность, делать ему на сцене нечего!

Происходили такие вещи по двум довольно простым причинам. Во-первых, драматурги, как ни странно, стремились показать партийного руководителя лишь как должностное лицо, облеченное определенной административной властью. Отсюда функции образа в пьесе сводились к применению этой власти на практике: ошибающегося пожурить, наставить на путь истинный, провинившегося — наказать, кого строже, кого помягче, в зависимости от степени совершенного проступка. Во-вторых, поскольку считалось, что художественный образ должен выражать преимущественно одну лишь сущность данной группы людей или явлений, партийные руководители в пьесах превращались в носителей заранее заданных положительных черт. В процессе действия эти готовые, эклектически скомпонованные черты характера постепенно демонстрировались

одна за другой во все новых и новых обстоятельствах. В результате построенный по формальным конструкциям логики образ партийного руководителя и организатора был, как небо от земли, далек от своего жизненного прототипа, переживающего, думающего, ищущего — того, о ком можно сказать, как когда-то сказали о герое фильма «Великий гражданин»: он такой же, как мы, у него такие же глаза, но только они видят немного дальше; у него такое же сердце, но только оно немного горячее...

Автора пьесы «Цвести черемухе» нельзя упрекнуть в ущемлении художественных прав образа секретаря партийного бюро шахты. Несмотря на то, что Волошин не интересуется как будто бы «личной» жизнью Шмакова (не знаешь — женат ли он, чем занимается дома, любит ли пить крепко заваренный чай или больше предпочитает черный кофе и т. п.), его герой — живой человек, ибо он находится в таких обстоятельствах, когда, прежде чем принять решение, надо его найти, а найдя — часто еще и отстоять. В этих непрерывных поисках и борьбе выявляется сложный и своеобразный характер Шмакова, притворяется его психология, становится отчетливо виден высокий идейный облик и моральные достоинства.

Почти всякий раз, когда встречаешься со Шмаковым, внутреннее состояние его определяется активным желанием найти правильный ответ на вопрос — что делать? И оно, это желание, тем более захватывающее, что одухотворено необычайной человеческой и гражданской ответственностью Шмакова за каждый свой поступок, мелкий ли, большой ли.

Скажем, за несколько минут до спуска в шахту на ответственное испытание Захаров поделился с партормом нагрянувшей бедой — Поленька ушла со Стрепетовым. Вероятно, Шмаков вправе произнести нечто в таком духе: тяжело, понимаю, но не вешай голову, ты же — коммунист! Иди трудись!..

В самом деле, парторг вроде так и должен поступить. Негоже коммунисту раскисать.

Однако Шмаков у Волошина говорит другое:

— Не отложить ли, Петр, на сегодня (испытание)? — обеспокоенно спрашивает он.

И в вопросе этом, кратком и озабоченном, проявляется замечательное качество парторга, его огромное внимание к людям, и в то же время умение не забывать о государственных интересах. Пусть кое-кому последняя часть фразы непривычно режет слух — мысль остается правильной. Ведь в вопросе к Захарову не только беспокойство о самочувствии друга. Нельзя допустить, чтобы происшедшая «неурядица» была мгла неблагоприятно повлиять на исход испытания новой машины, где человек должен быть сгустком энергии и внимания, где каждая секунда полна неожиданностей. Нужно ли идти на риск в данном случае? Нет, — решает Шмаков.

Так вдумчиво, тщательно взвешивая все за и против, он поступает всегда. Этот его подход к жизни рождает решительность, настойчивость, непримиримость, желание во что бы то ни стало довести дело до конца.

Захарова исключили из партии. Шмаков не согласен с решением бюро горкома. Его «особое мнение» записано в протоколе. Что же, можно успокоиться на этом. Совесть как будто чиста — постоял за друга! Упрекнуть Захаров не сможет. Но Шмаков продолжает борьбу, спорит, доказывает. Его разговор с Хуторных, в котором парторг обвиняет секретаря горкома в антипартийном поведении, отказ выполнить указание о снятии Стрепетова с партийного учета и другие поступки, названные Хуторных «партизанщиной», — это не желание показать себя (вот, мол, я каков! Мне любое начальство нипочем!), а проявление замечательного качества — умения чувствовать себя хозяином жизни, где личное и общественное неотделимо.

От поступка к поступку, все ярче и отчетливее становится образ Шмакова, все большую и большую сим-

патию вызывает этот человек непрестанных дерзаний и исканий, борец с рутинной и застойной, способный не только увидеть и выявить негодное, чуждое нашему укладу жизни, но и уничтожить его. Шмаков своим мужеством, нравственной высотой служит живым примером для других, помогает тем, кто поотстал, растерялся, на какое-то время упал духом, стать в первые ряды боевого строя.

Анализ образов новой пьесы А. Волошина не случайно начат с разговора о Шмакове. Не определив точно его места в пьесе, думается, нельзя правильно разобраться в поведении центрального персонажа.

Что происходит с главным инженером шахты «Таяжная»?

— Ты классический образец положительного героя, — с иронией говорит Захарову брат его жены — Константин Харитонов. — Такие, как ты, подобны тетеревам на радостном току жизни, — они глохнут от солнышка, от ветерка весеннего...

У Харитонova есть все основания судить так. Захаров, по собственному выражению, бесконечно счастлив. Счастлив, что живет, работает, как черт, имеет сына, что жена отогрела его шахтерскую душу. Он и мысли не допускает, что кто-то сможет помешать ему жить, двигать дело вперед.

Хорошее качество может превратиться в свою противоположность, если оно чрезмерно преувеличено. И как раз это и случилось с Захаровым. Он до слепоты верит в людей, в их совесть, любовь, хотя и признает: да, на этом пути могут встретиться остатки «всемирного оледене-

ния». Но он не считает их опасными, способными причинить вред.

Ошибка — громадная. Она-то и позволила проходильцу Стрепетову безнаказанно до определенного момента проворачивать свои махинации. И вот — авария, уход жены, исключение из партии... Когда на человека наваливается столько бед, да еще так неожиданно, он может опустить руки.

В пьесе Захаров не падает духом. Волошин наделяет героя огромной внутренней силой. Мы видим, как, несмотря ни на что, Захаров, с удвоенной энергией берется за работу. Но в то же время он и не слишком много делает для того, чтобы реабилитировать себя в «преступлениях», приписываемых ему Хуторных.

Почему? Почему человек, которого исключили из партии, вдруг оказывается в данном вопросе пассивным? Не изменил ли здесь Волошин правды жизни? Нет. Вспомним, что говорилось о Шмакове. Захаров знает: большинство окружающих его однопалчан по партии — не такие, как Хуторных. Он верит — у партии хватит сил разобраться, где его настоящая, а где выдуманная вина. Когда у человека за плечами такой союзник, у него нет оснований опасаться за свою судьбу. Главное — самому разобраться во всех своих ошибках, в уроке, данном жизнью.

Однако Захарову предстоит разобраться не только в своем отношении к остаткам «всемирного оледенения». Он должен был понять и другое — суть конфликта, приведшего к крушению семьи, к уходу жены. Что привело к этому, почему человек красивых помыслов, огромного таланта, до безумия любящий жену и сына, перестал нравиться Поленьке?

3.

В начале пьесы Поленька Захарова так говорит Стрепетову о своем муже:

— ...Для жизни, для молодости, для любви должен же какой-то уголок оставаться! А у него только шахты, только машины, план...

Захарову она объясняет причину разрыва с ним так:

— Я хочу больше песен — больше, чем рядом с тобой, — смеха позвончее, мечты полегче, чем твоя пресловутая машина! Ты — умный, здоровый, но бесконечно скучный человек, Петр Степанович.

Словом, причины, побудившие Поленьку решиться на разрыв с когда-то любимым человеком, очевидны и в комментариях не нуждаются.

Все как будто бы ясно. Но — странно! — когда Поленька рассказывает об этом, ей не веришь. В первый раз потому, что незнаком с Петром Захаровым, второй — потому что ничего плохого в отношениях его к жене так и не увидел..

Любовная линия лишь затронута автором, он бегло проинформировал нас о том, что произошло между супругами до момента открытия занавеса, и счел свою миссию законченной.

Не очень четко выписана Волошин и реакция Захарова на разрыв с Полей. Сами по себе, так сказать, номинально, сцены объяснений и встреч Петра Степановича и Пелагеи Афанасьевны волнуют. Да и можно ли остаться к ним равнодушным, когда видишь, насколько горячо любит Захаров свою жену? И все же самое существенное неясно. Понял ли Захаров, что произошло, в чем он был виноват (ведь если верить приведенным выше словам Поленьки, вина его велика)? Ответа на этот вопрос пьеса не дает. В конце имеется лишь авторское резюме: «Ни Петр, ни я измены тебе не простим. Сын тоже», — говорит Афанасий Харитонов Поле. Понятно, это высказывание положения не меняет.

Итак, почему ушла Поленька от мужа, изменил ли ее поступок взгляды Захарова на любовь, на женщину, средствами драматургического действия в пьесе не показано.

Этот пробыл в биографиях героя и героини Волошин мог каким-то образом восполнить взаимоотношениями Поленьки и Стрепетова. Чем же Стрепетов оказался Пелагее Афанасьевне привлекательнее и содержательнее ее мужа? Вначале узнаешь, что Поленька, вроде бы, этого не знает. «Ты вошел вот сюда, — показывает она на сердце, — без спроса, и даже никаких своих особых качеств не пред'явил», — признается она Стрепетову.

Но прислушайтесь к словам женщины, истосковавшейся по настоящей, внимательной любви. «Ты ме-

ня расковал, ты... будто я летать научилась», — восторженно произносит Поленька. «В тебе есть что-то ласковое, дерзкое», «тебе на горло наступили? Такому сильному? Не поверю», «мне бы руки твои, теплые, сильные»... Прибавим к этому приведенное вначале объяснение с мужем, и станет понятным — немало должно быть в Стрепетове черт, которые могли бы вызвать симпатию Поленьки, а вместе с ней на определенный период — и зрителя, чтобы тот поверил: не удивительно, что Пелагея Афанасьевна ошиблась в этом человеке, — сразу и не разглядишь его подленькую душонку.

К сожалению, в пьесе разоблачение отрицательного героя происходит слишком рано. Буквально первая его фраза о соавторстве, в которое Поленька не верит («Даже ты, любимая, мне не веришь», — говорит Стрепетов), и следующие затем выкрики Алексея Даниловича о славе, Москве и прочем выдают с головой истинные намерения карьериста. Невольно сомневаешься в возникшем чувстве Поленьки к Стрепетову. Ведь к жизни, к людям она подходит с большими требованиями! Не случайно Поленька произносит в ответ на упрек Стрепетова: «Глупая? Но почему же мне так многого хочется?»

И еще одно странно в пьесе. Поленька ошиблась, — хорошо! Однако события, развернувшиеся на шахте «Тажная», раскрыли ей глаза. Любимый человек оказался подлецом. И к тому же, героиня начинает чувствовать, что не слишком нужна Стрепетову, как ей казалось когда-то. «Опять... лишняя...» — с большой внутренней болью говорит Поленька в четвертом действии.

Почему автор лишает героиню возможности исправить ошибку? Почему отец Пелагеи Афанасьевны, умный, умудренный опытом человек, категорически заявляет, что ни он, ни Захаров не простят «двойной измены». «Имей в виду, твоему Стрепетову будет еще труднее, чем после первой встряски... Если любишь, должна пойти... с тем человеком до

конца...» — безапелляционно заявляет он.

Хочет автор или нет, но в сознание закрадывается мысль: что же такое любовь? Неужели только чувственное влечение, не подчиненное ни разуму, ни воле, ни критериям морального плана?

Недостатки в драматургии образов Поленьки и Стрепетова объясняются, по всей вероятности, тем, что автор недостаточно глубоко анализирует логику событий, скользит по поверхности темы. Такое положение неминуемо приводит к излишней прямолинейности, особенно в изображении Стрепетова.

Обосновывая это утверждение, можно сослаться на пример из самой пьесы. В числе отрицательных персонажей Волошин вывел фигуру героя — да.

секретаря горкома Хуторных. Прибегнув к контрастному изображению внешнего и внутреннего в поведении персонажа, он добился положительных результатов. Не сразу поймешь настоящее лицо секретаря горкома. Говорит Хуторных складно и так ловко передергивает, ставит с ног на голову факты, что неискушенному человеку он может показаться подчас правым. Нелегко разоблачить Хуторных. Тем напряженнее следишь за борьбой Шмакова, тем большее уважение завоевывает секретарь парткома в глазах читателя, когда добивается победы.

Мог ли Волошин так же интересно и своеобразно написать Стрепетова? При более пристальном просмотре во внутренний мир

4.

Рядом с основными героями пьесы «Цвести черемухе» живет и действует большое количество других персонажей, так или иначе способствующих более точному раскрытию основного конфликта, помогающего зрителю отчетливее разобраться в достоинствах и недостатках центральных фигур. Многие из этих образов запоминаются, подкупают правдивостью изображения характеров. Колоритен образ старого шахтера-проходчика Афанасия Петровича Харитонов. Он говорит мало, но говорит так, что каждое слово доходит до сердца. Взять хотя бы его слова, обращенные к секретарю горкома партии:

Хуторных: Знаю твое мнение обо мне, ничего не могу поделать с этим... Но я знаю также, что обо мне думают в областном комитете. Там все выяснится, Афанасий Петрович! И ты перед областным комитетом будешь, надеюсь, по-настоящему свободен от пристрастных родственных, так сказать...

Аф. Харитонов: Ты о Петре Захарове? Что я ему отцом прихожусь? Не буду я беспристрастен к сынам по партии. Поговорим об этом через неделю на городской конференции...

Такой непримиримостью, откровенностью, честностью пронизано все поведение старого горняка. Что-то общее есть у него с неутомимым Шмаковым.

Очень ярко выписан образ горного электрослесаря Андрея Черепанова. Кажется, у него за плечами крылья, — столько в нем молодого задора, непосредственного, радостного восприятия жизни, идущего от веры в величие советского человека, которому по плечу любые подвиги.

Но все же автор не избежал довольно существенной недоработки. Рядом с главными героями, чьи фигуры прорисованы более или менее основательно, мелькают лица, не имеющие действенности в своей сценической биографии. Основная жизнь у них проходит где-то за кулисами. О чувствах этих людей, мыслях, взаимоотношениях автор сообщает, как правило, краткими информационными. Так, неожиданно узнаешь, что Константин Харитонов любит Лену Рябинину, сотрудницу технического отдела. Шофер Примаков тоже влюблен в домработницу Захаровых — Дашу.

Значительной доработки требует языковая сторона пьесы. Речь персонажей подчас бывает чересчур выс-

пренной, слабо индивидуализирована. Например, разговоры Стрепетова, Поленьки и Захарова отяжелены таким обилием восклицательных знаков и восторженных интонаций, что уловить своеобразие их речевых характеристик довольно трудно.

Излишне часто заставляет Волошин своих героев обращаться к лексике старославянского языка. Ну зачем, скажем, Константину Харитонову обязательно надо сказать: «Исшед вон, плакася горько...», или Андрею Черепанову, а затем и Петру Захарову цитировать строчки из древнерусских былин. Скажи они об этом же простыми, обыденными сло-

вами, вряд ли представление об их внутреннем мире окажется бледнее.

☆☆☆

Автор пьесы «Цвести черемухе» часто обращался за советом к читателям в период работы над произведением, прислушивался к их критике, переделывал то, что не получалось, дотягивал то, что получилось у него не очень ярко. Думается, и сейчас, после того как пьеса опубликована, он продолжит работу над ней. Волошин обратился к важным вопросам современности и в целом сумел найти для них оригинальное, волнующее драматическое решение. Черемуха распустилась, теперь надо постараться сделать все, чтобы она цвела как можно дольше.

А. КОСАРЬ.

ПЕРВЫЕ СБОРНИКИ СТИХОВ

(В. Измайлов — «Широкая дорога», А. Пинаев — «Встречи»).

Новая книга — радость не только для автора. Мы перелистываем страницы с волнением, надеясь узнать непременно что-то новое, до сих пор нам неизвестное, и радуемся вдвойне, когда наши надежды оправдываются.

Тем более мы неравнодушны к новой книге, если ее герои и ее автор — наши земляки.

Встали быки

поперек реки,

Выгнув горбы железобетонные, — читаем мы начальные строки стихотворения В. Измайлова о мосте и, кажется, ничего особенного в них не находим. Но «мост берега Томи схватил и придвинул друг к другу...» И нам, кемеровцам, сразу вспоминается во всех подробностях бесчисленное множество неудобств и неурядиц, связанных с бывшими лодочными, паромными, катерными, понтонными и прочими переправами. Мы-то уж знаем цену новому мосту и от души благодарны его строителям!

Но кто же они, эти строители? Чем живут, о чем думают?

Поэт раскрывает мысль одного из них:

Начав на левом —

учеником,

Я бригадиром

пришел на правый

И это — обычное дело в представлении советского человека: естественный рост для нашей, для нынешней молодежи. Ведь это он, герой стихотворения, строил мост и сам рос тоже!

Любовь к труду, глубокое чувство товарищества, стремление к новому, более совершенному — лейтмотив стихотворения «Мой мост».

А вот еще один штрих картины великого обновления, которое особенно заметно в нашем городе. Старые приземистые домишки сменяются светлыми высокими корпусами. И опять в центре внимания находится человек. С скромный труженик, он всю жизнь возводил новые каменные дома, продолжая жить в своем бревенчатом домике, пока вплотную к этому домику не подошла городская улица и не принесла с собой желание «жить просторней, выше».

С такой же лирической теплотой обрисована в стихотворении «Стрелочница» рядовая работница далекого полустанка. Девушка скучает о милom, хотя сама же пропускает по «зеленой улице» его скоростные тяжелые эшелоны.

Как-то напечатали в газете

Рядышком его портрет и мой.

Я ношу с собою снимки эти,

Рада я, что он хоть на портрете

Неразлучно, навсегда со мной...

Большая, чистая любовь девушки

захватывает нас, заставляет переживать вместе со стрелочницей ее радости. А наряду с этим основным звучанием раскрывается в рассказе поэта характерная для лучших его произведений тема преобразования. Был отдаленный поселок, ныне это — станция. Вчерашняя стрелочница сегодня стала диспетчером. И грустный вопрос: «Где же мы увидимся с тобой?», с которым девушка, как и прежде, обращается к своему любимому, лишен в таких условиях безысходной тоски. Он скорее утверждает возможность и близость предстоящей встречи.

Искренностью, задушевностью подкупает песня «На правом берегу». Читая ее, мы с удовольствием возвращаемся к стихотворению, открывающему сборник. В нем нас занимала судьба парня-строителя, живущего на левом берегу Томи, здесь речь идет о его ровеснике, жителе правобережья. Ничего замысловатого нет в полшуточном, прозрачно простом стихотворении.

Милый мой живет на правом берегу.
Как-то раз он на свидание пришел,
Говорит: «Я нахвалиться не могу,
До чего у вас на Правом хорошо»!

Оказывается, на Правом тоже не редкость — картины обновления. Встают повсюду новые дома, рудник хорошеет с каждым днем, и... девушка живет теперь на Правом берегу. Обыденную житейскую тему автор сумел развернуть так, что вызвал на лице читателя светлую, радостную улыбку.

Умение создать настроение, заставить читателя чувствовать и переживать то, что хочется автору — немаловажное достоинство поэта. Можно исписать много страниц и ни в чем никого не убедить. Но достаточно одной строфы, содержащей точные наблюдения, верно подмеченные детали, чтобы убедить читателя, заставить его проникнуться уважением к описываемому.

Как заметил, капли с крыш закапали.
По ночам уж не могу уснуть.
Рано утром выхожу я на поле
Поглядеть желанную весну.

Так может говорить и чувствовать человек, истинно любящий родную землю, с нетерпением ожидающий,

когда наконец сойдут снега с полей, чтобы сесть за руль трактора.

Скромность, сдержанность мужественных, трудолюбивых людей, где бы они ни находились, — на стройке ли, в шахте, на заводе, в колхозе, — вот что привлекает внимание поэта. Богатство души, отвага и героизм проявляются советскими людьми всюду.

Перед читателем возникает во всем своем достоинстве образ бывшего солдата-гвардейца. На груди у него три ордена Славы, медали. О нем бы могли рассказать товарищи-однополчане. Но «сам солдат на слова скуповат».

Волнующую картину из жизни советских разведчиков во время Великой Отечественной войны удалось нарисовать поэту в стихотворении «О долге». Здесь и немногословность солдатского разговора, и лихость пляски, и отвага русского воина, и томительность ожидания, и героизм боя, и, самое главное, — готовность пожертвовать собой ради спасения друга, ради общего великого дела, ради любимой Родины.

В этом стихотворении, пожалуй, больше всего настоящих поэтических удач.

Нужно пробраться в тыл врага за «языком». Генерал спрашивает: кто пойдет? Вышел боец, от имени которого ведется рассказ.

Будто кто подтолкнул меня,
Будто вырвал из строя сразу.
Локоть в локоть
Алешка стал,
Корешок — дружок закадычный.

Друзья в глубоком тылу врага добыли «языка», они возвращаются в свою часть, но погоня настаивает разведчиков. Тогда, чтобы задержать преследователей, «Алешка, мой закадычный дружок, насмерть лег у речного обрыва».

Наибольшего напряжения достигает автор в том месте, где передает непоколебимую стойкость разведчиков, их несгибаемую волю. Читаешь эти строки и еще раз убеждаешься: да, наши люди, наши солдаты выйдут победителями при любых обстоятельствах!

К сожалению, стихотворений, подобных «Моему мосту», «Новому дому», «Трактористу», «Стрелочнице», «О долге», не очень много в сборнике. И в лучших произведениях не все хорошо, особенно в отношении композиции, образов, языка.

В сборнике В. Измайлова «Широкая дорога» встречаются строки, вызывающие недоумение:

В нем спрессовалось в будущее
пламя (стр. 10)..

А мне, изволь вот против воли
Итти на отдых на-гора (стр. 13) и
другие...

Так по-русски не говорят. Можно привести много примеров бедности языка. Многократное повторение «ну», «этот», «такой», «вот так», неумелое использование определений:

Вот такую боевую,
Огневую молодежь (стр. 19).

Словно от разговора с хорошим собеседником, остается впечатление от сборника стихов А. Пинаева, «Встречи», когда прочтешь его.

Я не плаваю чугун.
И как будто на домне
Посторонний, когда ненароком
зайду.

Только это неверно. Неправда!
Я помню,

Как мы строили домны
в тридцатом году.

Теперь понятно, откуда у собеседника исчерпывающая осведомленность, непоколебимая уверенность, задушевная простота. Если он пережил, перечувствовал такое, ему есть что рассказать людям, есть чем поделиться. Это не выдуманный герой иногда, к сожалению, еще проникающих в печать упрощенных, зарифмованных историй, лишенных борьбы, но заканчивающихся победой добродетели над пороком. Нет, это суровый собеседник, прошедший трудную, поучительную жизнь.

— Я — строитель. Не выплавил
капельки стали.
Но когда я к печам огненным
подойду,

Причем, задор — тоже «огневой», «молодые горняки», «молодая жизнь», «песня молодежная», «молодость счастливая» — и все в одном стихотворении!

Раз полюбоившееся слово автор употребляет много раз. Например: «труд гордый», «доблесть гордая», «заводы высятся гордо», «гудят гордо». Почти на каждой странице кто-нибудь что-нибудь «славит».

Стихотворение названо «Золотой порой», значит, в нем непременно «золотое море», «золотым драгоценным потоком», а через несколько страниц — «золотой разлив» и т. д.

Если бы сборник «Широкая дорога» составлялся по принципу «лучше меньше, да лучше», он стал бы на много содержательнее, читатель получил бы более верное представление о В. Измайлове, как о способном молодом поэте.

Снова вспомнится мне,
как дожди нас хлестали,
Как морозы нас жгли в тридцать
первом году.

Так рассказывает о себе Петр Кольцов, один из тех рядовых героев великой армии труда, кто в годы первой пятилетки на болотах и пустырях Кузнецкой котловины воздвигли гигант черной металлургии и красавец-город.

Жизнь Кольцова легла в основу поэмы «Встречи», ее именем назван и сборник. В поэме всего несколько страничек, но это не мешает ей быть объемной по содержанию.

С любовью, без прикрас рисует автор образ сибиряка-таежника, захваченного волейю невиданных преобразований, знаменующих начало строительства социализма. Кого только не было тогда на площадке «Кузнецкстроя», создавшего к себе людей чуть ли не со всех концов необъятной Родины! Но Кольцов не затерялся среди них, он нашел свое место.

Мы застаем его в котловане в тот момент, когда бригада землекопов обедает. По оброненным двум-трем фразам узнаем работающего бывалого человека: он вырыл «версты ка-

нав», «шурфов — без числа», любил, чтобы лопата в руках «как скрипка играла». Но его беспокоит, что другие ищут новое, растут, а он попрежнему ворочает лопатой глину и камни. То было время, когда рабочий впервые услышал слово «экскаватор».

Видел мельком машину вчера,
а название

Целый день вспомнил
и припомнить не мог.

Встреча землекопа с прибывшим на стройку народным комиссаром Серго Орджоникидзе, откровенный разговор с ним о будущем пробудили в Кольцове мечту, открыли его. Могли ли трудности задержать его, сбить с избранного пути, если перед Кольцовым возникла высокая цель?

Жаль, автор опустил детали, рисующие непреклонную настойчивость рабочего. Он в короткий срок овладевает сложной машиной, штурмует по вечерам на рабфаке после нелегкого дня, проведенного на стройке, особенно трудные для вчерашнего неграмотного человека основы наук.

Вторично встретились рабочий и нарком через год уже в Москве. Новая встреча с прозорливым коммунистом подняла машиниста экскаватора еще выше, наполнила его новой силой, вызвала в нем желание сделать несравненно больше того, что уже «совершенно».

Нужно улицы делать
просторнее, шире.
Больше зелени, парков и солнца
в домах.

Лучший в мире завод,
лучший город в Сибири —
Вот какой у вас должен быть
смелый размах!

Время берет свое. Отцы, старей, уступают место детям. Но сколько гордости за людей старшего поколения, к которому принадлежит и отец, в рассказе Кольцова-сына, побывавшего на Всемирном фестивале демократической молодежи! Там делегаты из далеких стран восторженно произносили при знакомстве с сибиряком: «Город Сталинск, город мира, город-металл».

Бессмертно дело, которому Кольцов-строитель отдал лучшие годы своей жизни. Он это чувствует, слушая симфонию ни на минуту не пре-

кращающегося дыхания завода и города, созданных его неутомимыми руками.

Нет, не может здесь быть
и не будет затишья!
Ровный гул над Кузнецкой
долиной плывет:

Это дышит завод,
это город мой дышит,
Это жизнь моя в будущее идет!

Короткие главки, поэмы, сведенные почти до фрагментов, живость и непринужденность разговорной формы стиха, умение видеть наиболее значительное убеждают нас в том, что А. Пинаев обладает незаурядными поэтическими способностями.

Между прочим, в сборнике А. Пинаева значительно меньше наивного, слабого, легковесного, что обычно встречается в первых книжках стихов, да и не только стихов. Это не случайно. Автор идет в литературу зрелым, опытным человеком, с большим запасом знаний, впечатлений. Читая его лучшие произведения, видишь перед собой, прежде всего, человека, знающего цену словам и поступкам, умеющего разбираться в сложных сплетениях жизненных противоречий.

Отрадно, что Пинаев стремится следовать мудрому правилу литературы, выбирая для своих произведений чаще всего трудные темы, находящиеся в центре внимания наших современников. Таковы, кроме уже названной поэмы «Встречи», стихи «Великая дружба» — о том, как к свободным тремстам миллионам пришли, стали рядом шестьсот; «Волго-Дон» — о сибиряке, защищавшем под Сталинградом великое будущее не только Волги, но и Оби и Ангары; одно из наилучших в сборнике стихотворение «Начало» — о замечательном чувстве товарищества, о взаимной выручке, бескорыстной поддержке. В освещении этого стихотворения (им бы, может быть, и следовало открывать сборник) становятся особенно ясными идейные позиции автора:

...Меня учили: хуже нет стыда,
Чем за спиной скрываться

у другого.
Я обещал ни в чем и никогда
Не жить чужим и не хотеть
чужого.

Нелегкий путь прошел человек, прежде чем навсегда убедиться в том, что взыскательные товарищи — лучшие учителя: «Теперь я вижу, сколько мне тепла и сколько правды люди в жизни дали».

Стремясь к предельной выразительности, автор добивается в отдельных случаях больших удач. Некоторые строки, особенно в главах из неоконченной поэмы «Землепроходцы», звучат словно поговорки. Казак Кривой говорит: «Хмельной да глупый не имеют страха». Проводник ему отвечает: «На воле мы, да хуже, чем в неволе. В долгах... как в семечках подсолнух». Старик-сибиряк учит молодого: «Горит деревня — не таись в чулане, дойдет пожар и до твоей избы».

Страницы, посвященные бесстрашным русским людям, тем, кто открывал и начинал осваивать Сибирь, написаны с подкупающей простотой, с большой любовью. Беспощаден в открытости старый казак, добывающий в неизведанной чужой стороне царю ясак, боярину — кормленье, а себе три гривны в год и смерть:

...Загадку знаю:

«В каменной палате
Сидят сто шуб собольих —
сто шемяк».

Сто кривд сидят...

Мы им поболее платим,
чем кузнецы!

Вся наша жизнь — ясак!

На свой страх и риск казак прошел столько бед не только за ясаком. Он принес на Кузнецкую землю новую жизнь. Острог построим, говорит он, изладим сохи и распахнем поле. Через Урал, дремучую Сибирь пронес он пашню в кошеле, — за пазухой в тряпиче сберег, сохранил зерна пшеницы, овса, ячменя. Читатели будут благодарны Пинаеву за то, что он попытался нарисовать обаятельный образ нашего предка-землепроходца, одного из тех, о ком еще А. Герцен восторженно говорил: «Горсть казаков и несколько сот бездомных мужиков перешли океаны льда и снега, и везде в мерзлых степях закипала жизнь, поля покрывались нивами и стадами...»

В отдельной самостоятельной статье нуждаются сатирические стихотворения. Им отведено в сборнике много места. Наряду с несомненными удачами не обошлось здесь и без срывов. Едко высмеивает автор медвежью экономию, равную расточительству, штурмы, затеваемые пехотами, отдающими приказ «всем курицам, не выполнившим план, нестись отныне в сутки по два раза»; разоблачает орлов-изобретателей, что примазываются к чужой славе.

Но среди заслуживающих внимания стихотворений есть просто черновые записи, вроде «Парламентских дебатов», «Принципиальной кошки», «Пескаря-налима» и других, которые едва ли надо было печатать. Так, в сатирической зарисовке, разоблачающей канцеляриста-делягу, который привык жить на всем чужом, принципиальный разговор сведен к шутке:

Он скоро будет недоволен,
Когда к нему пристанет грипп.
«Зачем, — он скажет, — сам
я болен?»

Другие похворать могли б!

Понятно, шутка — тоже хорошая вещь. Но в данном случае весь огонь сатиры, разжигаемый с таким старанием вначале, кончился вспышкой спички, пустячком. Едва ли помогут припарки там, где необходимо раскаленное железо сатиры. А. Пинаев знает это. Свидетельство — его лучшие произведения из последнего раздела сборника. Но когда автор отступает от своего правила, не клеймит пороки, а лишь улыбается по поводу их, он начинает говорить намеками, словно с оглядкой. Это снижает ценность такого, например, стихотворения, как «Пескарь-налим».

Пескарь ваш не простой,

Гибрид!

Пескарь-налим!

Да разве пескари у вас клеветать посмеют? — говорит заискивающий подхалим своему начальству.

Переполненным за счет далеко не лучших произведений оказался не один раздел сатиры. Впечатление ипсушечного, несерьезного, примитивно переданного оставляет «Расказ Семена Карпова...», усейный бесконечным повторением местоиме-

ний: я, моя, меня, мне. Здесь и несуразные фразы («себе сказали скромно мы: «Ребята — молодцы!»), и повторение неновых сравнений («завод-эскадра»). Некоторые наброски напечатаны под громкими заголовками («Биография бригадира» и др.). В одном из них автор безуспешно пытается раскрыть большую, важную тему явно негодными средствами плоской частушки:

Мне теперь семнадцать лет —
Выросла и рада!

У меня милого нет
И пока не надо!

Иногда даже не верится, что эти штампованные фразы принадлежат автору, умеющему в нескольких словах нарисовать поэтически яркую картину. Вот, например, какие строки находим мы у Пинаева:

Подняв над тундрой парус
белый,

Зима на юг уже плывет.
Ребятам снится чистый лед
И первый, радостный и смелый
Разбег, похожий на полет.

Или еще:

...Вот она —
таежная родина!

Под обрывом.
гремит ручей,

Пахнет папоротником
и смородиной,

Птаха спрашивает:
— Ты чей?

Таких ярко нарисованных, метко «схваченных картин немало в сборнике.

В отдельных стихах А. Пинаев пробует показывать советского человека однобоко, духовно обедненным. В стихотворении «Тропинка прораба» он говорит:

Можно,
нужно уйти в работу
С головой,

всем сердцем.

А все ж,

И любить ведь надо кого-то.

Ведь от этого не уйдешь!

Откуда у автора взялось такое безысходное «а все ж» и до отвращения безразличное «любить... кого-то»? Мы просто не представляем советского человека без любви. Неясная идейная установка повлекла за собой, как чаще всего бывает, примитивные, лишенные поэзии средства — прозаизмы «уйти в работу с головой», ничего не говорящие «ведь», вставленные в строку для заполнения ритмических пустот. В другом же стихотворении автор утверждает прямо противоположное:

Но, любя

всей силой сердца, трудятся
и друг друга
к лучшему ведут!

Нам кажется, что в этих строках больше жизненной правды, от которой не следует отрываться поэту.

Бросаются в глаза странные «оговорки», вроде: «исправляем ду-роплетов», «в чем живой и в чем замодк», «нами вложен труд», «шеренгу первых вех», «мчатся взад-вперед» и другие, свидетельствующие о том, что автору необходимо строже, настойчивее работать над своим языком.

Подстать подобным выражениям неряшливая корректура, верстка и брошюровка: страницы — то вкривь, то вкось, заставки валяются набок (технический редактор Т. Семибратов).

Но недостатки сборника «Встречи» не могут заслонить его достоинств. В Кузбассе растет еще один интересный автор, крепко связанный с жизнью (а это самое главное!). Пожелаем ему новых творческих удач.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
И. Кирьянов. Как партией намечено, так и будет!	3
А. Волошин. На заре (Повесть)	15
А. Косарь. Стихи: XX съезд. Великий год. Воин и труженник. Шахтеру. Строитель. Рудник в горах. Гость	66
И. Балибалов. Солнечные мастера (Пьеса).	76
М. Небогатов. У нас в поселке (Из лирической поэмы)	123
В. Мирохин. Шефы (Рассказ).	128
Н. Исаев. Летчик (Рассказ).	132
В. Дубский. Березка (Рассказ)	139
П. Шмаков. В бурю (Рассказ)	144
И. Зыков. Проездом на Сахалин (Рассказ)	150
А. Газукина. Басни: Номенклатурный еж. Мой папа — Лев!	157
А. Чернов. Кара одын таш. (Алтайская легенда).	160
В. Измайлов. Стихи: Партия. Один из тех, кто отстояли мир.	165
Г. Молостнов. Весенние мотивы (Стихи)	167
П. Марков. Юность (Стихи)	168
И. Сокол. Тополь (Стихи)	170
Е. Север. Стихи: Джим. Мать-земля.	170
Г. Молостнов. Побасенки: Манекен. Сила привычки. О бес- крылых. Бездомница.	174
А. Озерский. Заботы кузнечных металлургов. (Очерк).	176
А. Ивачев. Страница жизни. (Очерк).	187
К. Миронов. Курайская ива. (Из опыта садовода)	196

Критика и библиография

Л. Маковкин. Друзья и враги Петра Захарова,	198
А. Косарь. Первые сборники стихов.	205

Редакционная коллегия:

Г. Молостнов (редактор),
А. Мазюков, А. Дружинин,
М. Небогатов, В. Соколов,
Н. Троицкий.

☆☆☆

Подписано к печати 25. VI. 1956 г.

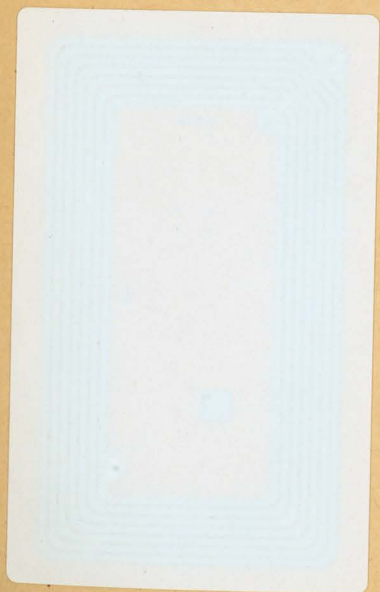
Формат бумаги 60 x 92 1/16 6,512 бум. листа,

Печ. лист. 13,025 Учет.-изд. лист. 14,111

№П18044 Тираж 5030 экз. Цена 5 руб. 65 к. Заказ № 2506
Кемеровское книжное издательство, г. Кемерово, Белякова, 26

☆☆☆

г. Кемерово, ул. Сталина, 66, Тип. „Кузбасс“ Облполиграфиздата.

ЦЕНА 5 руб. 65 коп.

0-57